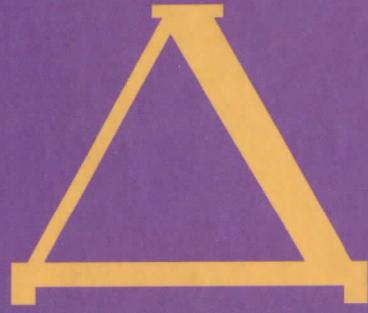

Древний Рим в биографиях

Генрих Вильгельм Штоль

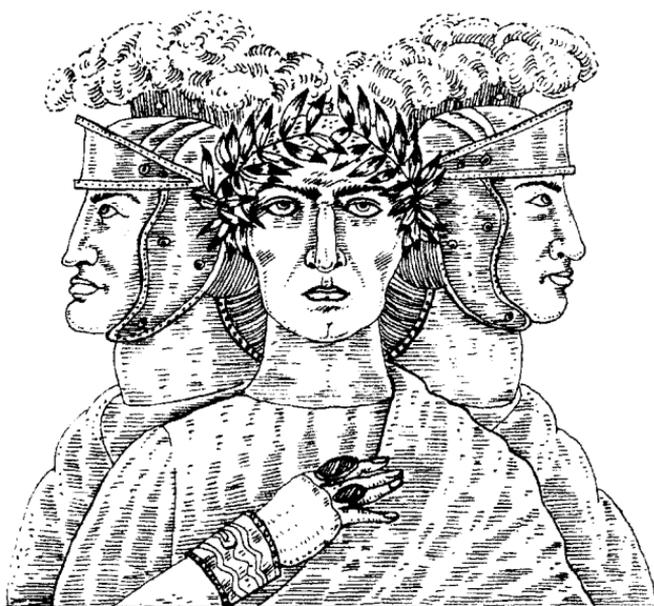
Генрих Вильгельм Штоль

Древний Рим в биографиях

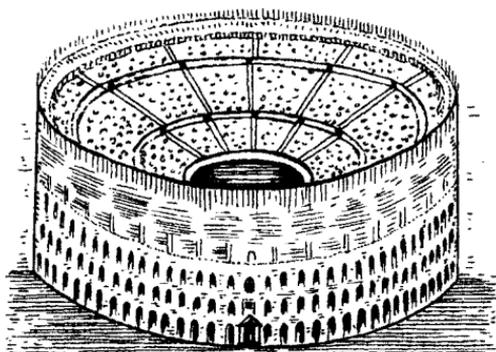

Ломоносовъ
Издательство

Генрих Вильгельм Штоль

Древний Рим
в биографиях

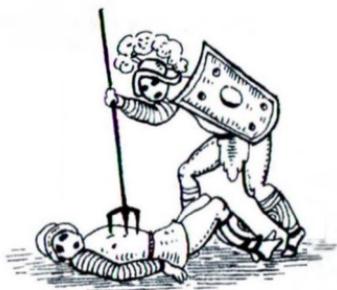
Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2013

УДК 931/939
ББК 63.3(0)32
Ш 93

Heinrich Wilhelm Stoll
DIE HELDEN ROMS IM KRIEG UND FRIEDEN:
GESCHICHTE DER RÖMER
IN BIOGRAPHISCHER FORM

Иллюстрации И. Тибиловой

Перевод с немецкого Якова Гуревича

Scan by Greego

Возникновение Рима и его древнейшая история недостовверны и темны, и позднейшее время старалось восполнить этот пробел; оно прославило и разукрасило происхождение всемирного города сказаниями. Основателем Рима считается Ромул, которого высшая сила спасла от опасности для исполнения его великого назначения. Нумитор, царь латинского города Альба-Лонга, происходивший из племени сильвиев, которых производят от троянца Энея, был низвергнут с престола своим братом Амулием, сын его был убит, а дочь Рея Сильвия стала весталкой и таким образом осуждена на безбрачие. Тем не менее она родила от бога Марса близнецов Ромула и Рема, которых Амулий велел бросить в Тибр. Волны реки благосклонно пригнали к берегу корзину с обреченными на смерть детьми, волчица вскормила их, а птицы небесные приносили им пищу с гор. Фаустил, царский пастух, нашел мальчиков и вместе со своей женой Аккою Ларенцией воспитал их. Таким образом, царские дети, сыновья богов, выросли как пастухи между пастухами и стали сильными, храбрыми юношами. Узнав историю своего детства, они убили врага своего рода Амулия и возвратили трон своему деду, а для себя решили основать город на том месте, где они были когда-то спасены чудесным образом.

Но между братьями возник спор о том, кто даст имя новому городу и на каком холме основать его; Рем предложил Авентинский холм, Ромул — Палатинский. Гадания авгуров по полету птиц возвестило волю богов. Двенадцать коршунов, с восхождением солнца пролетевших над Ромулом, решили спор в его пользу. Город был выстроен на Палатинском холме и получил от Ромула, которому боги вручили владычество над ним, название Рома (Рим). Рем был убит своим братом за то, что, раздосадованный неудачей, насмешливо перескочил через вал и ров, окружавшие город. «Так да будет со всеми, — сказал озлобленный Ромул, — кто после тебя перейдет через мои стены».

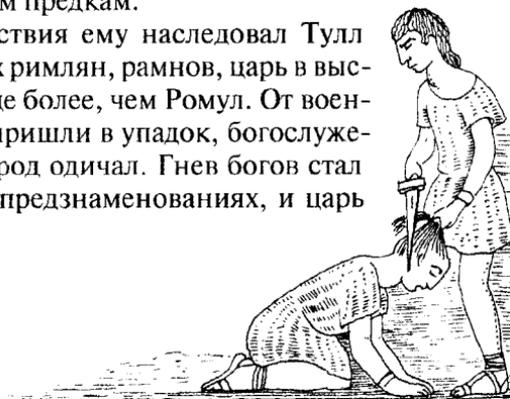
Первыми жителями города Рима были окрестные пастухи, товарищи детства Ромула. Молодой город вскоре приобрел значительное население, но оно, по-видимому, должно было прекратиться с первым же поколением, потому что граждане не имели жен и соседние народы не желали вступать в брачные союзы с собравшимся сбродом. Тогда Ромул пригласил латинов и сабинян в свой город для празднования консуалий, праздника бога Конса, и в то время, когда многочисленные гости с их женами и детьми с увлечением смотрели на состязания, римляне, по данному знаку, вдруг похитили присутствовавших девиц и увели их в свои дома.

Отсюда возникла война с родственниками похищенных. Жители Ценины, Крустумериума и Антемн одни за другими были легко побеждены; но сабиняне, под предводительством царя своего Тита Тация, овладели римской крепостью на Капитолии и сразились с Ромулом в долине между Капитолийским и Палатинским холмами. В разгар боя сабинянки, вышедшие замуж за римлян, бросились между сражавшимися и примирили своих мужей и отцов. Сабиняне поселились на Квиринале и Капитолии и вместе с народом Ромула, жившим на Палатине, образовали одно общее государство. Соединенный народ получил название квиритов. В учрежденный Ромулом сенат (совет старейшин), состоявший из ста римлян, принято было еще сто сабинян, и оба царя, Ромул и Таций, управляли вместе. Когда же спустя шесть лет Таций был убит в Лавиниуме, правление вновь перешло к одному Ромулу.

Ромул был царь воинственный. Молодое государство при его храбром предводительстве привело соседей в такой страх, что еще сорок лет после его смерти, во все время правления Нумы, никто не смел нападать на него. По отношению к своему народу Ромул был добр и справедлив. После того как он исполнил свое назначение, устроив за свое тридцатисемилетнее правление Рим внутри и обезопасив его извне, боги взяли его с земли. Согласно легенде, в то время, когда Ромул производил смотр воинов у Козьего болота, отец его Марс спустился с облаков среди бури и ветра и увез его на огненной колеснице на небо, где он с тех пор и живет как бог между богами. Римляне чтили его как своего покровителя и отца под именем Квирина.

После исчезновения Ромула наступило годичное междуцарствие, во время которого правление находилось в руках сената, пока народ, утомленный этим порядком вещей, не потребовал себе снова царя. Решили, что цари будут избираться попеременно из обоих племен, латинов (коренных римлян) и сабинян и что одно племя будет выбирать государя из другого. Таким образом, латинское население избрало сабинянина Нуму Помпилия, зятя Тита Тация, который жил в сабинском городе Куры и был известен своей мудростью. Нума Помпилий поставил себе задачей смягчить нравы народа, одичавшего в войне, религиозными установлениями и мирными искусствами. Он сохранял мир со всеми соседями, привел в порядок дело религии, противодействовал бедности раздачей государственных земель и развил в массе охоту к мирному занятию земледелием. Во всех своих распоряжениях он поступал с большой мудростью, будучи, как говорят, поддерживаем указаниями нимфы Эгерии, которая встречалась с ним по ночам и в это время открывала ему волю богов. После сорокатрехлетнего правления благочестивый царь отошел к своим предкам.

После короткого междуцарствия ему наследовал Тулл Гостилий из племени латинских римлян, равнов, царь в высшей степени воинственный, еще более, чем Ромул. От военных тревог учреждения Нумы пришли в упадок, богослужением стали пренебрегать, и народ одичал. Гнев богов стал проявляться в разных дурных предзнаменованиях, и царь

впал в трудноизлечимую болезнь. Тогда он в малодуший попытался чародейством и заклинаниями склонить Юпитера снизойти с неба в молнии и дать ему предсказание, но упустил какую-то формальность в своем чародействе, и разгневанный бог убил его молнией, после того как он процарствовал тридцать три года.

Четвертый царь был Анк Марций, сын дочери Нумы. Он был кроток и миролюбив, как его дед. Соседние латины сочли его миролюбивое настроение за слабость и начали с ним войну, но вскоре испытали превосходство римского оружия. Города Подиториум, Телленэ, Фикана и Медуллия были завоеваны, и жители их переведены в Рим, где их поселили на Авентине. Они-то и составили начало римского плебса. Этими завоеваниями римские владения были расширены по южному берегу Тибра до моря. В устье Тибра Анк заложил портовый город Остию. Яникульский холм на правой стороне Тибра, против Рима, он укрепил и присоединил его к остальному городу посредством моста на сваях.

Вот главные черты сказаний о четырех первых римских царях. Что же касается исторической правды, то можно сказать следующее. Древнейшее римское население было основано на Палатинском холме латинами; но что эти латины пришли из Альба-Лонги — весьма сомнительно, потому что нигде не видно между этими городами такой связи, которая должна была существовать между метрополией и колонией. Ромул, по сказанию основатель Рима, бог и сын бога, есть чисто мифическое лицо, имя которого выведено из названия Рима. Годом основания Рима обыкновенно принимают, вслед за римским ученым Марком Теренцием Варроном, 753 год до Р. Х.; но в действительности время основания Рима определить с точностью невозможно. Сказания, называющие Ромула внуком Энея, естественно, отодвигают основание Рима в более далекую древность.

Предание говорит о похищении сабинянок, потому что римляне вступали на Палатинском холме в брачные союзы с соседней сабинской общиной. Именно сабиняне, близкие родственники латинского племени, проникли из северо-восточных гор в долину Тибра; часть их поселилась даже на

Квиринале, против Палатина. Обе общины на Квиринале и на Палатине, вероятно, находились между собой в отношениях враждебных; крепость на Капитолии, по-видимому, была занята сабинянами. Но с течением времени обе общины вступили в мирные отношения и составили федеративное государство. Таким образом, римское государство состояло из двух племен, или триб, латинов и сабинян, или рамнов и тициев. К ним впоследствии присоединились как третья триба люцеры, вероятно образовавшиеся из поселившихся на Целийском холме альбанцев, которые, однако, вначале уступали двум первым племенам в политических и богослужебных правах и почестях и не могли избираться в цари. Каждая из этих трех триб разделялась на десять курий, каждая курия — на десять родов, так что весь народ распался на тридцать курий и триста родов.

Это смешение различных племен в одном государстве, без сомнения, много способствовало живому и здоровому развитию. Ромул, латинского происхождения, считается основателем города и творцом первых политических учреждений. Нума Помпилий, сабинянин, укрепляет государство своими религиозными учреждениями; по следам Нумы идет его внук Анк Марций. Первыми плебеями были жители поселений на левом берегу Тибра, которые, по преданию, были завоеваны и разрушены Анком. Они составляли общину полуграждан, подчиненных полноправным гражданам, или патрициям. От них отличались клиенты (домочадцы, наследственно подчиненные), часть древнейшего римского населения, тесно связанная с патрициями, распределенная между отдельными патрицианскими родами и состоявшая под их особенным покровительством. Патриций в качестве патрона, подобно отцу, должен был во всем помогать своему клиенту, а клиент обязан был ему служить. Впоследствии клиенты постепенно слились с плебеями.

Царей Тулла и Анка мы можем считать личностями историческими, но они окружены легендарным мраком. То же должно сказать и об их наследниках, о так называемом тарквинийском периоде, отличающемся совершенно особенным характером. Смена латинских и сабинских царей прекращается, и три следующих царя — Луций Тарквиний Приск, Сер-

вий Туллий и Луций Тарквиний Гордый — достигают престола путем несправедным и теряют его в результате насилия.

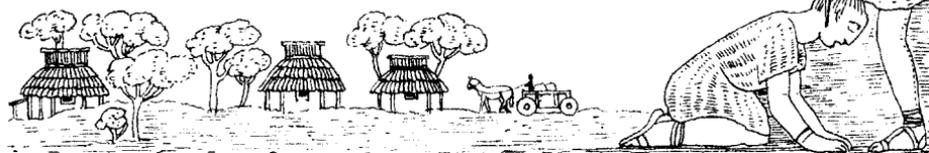
В правление Анка Марция, как говорит предание, из этрусского города Тарквиния пришел в Рим Лукумон, сын Демарата, бежавшего из Коринфа, и под именем Луция Тарквиния приобрел благосклонность и высокое уважение царя и народа. После того как Анк назначил его опекуном своих детей, он сумел побудить народ к передаче ему царского достоинства. Луций Тарквиний показал себя сильным и предприимчивым государем, он расширил римское владычество в удачных войнах против латинов, сабинян и этрусков. Внутри он предпринял многие перемены в государственном устройстве. Число членов сената он увеличил до трехсот, вероятно, допуская туда люцеров, к которым он, по-видимому, и сам принадлежал. Известное число знатнейших семейств из плебеев он принял в патрициат, включив их в существующие трибы, так что теперь число патрицианских родов увеличилось вдвое. Эти вновь принятые роды назывались младшими. Кроме того, Тарквиний много заботился об отстройке города, его украшении и укреплении. Он начал сооружение большого капитолийского храма, который был окончен уже при сыне его Тарквинии Гордом; болотистые низменности города, нижний форум, долину между Палатином и Авентином он осушил посредством громадных подземных каналов (клоаки), которые сохранились до сих пор и показывают, какими большими возможностями располагала тогдашняя власть. В долине между Палатином и Авентином был устроен цирк для «римских игр». Затем Тарквиний начал постройку оконченной при Сервии большой окружной стены, соединившей в один большой город семь холмов Рима: Палатинский, Капитолийский, Квиринальский, Виминальский, Эсквилинский, Делийский и Авентинский и Яникульский на правой стороне Тибра.

Когда Тарквиний был убит в своем доме по наущению сыновей Анка, его мать Танаквила объявила, что Тарквиний только ранен и передает правление до выздоровления своему зятю Сервию Туллию — по сказанию, рожденному рабыней. Когда же Сервий достаточно утвердился на престоле, он открыто объявил себя царем. Сервий был по преимуществу

мирный государь; замечательные деяния его — во-первых, завершение постройки крепостных стен, начатой Тарквинием, и, во-вторых, обеспечение свободы и политических прав плебеев. Плебеи числом значительно превосходили патрициев и в целом не уступали им в образовании; их нельзя было полностью лишать политических прав хотя бы уж потому, что без плебеев невозможно было комплектование войска и сбор податей.

Сервий разделил римскую территорию на тридцать округов, или триб, вследствие чего и все население распалось на соответственное число триб. Не только плебеи, но и патриции и клиенты были включены в эти местные трибы. Кроме деления всего народа на трибы, Сервий предпринял и второе деление его — распределение по классам и центуриям, причем, подобно Солону в Афинах, он принял за основание деления имущественное состояние. Это устройство имело целью отмерить каждому отдельному гражданину его права в народном собрании. Все население теперь распалось на а) всадников, которые включали шесть старых патрицианских центурий и двенадцать вновь образованных центурий из знатнейших плебеев; б) пехоту, разделенную на пять классов и сто семьдесят центурий; в) состоящих вне классов, а именно: ремесленников при войске, две центурии; музыкантов при войске, две центурии; пролетариев, которые так назывались потому, что могли служить государству не своим имуществом, а только своими детьми (*proles*).

Ясно, что основанием такого разделения служило военное устройство. Пять классов пехоты были в то же время пятью видами войска, по-разному вооруженными. Снаряжение первого класса состояло из пики и сабли, шлема, круглого щита, набедренников и нагрудника (все из меди); второй класс имел то же снаряжение, только без нагрудника, а вместо круглого щита — продолговатый щит, деревянный, обтянутый кожей; третий класс не имел и набедренников; у четвертого класса были только пики и метательные копья; у пятого — пращи и метательные камни. Следовательно, тот, кто был богаче, должен был употреблять больше средств на свое вооружение. Пролетарии были свободны от военной службы.

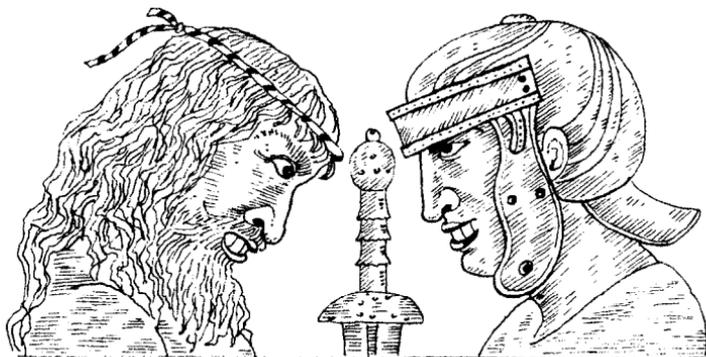

Гражданин должен служить государству «имуществом и кровью», то есть воевать и платить налоги. Сумма налога зависела от того, в какую центурию входил римский гражданин.

Сервий своими реформами дал римскому народу гражданский порядок, определил его политические права и положил новое основание всему его государственному развитию. Однако кончил он трагически: его убили по приказу зятя Луция Тарквиния, который сошелся с партией патрициев, недовольной нововведениями Сервия.

Луций Тарквиний показал себя жестоким и бессердечным тираном, почему и получил прозвание *Superbus* — Гордый. Он угнетал простой народ несправедливыми налогами, а патрициев, когда представилась возможность, оттеснил от власти — многих казнил, лишил имущества и выгнал из отечества. Сенат при нем потерял всякое значение. Этот деспотический царь поднял Рим на высшую ступень могущества и блеска. Он достроил клоаки и храм Юпитера на Капитолии. Силой и хитростью Тарквиний подчинил своему господству союз латинских городов, так что Рим сделался столицей всего Лациума и овладел морским берегом от Остии до Терацины. Могущественный город живущих по соседству вольсков Суэса-Помеция был взят штурмом, и богатая добыча употреблена на постройку Капитолийского храма.

Но среди этих побед колесница счастья Тарквиния вдруг сломалась. Патриции составили заговор и изгнали его с семейством из города. Подробности об этом событии мы расскажем в следующей главе. После этого Рим сделался республикой, во главе которой встали два консула, избираемые на год.

Луций Юний Брут

Основателем Римской республики и главным виновником изгнания Тарквиниев римляне считали Луция Юния Брута. Род Брута принадлежал к сословию патрициев и был одним из знатнейших в Риме. Его производили от одного троянца, будто бы приехавшего в Рим с Энеем. Отца Брута, весьма почтенного человека, царь Тарквиний Гордый приказал убить вскоре после умерщвления Сервия — он хотел завладеть его богатствами. А заодно — чтобы обезопасить себя от кровного мщения — он лишил жизни и старшего его сына Марка. Младшего сына Луция Тарквиний пощадил — он был еще ребенком и казался безопасным. Луций рос в доме Тарквиния с его собственными сыновьями. Чтобы избежать участи родных, Луций предоставил в распоряжение Тарквиния все свое имущество, притворился полупомешанным и играл свою роль так искусно, что его в насмешку прозвали Брутом, то есть идиотом. Таким образом, он оградил себя презрением там, где нельзя было найти защиты у справедливости, и стал с твердостью и терпением выжидать удобного случая, чтобы отомстить за себя.

Дурные сны и угрожающие признаки начали с некоторого времени предвещать близкое несчастье царю, и Тарк-

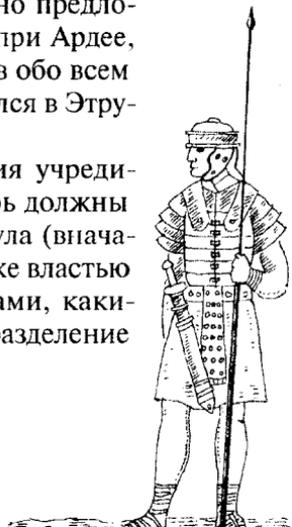
виний Гордый решил обратиться к Дельфийскому оракулу. Он отправил в Грецию двух своих сыновей Тита и Арунса и, чтобы они не скучали, послал с ними в качестве шута Луция Юния. Прибыв в Дельфы, царственные юноши принесли богу Аполлону драгоценные подарки, Брут же отдал ему только свою дорожную палку, но эта палка была внутри выдолблена и заключала в себе золотой стержень — тайный символ его ума. Царевичи спросили оракула, кому из них достанется господствовать в Риме. Ответ был следующий: «Главным владыкой сделается тот из вас, о юноши, который первый поцелует мать». Братья решились держать в тайне слова оракула, чтобы их третий брат Секст, оставшийся дома, не опередил их; относительно же себя они предоставили судьбе устроить, кто из них двоих прежде поцелует мать. Но умный Брут, поняв более глубокий смысл изречения оракула, опередил их так, что они этого не заметили: он, как будто споткнувшись, упал и поцеловал землю, общую мать всех смертных.

Вскоре после возвращения юношей в Рим началась война с Ардеей, рутульским городом, богатства которого давно уже раздражали корыстолюбие царя Тарквиния. Взятие этого города, сильно укрепленного, стоявшего на высоком и очень крутом утесе, представлялось делом нелегким и требовало долговременной осады. Однажды, когда римское войско стояло лагерем перед Ардеей, сыновья царя пиروвали вечером в палатке Секста Тарквиния, где находился также их родственник Луций Тарквиний, прозванный Коллатином — от города Коллации, в котором его отец Эгерий был наместником. Разговор молодых людей зашел об их женах, и каждый восхвалял свою. «Давайте, — воскликнул наконец Коллатин, — сядем сейчас на коней, и вы убедитесь, что ваши жены уступают моей Лукреции». — «Так и быть!» — воскликнули остальные. И вот собутыльники понеслись на быстрых конях в Рим, где застали жен царевичей за роскошным ужином, а оттуда в Коллацию. Было уже очень поздно, но Лукреция сидела еще в кругу своих девушек и пряла. Победу присудили ей. Но красавица возбудила в Сексте Тарквинии гнусный замысел — через несколько дней он явился в Коллацию и, угрожая мечом, заставил Лукрецию отдаться. Затем он возвратился домой, ничуть не заботясь о последствиях.

Лукреция же немедленно отправила одного посла в Рим к своему отцу Спурию Лукрецию, а другого — в Ардею к мужу с просьбой, чтобы они приехали к ней как можно скорее и чтобы каждый взял с собой верного друга, так как случилось страшное несчастье. Лукреций приехал с Публием Валерием, сыном Волеза, а Коллатин — с Луцием Юнием Брутом. Лукреция рассказала им о злодеянии Секста Тарквиния, объявила, что покончит с собой, и требовала от них наказания преступника. Все они один за другим дали ей слово и старались ее утешить, но она не принимала утешений. «Вы позаботитесь, — сказала она, — чтобы виновник этого дела получил достойное возмездие; я же, хотя признаю себя невинной, не хочу избегнуть наказания; пусть ни одна женщина после меня, ссылаясь на Лукрецию, не остается в живых при потере целомудрия». С этими словами она вонзила себе в грудь кинжал, спрятанный под платьем, и упала мертвая.

Брут вынул окровавленный кинжал из груди Лукреции и сказал: «Этой чистой, священной кровью я клянусь и призываю вас, боги, в свидетели, что буду огнем и мечом и всеми возможными для меня средствами преследовать злодея Луция Тарквиния с его безбожной женой и всеми детьми его племени и не потерплю, чтобы они были царями в Риме». Коллатин, Лукреций и Валерий повторили эту клятву. Затем они вынесли труп Лукреции из дому и стали призывать народ к восстанию. Горожане схватились за оружие, и Брут повел молодежь в Рим. Здесь, в качестве начальника всадников, он созвал народное собрание и призвал изгнать Тарквиниев из Рима. Вслед за этим Брут вооружил и приготовил к бою всех способных к военной службе людей, добровольно предложивших свои услуги, а сам отправился в лагерь при Ардее, чтобы и там возбудить войско против царя. Узнав обо всем этом, царь с двумя старшими сыновьями отправился в Этрурию.

После изгнания царя руководители восстания учредили новый порядок правления. Место царя теперь должны были занимать два ежегодно сменявшихся консула (вначале их называли «преторами»), облеченных такой же властью и такими же военными и политическими правами, какими пользовались цари; но ежегодная их смена и разделение

власти между двумя лицами ограждали государство от опасности деспотического господства. Жреческие права, присвоенные до тех пор царям, были переданы специальному сановнику. Первыми консулами стали Юний Брут и Тарквиний Коллатин.

Народ так сильно заботился о сохранении своей молодой свободы, что консул Тарквиний Коллатин, несмотря на то что его образ мыслей и действий был безупречен, возбуждал подозрение уже одним своим именем. Тарквинии, говорил народ, не научились жить жизнью честных людей: имя это возбуждает подозрения, оно опасно для свободы; до тех пор, пока есть в городе хотя бы один Тарквиний, за свободу нельзя ручаться, а тут даже правление находится в руках Тарквиния. Когда Брут заметил эти сомнения граждан, он созвал народное собрание и обратился к своему товарищу с просьбой, чтобы он добровольно оставил должность. Для Тарквиния Коллатина это предложение было так неожиданно, что он онемел от изумления; когда же наконец он захотел возразить, первые сановники государства окружили его с настоятельными просьбами принести эту жертву отечеству. Даже его тесть, старый Спурий Лукреций, присоединился к этим просьбам. Однако Коллатин медлил подчиниться народной воле, и народное собрание лишило его должности. Затем Коллатин по настоянию друзей покинул Рим. На его место Брут избрал себе в товарищи Публия Валерия, и народ утвердил это избрание.

Царь Тарквиний тем временем начал искать способ возвратиться к власти. Он отправил послов в Рим, которым поручил потребовать выдачи своего имущества. Пока в сенате шли совещания по этому делу, послы затеяли с некоторыми знатными гражданами тайные переговоры, имевшие целью возвратить в Рим царскую фамилию. Главными заговорщиками были братья Вителлии и братья Аквиллии; первые были близкими родственниками Брута, женатого на их сестре, вторые — племянниками консула Коллатина. Стараниями этих людей в заговор было вовлечено значительное число знатных юношей, которые прежде были дружны с сыновьями Тарквиния и жаждали возвращения прежней веселой жизни. Даже сыновья Брута — Тит и Тиберий — приняли участие в осуществлении преступных замыслов.

Между тем сенат решил выдать Тарквинию его имущество. Вечером накануне отъезда посланники свергнутого царя собрались вместе с другими заговорщиками на ужин в доме Вителлиев. Все присутствующие считали себя в совершенной безопасности, но раб по имени Виндиций слышал все и донес об их замысле. Заговорщики были арестованы, при них нашли письма, которые подтвердили слова раба; впрочем, посланников Тарквиния беспрепятственно выпустили из города, но речь о возвращении царского имущества уже не шла — оно было разделено между горожанами.

Затем последовали казни изменников. Сенат и весь народ собрались на площади, оба консула сидели на своих судейских креслах, окруженные ликторами*, державшими фасции-топорики в связках прутьев; юноши-заговорщики, в числе которых были и сыновья Брута, стояли привязанные к столбам, ожидая приговора Брута, который председательствовал на суде. Преступление его сыновей было очевидно, они сами не отрицали своей вины. Выбора не оставалось никакого. «Ликторы, — сказал Брут, — исполняйте свою обязанность». И ликторы схватили юношей, сорвали с них платье, связали им на спине руки и стали бить розгами; потом повалили на землю и секирами отрубили головы. Брут сидел неподвижно на своем судейском кресле и без внешних признаков скорби смотрел, как истекали кровью его сыновья, бывшие единственной надеждой его дома. Потом, закрыв лицо, он удалился с места казни; то, что было для него дороже всего на свете, он принес в жертву свободе и отечеству. Остальные заговорщики были осуждены на смерть собравшимся на площади народом.

Когда заговорщики получили возмездие, награда другого рода была дана рабу, открывшему заговор. Его торжественно объявили свободным и дали ему все права римского гражданина.

Когда вернуть власть хитростью не удалось, Тарквиний вознамерился сделать это силой оружия. Он стал объ-

* Лицо, сопровождавшее представителя высшей администрации; обязательный атрибут ликтора — связка прутьев с воткнутым в нее топором.

езжать города Этрурии, просить помощи и уговорил жителей Тарквиниев и Вейев снарядить для него войско. Когда они вторглись в римские владения, навстречу им двинулось римское войско под предводительством обоих консулов. Валерий вел пехоту, а во главе конницы впереди всех ехал Брут. Таким же точно образом двигалась и неприятельская армия: Арунс Тарквиний составлял с конницей авангард, а царь Луций Тарквиний следовал за ним с пехотой. Как только Арунс увидел своего смертельного врага Брута, он воскликнул в сильном гневе: «Вот он, человек, изгнавший нас из отечества!..» С этими словами он пришпорил лошадь и помчался прямо на консула. Брут тоже ринулся в бой. Они столкнулись, что было силы, пронзили копьями друг друга, и оба упали с лошадей смертельно раненными.

Затем началась кровопролитная битва. Победа склонялась то на одну, то на другую сторону, пока наконец разыгравшаяся непогода не прекратила сражение. Обе армия отступили в свои лагеря; потери служили для каждой из них доказательством скорее поражения, чем победы. С наступлением ночи в обоих лагерях водворилась тишина, но вдруг, как сообщает предание, в лесу поднялся шум и громкий голос возвестил, что этруски потеряли на одного человека больше, чем римляне, и, таким образом, победа на стороне римлян. Якобы то был голос лесного бога Сильвана, который имел способность повергать в панический ужас самое храброе войско. Страх до такой степени овладел этрусками, что они стремительно оставили свой лагерь и бросились в бегство. Римляне погнались за ними с победоносными криками, взяли в плен не менее пяти тысяч человек и завладели богатой добычей.

Валерий с триумфом возвратился в Рим, но римлян не порадовала победа, купленная ценой жизни Брута. Благодарные потомки поставили в Капитолии между изображениями царей статую, изображавшую его с обнаженным мечом в руке.

Со смертью Луция Юния Брута окончилось существование патрицианского рода Юниев, так как казенные сыновья были его единственными детьми. Убийца Цезаря — Марк Юний Брут — происходил из плебеев и не имел к этому древнему Бруту никакого отношения.

Публий Валерий Попликола

Публий Валерий, сын Волеза, с которым мы уже познакомились как с товарищем и помощником Брута, происходил из сабинской патрицианской фамилии. Родоначальником ее считался Волез Валерий, который, по сказанию, прибыл в Рим с Титом Тацием и поспособствовал миру, заключенному между ним и Ромулом. Он пользовался таким почетом, что после смерти Ромула соплеменники хотели даже избрать его царем.

Публий Валерий деятельно помогал Бруту в изгнании Тарквиния. Но когда народ избрал в товарищи Бруту не его, а Коллатина, Валерий, огорченный и рассерженный, устранился от всякого участия в общественных делах — и многие опасались, что неудовольствие побудит его содействовать возвращению царского образа правления. Но думавшие таким образом были к нему несправедливы. Ибо когда Брут всенародно объявил, что сенаторы должны присягнуть новому образу правления, Валерий явился прежде всех и дал присягу, что станет защищать свободу со всевозможной энергией. И действия его скоро оправдали эту клятву.

Раб Виндиций открыл свою тайну не Бруту или Коллатину, чьи сыновья и племянники находились в числе заговорщиков, а Валерию, который с помощью своего брата Марка и схватил заговорщиков. Когда Брут после смерти своих сыновей оставил площадь и Коллатин, более мягкосердечный, чем его товарищ, попытался избавить от смерти своих племянников Аквиллиев, Валерий выступил против Коллатина, и изменники были приговорены к отсечению голов.

Победа над этрусками доставила Валерию блистательный триумф: в сопровождении всего войска на колеснице, запряженной четверкой, он въехал в Капитолий, и это был первый консул, удостоившийся такого почета.

После смерти Брута Валерий поначалу обходился без соправителя. В народе, боявшемся за свою свободу, это обстоятельство породило слухи, что Валерий стремится к единодержавию; в подтверждение их указывали на то, что он построил себе дом, больше похожий на замок, на Велии,

одном из выступов Палатинского холма, где прежде иногда жили цари. Как только до Валерия дошла весть об этом подозрении, он снес дом на Веллии и построил другой у подножия холма на том месте, где впоследствии стоял храм Вики Поты (Виктории).

Позже Валерий предложил законы, которые снискали ему полнейшее доверие народа и были причиной того, что он получил почетное прозвание Попликола — друг народа. Один закон налагал проклятие и опалу на всякого, кто попытался бы восстановить монархию и учредить единодержавие; другой предоставлял каждому римскому гражданину право обращаться в народное собрание в случае, если судебный приговор присуждал его к телесному наказанию или к смертной казни.

Затем Валерий избрал себе в качестве соправителя Спуррия Лукреция, отца Лукреции, а когда тот, уже очень старый человек, умер через несколько дней после назначения на должность, на его место был избран Марк Гораций Пулвилл. Этому консулу выпала на долю честь освятить на Капитолии храм Юпитера, постройка которого, начатая первым Тарквинием и продолженная вторым, была окончена только теперь. Этой чести добивался для себя и Попликола, далеко не лишенный честолюбия, но судьба решила иначе: во время освящения он воевал с Вейями.

Все описываемые события относятся к первому году республики (509 год до Р.Х.). В следующем году Валерий Попликола был во второй раз избран консулом; его товарищем стал Тит Лукреций. С этим вторым консульством Попликолы совпадает начало войны с царем этрусского города Клузиума Порсенной, который дал убежище Тарквинию и потребовал его восстановления на римском престоле; эта война тянулась и в следующем году, когда Попликола сделался консулом в третий раз.

Войско Порсенны, превосходившее числом римское, взяло приступом Яникульский холм и преследовало римлян до реки, где навстречу этрускам бросился Валерий с новым отрядом, но скоро, покрытого ранами, его унесли с поля битвы. Не лучшая судьба постигла другого консула, и тогда римлян обуяла паника. К счастью, защитникам города уда-

лось разрушить деревянный мост через реку и не дать этрускам ворваться в город.

Рим был спасен, но Порсенна осадил его и отрезал подвоз съестных припасов. Ждать помощи было неоткуда, и тогда один молодой патриций по имени Гай Муций решился убить Порсенну и избавить свой родной город от тяжелого бедствия. Сообщив сенату о своем намерении, Муций, спрятав на груди кинжал, прокрался под видом перебежчика в неприятельский лагерь, где в это время Порсенна со своим секретарем выплачивал солдатам жалованье. Муций принял богато одетого секретаря за царя и убил его. Схваченный и приведенный к Порсенне, он сказал: «Я римский гражданин и зовусь Гаем Муцием. Как враг я хотел убить врага и умирать не боюсь почти так же, как умерщвлять. Римлянин отличается способностью к великим подвигам и великим страданиям. И я далеко не единственный, носящий в себе такой замысел против тебя: за мной следует целый ряд людей, добивающихся этой чести. Мы все объявляем тебе эту войну, и жизнь твоя каждую минуту в опасности». Когда царь, полный гнева и ужаса, стал угрожать Муцию пыткой посредством огня, юноша протянул свою правую руку в пламя, пылавшее на тут же стоявшем жертвеннике, и сказал: «Узнай из этого примера, как мало ценят свое тело те, кто имеют в виду высокую славу». Царь вскочил со своего места, велел оттащить Муция от огня и отпустил его. Как будто в награду за это великодушие Муций открыл Порсенне, что триста римских юношей составили против него заговор и что он сам только первый, на кого выпал жребий совершить убийство. С тех пор Муций получил прозвище Сцевола, то есть Левша.

Порсенна поверил словам юноши и, чтобы избегнуть римских кинжалов, отправил в город посольство с предложениями мира, который был заключен на самых мягких условиях. Порсенна потребовал только, чтобы римляне возвратили Вейям отнятую у этого города землю и выдали ему самому в виде заложников десять юношей и столько же девиц. В числе заложниц находилась девушка по имени Клелия. Она сумела обмануть стражу и, сопровождаемая своими подругами, переплыла под градом этрусских стрел Тибр и возвратилась в Рим. Но Валерий, несмотря на то что в чис-

ле бежавших заложниц находилась его собственная дочь Валерия, снова отправил их к Порсенне. Царь, удивленный мужеством Клелии, дал ей свободу и позволил, кроме того, взять с собой часть заложников. Позже римляне воздвигли Клелии конную статую.

Валерий умер на шестом году республики. При жизни он был отмечен четырьмя консульствами и многими другими отличиями. После смерти римляне воздали ему честь погребением на общественный счет, для чего каждый гражданин внес один квадрант (четвертую часть асса). Многие неверно выводили из этого заключение, будто Валерий оставил такое незначительное состояние, которого не хватило даже на его похороны. Кроме того, граждане устроили его могилу внутри города, решив, чтобы это место осталось навсегда местом погребения и всего его семейства, а римские матроны по добровольному соглашению оплакивали его, как прежде Юния Брута, целый год.

Что же касается Тарквиния, то он до глубокой старости не отказывался от надежды вернуть трон. Он отправился в латинский город Тускулум, к своему зятю Октавию Мамилию, и тот двинул против Рима латинов. Состоялась кровопролитная битва при Регильском озере (496 год до Р.Х.), в которой римляне одержали победу. Тогда Тарквиний подался в Кумы к своему другу, тирану Аристоклему, и там, удрученный превратностями судьбы, в следующем году умер.

Спурий Кассий Висцеллин

Что Спурий Кассий был необыкновенный человек, доказывают его три консульства и два триумфа; при первом диктаторе Тите Ларции он занимал вторую в городе должность *magister equitum* — начальника конницы, — а будучи консулом, заключил мир и несколько важных союзов с сабинянами, латинами и герниками. Во время своего первого консульства (502 год до Р.Х.) он одержал при Курах победу над сабинянами и заставил их отдать в обмен на мир десять тысяч десятин земли. В 493 году, второй раз будучи избран консулом, он заключил важный договор с Латинским сою-

зом, объединявшим тридцать городов. А в 486 году, в период своего третьего консульства, сумел привлечь на сторону Рима герников, воинственный народ сабинского происхождения, живший к югу от латинов. Со временем и латины, и герники попали в зависимость от Рима.

В третье консульство Спурий Кассий предложил новый аграрный закон, и это привело его к гибели. Когда-то Ромул, как утверждает легенда, выделил часть земли в общественное пользование. Позже количество общественных земель благодаря завоеваниям значительно увеличилось. Новые приобретения частью продавались или отдавались в собственность колонистам, но в основном оставались государственным имуществом. При этом почти весь доход с этих земель, по старым установлениям, доставался патрициям, что вызывало недовольство плебеев. Но патриции упорно не желали отказываться от своих привилегий — они даже не платили пошлину за пользование общественными землями.

Спурий Кассий предложил поделить общественные земли между патрициями и плебеями. Понятно, что патриции и сенат были против, однако, убоившись восстания плебеев, сенат уступил, и закон был принят. Сенат надеялся, что народ вскоре успокоится и можно будет предать неудобный закон забвению. Но прежде надо было отделаться от Кассия. Корыстолюбивые патриции никогда не затруднялись в выборе средств, и поэтому, едва Кассий сложил с себя консульскую власть, они возвели на него вымышленные обвинения в намерении захватить власть. Кассий был приговорен к смерти, и его сбросили с отвесной Тарпейской скалы — традиционного места римских казней. Имущество Кассия было конфисковано и посвящено богине Церере, дом снесен, а место, на котором он стоял, оставлено пустым. Статуя, изображавшая бывшего консула, расплавлена. Трех сыновей Кассия оставили в живых, несмотря на существование древнего обычая наказывать детей за преступления родителей.

Аграрный закон не был приведен в исполнение и в следующие годы служил предметом ожесточенной борьбы. Лишь после того, как в 456 году плебеям для постройки домов предоставили Авентинский холм, они до поры до времени отказались от притязаний на общественную землю.

Гней Марций Кориолан

История Кориолана имеет по большей части легендарный характер. Но так как легенда была принята позднейшим временем за действительную историю, то мы выберем из нее самое главное и затем вкратце скажем о том, что, по-видимому, может быть принято за исторические факты. Гней Марций, происходивший из знатного патрицианского рода, отличался уже в очень молодые годы храбростью и мужеством. Рассказывают, что он принимал участие в изгнании Тарквиния и отважно сражался в битве при Регильском озере. На глазах диктатора Постумия он защитил своим щитом упавшего около него римлянина и поразил мечом вражеского воина. За это полководец наградил его дубовым венком — такая награда следовала по закону всякому прикрывавшему щитом своего согражданина.

С этого момента честолюбивый юноша присоединял подвиг к подвигу, прибавлял добычу к добыче; не было сражения, из которого он возвратился бы домой без награды. В том самом году, когда Спурий Кассий заключил союз с латинами, римляне под предводительством консула Постумия Коминия расположились лагерем перед городом Кориол. Вольски из Анциума пришли на помощь городу и напали на римлян, между тем как с другой стороны совершили вылазку жители Кориола. Марций, предводительствуя вверенным ему отрядом, отбросил их снова в город и вторгся туда вслед за ними, а затем, когда город пал, с отрядом добровольцев поспешил на помощь тем римлянам, что сошлись в бою с вольсками. Это решило исход сражения. В награду за свои подвиги он получил от консула лошадь с великолепной сбруей и позволение выбрать себе из богатой добычи, состоявшей из золота, лошадей и пленников, в десять раз больше того, что приходилось бы ему по дележу на равные части. Но Марций выбрал себе только одного пленника, которому тут же вернул свободу. Этот поступок вызвал всеобщее восхищение, и консул дал ему почетное имя Кориолан.

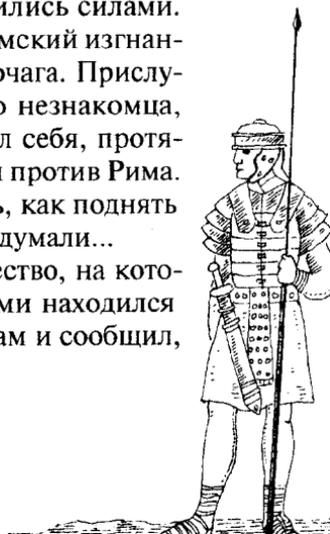
В частной жизни Марций Кориолан вел себя крайне гордо и надменно; плебеев он открыто презирал, а они его открыто

венно боялись. В следовавший за завоеванием Кориола год он был кандидатом на должность консула, но избрание — прежде всего благодаря плебеям — не состоялось. Эту неудачу Кориолан принял как тяжкую обиду, а патрицианская молодежь, видевшая в нем своего вождя, постаралась раздуть его негодование. Он решил отомстить плебеям. Как раз в этом году разразился сильный голод, от которого жестоко страдали самые бедные граждане Рима. Чтобы облегчить бедствие, сенат закупил хлеб в разных местностях Италии, а один сицилийский тиран прислал Риму в подарок большое количество пшеницы. Люди надеялись на низкие цены или даже на бесплатную раздачу хлеба, но, когда сенат решал, как отпускать хлеб народу, Кориолан потребовал, чтобы хлеб продавали по прежним, высоким ценам; если же — говорил Кориолан — плебеи хотят низких цен, то пусть они откажутся от претензий на равные права с патрициями.

Когда речь Кориолана сделалась известной людям, они пришли в такую ярость, что непременно убили бы оратора при выходе из курии, если бы трибуны — специальные должностные лица, призванные защищать интересы плебеев, — не потребовали его к ответу перед судом плебейской общины. Гнев народа улегся; каждый смотрел на себя как на будущего судью своего врага. Но Кориолан не явился на суд и был заочно приговорен к изгнанию. По иронии судьбы он вынужден был искать пристанища у вольсков, победа над которыми принесла ему столько славы.

В Анциуме жил богач Аттий Туллий, который пользовался огромным влиянием. Кориолана он считал личным врагом — не раз во время сражений они мерились силами. Именно в его дом явился однажды вечером римский изгнанник и, не узнанный никем, безмолвно сел у очага. Прислуга позвала хозяина, и тот спросил странного незнакомца, кто он и зачем пришел. Тогда Марций назвал себя, протянул Туллию руку и предложил вместе бороться против Рима. Туллий ответил согласием, и оба стали думать, как поднять вольсков на новую войну с римлянами. И придумали...

Вскоре в Риме состоялось большое празднество, на которое прибыло множество вольсков; между ними находился и Туллий. Он отправился напрямик к консулам и сообщил,

что вольски намереваются во время праздника напасть на римлян и поджечь город. Испуганные этим известием, консулы приказали вольским очистить город до захода солнца. Оскорбленные вольски вышли из Рима, а Туллий, оставивший город раньше и ожидавший своих соотечественников на дороге, распалил их гнев до такой степени, что скоро весь народ стал настоятельно требовать мщения. В Рим были отправлены послы с требованием возвратить все города, отобранные римлянами у вольсков. По сути, это было объявление войны. Римляне отвечали: «Если вольски первые обнажат меч, то римляне последние вложат его в ножны». Вольски избрали своими предводителями Туллия и Кориолана.

Туллий остался для охраны городов вольсков, а Кориолан двинулся в поход против Рима и союзных с ним латинских городов и овладел римской колонией Цирцеей. Затем за короткое время он взял двенадцать латинских городов и остановился со своим войском у Клуилийского рва в пяти римских милях* от Рима. Осажденный Рим почувствовал себя беззащитным. Солдаты Кориолана опустошали земли, принадлежащие плебеям, и не трогали земли патрициев, — во-первых, Кориолан вымещал свою ненависть к плебеям, а во-вторых, он желал усилить вражду между двумя римскими сословиями. Он достиг обеих целей; плебеи заподозрили патрициев в соглашении с Кориоланом и отказались поставлять людей в римское войско. В такой ситуации сенату не оставалось ничего более, как просить о мире.

С этой целью в неприятельский лагерь были отправлены пять сенаторов. Они были личными друзьями Кориолана и надеялись на радушный прием, но он принял их сурово и на их кроткие речи отвечал, что стоит здесь не как частное лицо, а как предводитель вольсков и что о мире не может быть и речи до тех пор, пока римляне не возвратят вольским все их земли с городами и не предоставят им тех же прав, какие даны латинам. На обдумывание ситуации Кориолан дал римлянам тридцатидневный срок, по истечении которого они отправили к нему новое посольство и стали просить смягчить условия мира. Оно вернулось ни с чем, полу-

* Древнеримская миля равна 1598 метрам.

чив последнюю трехдневную отсрочку. Тогда Кориолана попытались смягчить жрецы: понтифексы, фламины и авгуры в праздничных одеяниях отправились к нему и молили отступить от города, чтобы затем уже начать переговоры о делах вольсков, но Кориолан был непреклонен.

Теперь римлян могло спасти только чудо. Женщины печальными толпами переходили из одного храма в другой и молили богов об устранении великого бедствия. В числе их находилась и Валерия, сестра Попликолы, оказавшего выдающиеся услуги государству. В последний день отсрочки она вместе с другими женщинами молилась перед алтарем Юпитера Капитолийского, и вдруг в голове ее сверкнула счастливая мысль. Она отправилась к матери Кориолана Ветурии и его жене Волумнии и упросила их идти к Кориолану. Ветурия и Волумния — последняя держа за руку своих обоих сыновей — двинулись в лагерь вольсков во главе знатных римлянок. Когда Кориолан услышал, что к лагерю направляются его мать, жена и дети, он бросился с распростертыми объятиями им навстречу. Упреки и мольбы матери, вид коленопреклоненных детей и жены, безмолвный плач женщин — все это наконец сокрушило его упорство. «Матушка, — воскликнул он, — что ты со мной сделала! Я повинуюсь тебе, ты победила меня, но в Рим я не возвращусь более никогда... Ты сделала выбор между Римом и сыном». Как только рассвело, он повел войско в обратный путь.

У вольсков Кориолан жил до глубокой старости. По другому, менее достоверному преданию, вольски убили его за то, что он увел солдат от Рима, на который они уже смотрели как на верную добычу.

Рассказы римских историков о Кориолане различаются во многих пунктах. Завоевание города Кориола римлянами в 493 году очень сомнительно. Власть вольсков в то время не простиралась до той местности, где находился Кориол; кроме того, этот город значится среди латинских городов в договоре Кассия, который был заключен в том же 493 году. Стало быть, Кориолан не мог получить этого прозвания благодаря подвигам при взятии Кориола; к тому же в первые столетия республики не было в обыкновении давать прозвища по имени завоеванных городов или выигранных сражений.

Невероятно, чтобы чужеземец Кориолан мог сделаться полководцем вольсков; невероятно, чтобы они беспрекословно повиновались этому чужеземцу, когда он повел их обратно из Рима. Число завоеванных в течение одного короткого похода городов представляется очень сомнительным.

Вероятнее всего, Кориолан был не полководцем вольсков, а предводителем нескольких отрядов таких же изгнанников-римлян. С таким войском он вполне мог опустошать римские владения и даже угрожать столице. Таково, по-видимому, историческое основание рассказов о Кориолане.

Луций Квинкций Цинциннат

Несмотря на тяжелые войны с эквами и вольсками, сабинянами и вейентинцами, голод, моровую язву и землетрясения, борьба плебеев и патрициев становилась все более и более ожесточенной. В это критическое время главной опорой государства и вместе с тем решительным защитником патрицианского сословия становится Луций Квинкций Цинциннат.

Цинциннат прожил на свете более восьмидесяти лет, но из этой долгой жизни нам точно известны немногие факты. Историки пишут об исправлении Цинциннатом консульской должности в 460 году до Р. Х., когда ему уже исполнилось шестьдесят. В этот год спор патрициев с плебеями достиг наивысшего накала, и патриции надеялись, что Цинциннат, чей сын стал жертвой обвинений со стороны трибунов, предпримет против плебеев решительные меры.

В 462 году народный трибун Терентий Арса, желая защитить плебеев от злоупотреблений, предложил выбрать из среды плебеев комиссию из пяти человек, которая составила бы писанный закон для регулирования и ограничения власти консулов. Это предложение встретило в сенате такое сопротивление, что Терентий взял его назад, но в следующем году трибуны заговорили об этом снова, и так происходило пять лет кряду. Борьба велась с большим ожесточением и упорством с обеих сторон, не приводя ни к какому результату. В 461 году консулы попытались отвлечь народ устройством похода против эквов и вольсков. Но трибуны не

допустили набора в армию. В ответ патрицианская молодежь стала мешать собраниям плебеев. Предводительствовал ею Кезон Квинкций, сын Квинкция Цинцинната, юноша, гордый своим аристократическим происхождением и уже прославленный военными подвигами. Он неоднократно прогонял с площади трибунов и разгонял плебеев.

Трибун Авл Виргиний потребовал осуждения Кезона. В дело тут же вмешался Марк Вольсций, бывший трибуном за несколько лет до того, и обвинил Кезона в гибели своего брата. Рассказ Вольсция воспламенил негодование плебеев; они набросились на Кезона и едва его не убили. Решено было судить Кезона, а до суда отпустить его под поручительство знатных граждан, каждый из которых дал залог в три тысячи ассов. Но Кезон не стал дожидаться суда и бежал в Этрурию. Граждане, которым пришлось заплатить за это бегство тридцать тысяч ассов, потребовали эту сумму у отца Кезона, так что Цинциннат вынужден был продать все свое имущество и долго жил как изгнанник по ту сторону Тибра в уединенной хижине.

В следующем, 460 году борьба вокруг закона Терентилия продолжилась с новым ожесточением. Устав от постоянных нападок трибунов, патриции замыслили государственный переворот, чтобы окончательно уничтожить трибунат. В народе ходили слухи, что Кезон приближается к Риму с войском, составленным из изгнанников и беглецов; говорили также, что он уже находится в городе и вот-вот начнется резня. Тревожное ожидание овладело всеми.

Страхи римлян не были напрасны. В одну из ночей некто Аппий Гердоний с отрядом, состоящим из изгнанников и рабов, подплыл ночью на лодках по Тибру и внезапно овладел Капитолием. Когда рассвело, консулы решили штурмовать крепость, но трибуны воспротивились этому, опасаясь, что плебеев, принявших военную присягу, принудят к безусловному повиновению. Только на второй день консулу Валерию Попликоле, сыну знаменитого Попликолы, удалось просьбами и обещаниями склонить народ к тому, чтобы он присягнул служить в войске и пошел на штурм Капитолия. После кровопролитного сражения Капитолий был отбит. Гердоний пал с большей частью своих воинов, но и консул Валерий нашел смерть перед капитолийским храмом. Исто-

рики не утверждают, что Кезон находился в Капитолии в числе римских беглецов, но, судя по некоторым намекам, можно предположить, что он принимал участие в этом предприятии и погиб в сражении. Таким образом, опасения плебеев, что Кезон в союзе с патрициями намеревался произвести переворот в государстве, имели основания.

После взятия Капитолия, очищения и нового освящения его святынь трибуны потребовали от консула Клавдия исполнения обещаний, который дал плебеям Валерий. Но Клавдий объявил, что прежде на место погибшего следует избрать другого консула. Сенат, вопреки законному порядку, назначил консулом Квинкция Цинцинната, известного защитника привилегий патрицианского сословия и теперь, после потери сына, исполненного крайнего негодования против плебеев. Цинциннат решил положить раз и навсегда конец плебейским беспорядкам и восстановить старые законы, по которым патриции одни беспрепятственно управляли государством. Вступив в должность, он приказал, чтобы войска отправились к Регильскому озеру. Идея состояла в том, чтобы, выведя воинов за городскую границу, где власть трибунов прекращалась, составить из них народное собрание (центуристские комиции) и вынудить у него постановление об отмене всех политических прав, приобретенных плебеями в последнее время. В городе ходил слух, что к Регильскому озеру уже отправлены авгуры, долженствовавшие освятить место, выбранное для центуристских комиций. Но план этот не осуществился, и каждая сторона осталась, что называется, при своих.

В 458 году до Р. Х. по случаю большой опасности, грозившей со стороны внешних врагов, Цинциннат был призван в качестве диктатора стать во главе государства. В этот год эквы вероломно нарушили только что заключенный мир и, опустошив Лациум, разбили свой лагерь на горе Алгид, в одном переходе от Рима. Римляне отправили на Алгид посольство, но предводитель эквов Гракх Клелий велел сказать, что у него есть дела поважнее, нежели говорить с послами, и что послы могут передать поручение, возложенное на них сенатом, дубу, который возвышается над его шатром.

Желая наказать его за дерзость, римляне отправили отряд под предводительством консула Минуция, но он попал

в окружение. Только пять римских всадников с трудом пробились через неприятельские ряды, чтобы принести в Рим весть о несчастье. Жителями Рима овладел такой ужас, как будто враги уже заняли город. Один только человек казался способным спасти государство от гибели; это был Квинций Цинциннат, живший в бедности по ту сторону Тибра на своем маленьком участке. Консул Науций по приказанию сената возвел его в сан диктатора. Сенатский посланник, отправленный к Цинциннату с вестью об этом назначении, застал старика за сельскими работами: без верхнего платья и покрытый пылью, он пахал землю, следуя за своим плугом. Посланник попросил Цинцинната надеть тогу, чтобы выслушать поручение сената. Старик приказал жене Рацилии принести из хижины тогу, умылся и оделся, и посланник возвестил о назначении его диктатором и просил немедленно отправиться в Рим. На казенном челноке Цинциннат переправился через реку, на другом берегу которой его встретили три сына, родственники и друзья. Народ не особенно радовался этому назначению, опасаясь, что в новом звании Цинциннат обнаружит еще большую строгость, чем прежде.

В следующую ночь ни один римлянин не ложился спать; уже до рассвета диктатор появился на площади и назначил своим *magister equitum* Луция Тарквicia, бедного, но прославившегося своей храбростью юношу из патрициев. Все лавки в городе были заперты, все дела торговые и судебные приостановились; всем способным к военной службе гражданам было приказано принести военную присягу и до захода солнца собраться на Марсовом поле в полном вооружении и со съестными припасами. С заходом солнца войско двинулось в поход, один торопил другого, и солдаты шли все быстрее и быстрее вперед. Каждая минута была дорога, потому что уже третий день отряд консула находился в окружении.

В полночь римляне достигли Алгида. Объехав неприятельский лагерь, Цинциннат расположил своих солдат с оружием и палисадами вокруг лагеря эквов. По сигналу они испустили громкий крик и начали вбивать в землю палисады. В осажденном лагере догадались, что подоспела помощь, и ринулись на эквов, помешав им обратиться против Цинцинната и уничтожить строившийся забор. С рассветом

ограда была готова, и эквы оказались зажаты между воинами Минуция и Цинцинната. Вскоре они сдались на милость победителя. Их предводителя Клелия и его старших офицеров заковали в цепи и привели к диктатору, чтобы впоследствии они послужили украшением его триумфа. Остальных эквов с позором провели под виселицей.

В неприятельском лагере римляне нашли богатую добычу, которую Цинциннат приказал поделить только между своими солдатами. Что касается войска консула и самого консула, то к ним он обратился со следующими словами: «Вам не причитается никакой части добычи, поскольку вы сами сделали почти что добычей, а ты, Минуций, до тех пор, пока не проникнешься мужеством, подобающим консулу, останешься при этих легионах младшим начальником». Таким образом, Минуций сложил с себя консульское звание и остался при войске. При вступлении Цинцинната в Рим горожане встречали его с восторгом; перед каждым домом стоял накрытый стол, за которым могли угощаться солдаты. Таких празднеств Риме еще не знал.

По возвращении в Рим Цинциннат привлек к суду трибуна Вольския, из-за которого процесс его сына Кезона принял такой дурной оборот. Вольский был обвинен в лжесвидетельстве и приговорен к изгнанию. Он отправился в Ланувиум, сделавшись, может быть, невинной жертвой патрицианской мести. Вслед за этим Цинциннат сложил с себя обязанности диктатора, которым был в продолжение шестнадцати дней.

В рассказе о походе Цинцинната к Алгиду легко усмотреть простой факт, преувеличенный до крайности. И действительно, странно, что столь выдающаяся победа осталась без всяких видимых последствий, потому что эквы в следующие же годы снова появляются на Алгиде и вблизи Рима. Только спустя несколько лет после установления децемвирата* война с эквами и вольсками приняла более

* В 451 г. до н. э. консулы сложили с себя власть и вместо них были избраны децемвиры (*лат.* decem viri — десять мужей), облеченные консульской властью для написания законов.

счастливым оборот и привела к римскому владычеству в Лациуме.

Восьмидесятилетним стариком Квинций Цинциннат был еще раз призван патрициями стать во главе республики. В 440 году в Риме свирепствовал голод. Цены на хлеб поднялись столь высоко, что многие плебеи во избежание медленной голодной смерти бросались в Тибр. Минуцию, назначенному префектом анноны*, сделать ничего не удалось. И тогда плебей Спурий Мелий, человек с громадным состоянием, закупил в Этрурии большое количество хлеба и стал продавать его по умеренным ценам, а бедным раздавал бесплатно. На следующий год все повторилось. Поведение Мелия не понравилось патрициям; они говорили, что он ищет популярности в народе, желая стать первым человеком в Риме. Наконец Минуций объявил в сенате, что в доме Мелия собрано много оружия и он лишь ждет подходящего времени для переворота, а сенат упрекнул консулов в том, что они забыли о безопасности города. Тут же было решено, что только избрание диктатора, свободного от стеснительных постановлений закона, может исправить дело, и сенат вновь призвал старика Цинцинната, который более других соответствовал этой должности. Своим *magister equitum* Цинциннат назначил Гая Сервилия Агалу.

Через день после вступления в должность Цинциннат приказал занять площадь караулами. Когда толпа, в которой был и Мелий со своими приближенными, явилась на площадь, Гай Сервилий заколол Мелия. Весь в крови, он явился к Цинциннату и объявил, что Мелий хотел возмутить народ и понес заслуженное наказание. Люди на площади тем временем пришли в сильнейшее волнение и готовились отомстить убийцам, но тут перед ними возник Цинциннат в окружении конных патрициев с обнаженными мечами в руках. Толпа упала духом и рассеялась. По приказанию диктатора дом Мелия был снесен, и место, на котором он стоял, еще долго оставалось пустым «в память уничтожения богопротивного замысла».

* Должностное лицо, контролирующее поставки пшеницы.

Аппий Клавдий и децемвиры

Только в 454 году, после уступок с обеих сторон, возбужденное Терентилием Арсой дело пришло к решению. Трибуны предложили, чтобы образованная из плебеев и патрициев коллегия составила общий для обоих сословий свод гражданских и уголовных законов. Патриции, устав, по-видимому, от ожесточенной борьбы, сделались более уступчивыми; они потребовали только, чтобы в комиссии, которой предстояло создать общее уложение, не было плебеев.

Как только последовало это соглашение, сенат отправил троих своих членов — Постумия Альба, Манлия и Сульпиция Камерина — в греческие города Нижней Италии и в Грецию для ознакомления с законами и учреждениями греческих государств. В Нижней Италии некто Гермодор, изгнанный из Эфеса грек, оказал им существенные услуги, переведя и объяснив греческие законы и постановления. За это римляне воздвигли на форуме в его честь колонну. В Греции римские сенаторы дольше всего пробыли в Афинах, находившихся тогда на высшей стадии расцвета. В 452 году они возвратились в Рим.

В коллегиях из десяти человек — децемвирах — вошли три сенатора, ездившие в греческие города, оба консула 451 года — Аппий Клавдий и Тит Генуций и, кроме того, еще пять старейших сенаторов, большей частью бывших консулов. В их руки была передана вся административная и судебная власть; на время работы коллегии все чиновники, в том числе и народные трибуны, сложили с себя свои полномочия. Таким образом, децемвиры приобрели неограниченную власть.

Самым умным между ними считался, несмотря на то что он был моложе других, Аппий Клавдий. Прежде он отличался жестокими преследованиями плебеев и высокомерно называл их домом тюрьму, но теперь, стремясь к популярности в народе, окружил себя бывшими трибунами. Точно так же вели себя и прочие члены коллегии. По предложению Аппия еще сырые законы, начертанные на досках, выставлялись на площади, чтобы каждый гражданин мог сделать свои замечания и каждое мнение принималось во внимание. Наконец подготовка законов была завершена. Сенат одобрил

их, центуристские комиции приняли, а комиции по куриям утвердили постановления центурий. Таким путем законы вошли в силу. Их отлили в бронзе и выставили на форуме.

Опыт оказался успешным, и было решено назначить децемвиров и на будущий год, вменив им в обязанность усовершенствование законодательства, чтобы еще через год они передали власть консулам и трибунам. Аппий Клавдий сумел удержать за собой должность и провести в децемвиры преданных себе людей. 15 мая 450 года новая коллегия начала работу с того, что в полном составе — каждый в сопровождении двенадцати ликторов — явилась на площадь. Это зрелище устрасило не только плебеев, но и патрициев. Прошло совсем немного времени, и в Риме установилась жестокая тирания: казни следовали одна за другой.

Вместо бывших трибунов и людей из народа Аппий окружил себя молодыми патрициями, которым было по сердцу своеволие правления и которые всегда были готовы защищать своего патрона. Остальные децемвиры, может быть, и не были всем этим довольны, но у них не хватало мужества и силы противиться Аппию.

Прошла уже большая часть года, но коллегия не предпринимала никаких мер к избранию консулов и трибунов на будущий год. 15 мая, когда должен был начаться новый порядок управления, децемвиры продолжали оставаться на своих местах. Народ с беспокойством и страхом смотрел в будущее. Но тут на Алгиде снова появились сабиняне и эквы. Именно это обстоятельство, по-видимому, изменило ситуацию.

Все способные к военной службе явились по первому же призыву, так как не выполнить постановление децемвиров было просто невозможно. Одна часть децемвиров выступила против сабинян, другая — против эквов. Аппий был оставлен в Риме с децемвиром Спурием Оппием, и к ним двоим перешла вся власть в городе.

Военные дела пошли плохо, армия с Алгида постыдно бежала в Тускулум. К этому позору децемвиры присоединили два преступления: одно на месте военных действий, другое — в Риме. В войске, сражавшемся с сабинянами, находился старый солдат из плебеев Сикций Дентат, который, как гласила молва, участвовал в 120 сражениях и в девя-

ти триумфах, поразил насмерть восемь врагов в поединках и имел бесчисленное множество знаков отличия. У него было сорок пять ран на груди и ни одной на спине. Его называли римским Ахиллесом. Этот храбрый воин не стеснялся высказывать резкие осуждения о децемвирах. Теперь он стал энергично порицать малодушие и неумение децемвигов в управлении войском. Такой человек был, разумеется, не по сердцу децемвирам, и они подослали к нему целый отряд убийц. Но Дентат дорого продал свою жизнь. Под его ударами пали многие; остальные объявили, что попали в засаду и Сикций погиб с несколькими другими солдатами. Сначала их рассказу поверили; но когда товарищи отправились хоронить павших и увидели, что ни одно тело не ограблено, все римские солдаты лежат вокруг Дентата и, главное, нет ни одного неприятельского трупа — тогда они поняли, что Сикций пал от рук своих товарищей.

Это происшествие нанесло чувствительный удар по владычеству децемвигов; другое преступление, совершившееся в городе, окончательно ниспровергло их. Аппий Клавдий воспламенился страстью к Виргинии, дочери уважаемого в городе плебея Луция Виргиния, находившегося в то время в войске, и невесты Ицилия, который в бытность свою трибуном провел закон об отдаче Авентинского холма плебеям. Аппий Клавдий воспользовался отсутствием отца и приказал своему клиенту Марку Клавдию ложно объявить Виргинию своей рабой. В суде клиент объявил, что Виргиния родилась в его доме от одной из рабынь, была украдена и выдана Виргинием за собственное дитя от бездетной жены. Вершивший суд Аппий объявил, что он не может воспрепятствовать истцу увести к себе в дом девушку, которую тот считает своей собственностью, но в то же время пообещал продолжить разбирательство, когда Луций Виргиний возвратится из армии.

Народ с ропотом выслушал несправедливое решение, но ни у кого не хватило духу воспротивиться ему. В эту минуту пробились сквозь толпу Ицилий и дядя Виргинии — Нумиторий, только что явившиеся на площадь. Судебный пристав объявил, что приговор уже произнесен, и хотел прогнать Ицилия, но тот воззвал к народу о помощи. Народ заволновался. Видя это, Аппий счел более удобным усту-

пить и отложить окончательное решение на следующий день. С лицемерной кротостью объявил он, что ему очень хорошо известно, что Ицилий действует здесь не как защитник своей невесты, а как человек, который до сих пор не может позабыть свою прежнюю трибунскую власть и только ищет повода к бунту, но этого повода он, Аппий, не желает предоставить ему и предпочитает уговорить Клавдия временно отступить от своих прав; однако на следующий же день окончательный приговор будет произнесен в любом случае — явится на суд Луций Виргиний или нет.

Как только децемвир произнес это, двое юношей — брат Ицилия и сын Нумитория — поскакали за Виргинием, который тотчас взял отпуск и отправился в Рим. Когда на следующее утро в военный лагерь явился гонец с письмом от Аппия, в котором приказывалось задержать Виргиния, тот был уже в Риме.

Рано утром Виргиний и его дочь в траурных одеждах, окруженные родственниками и друзьями явились на площадь, где уже собрался в тревожном ожидании народ. Аппий Клавдий в окружении многочисленной свиты воссел на судейское кресло. Клиент выступил вперед и еще не успел изложить до конца суть своей претензии, как Аппий отдал девушку ему во владение. Виргиний воскликнул: «Аппий, я воспитал дочь не для того, чтобы она была осквернена тобой! Не надейся, что люди, носящие оружие, потерпят такое преступление!» В ответ децемвир потребовал от ликторов разогнать толпу.

Люди в испуге отхлынули от девушки. Виргиний схватил нож и вонзил его в грудь дочери со словами: «Это единственное средство спасти твою свободу! На тебя, Аппий, да обрушится проклятие этой крови!» Началась страшная свалка. Разъяренный народ набросился на свиту Аппия. Опасаясь за свою жизнь, децемвир спасся бегством и спрятался в одном из соседних домов.

Между тем Виргиний, не выпуская из рук ножа, покрытого кровью его дочери, помчался в военный лагерь. Рассказ его произвел страшное волнение, и солдаты, не обращая внимания своих начальников, стремительно двинулись к Риму и заняли Авентинский холм. Вскоре к ним присоеди-

нилось войско, стоявшее в Сабинской области, с которым трудно было справиться уже со времени убийства Сикция.

В этих условиях сенату не оставалось ничего, как согласиться на упразднение децемвирата и восстановление трибуната. После восстановления прежней формы правления трибуны потребовали к суду двух ненавистных децемвиров — Аппия Клавдия и Спурия Оппия. Аппия доставили в тюрьму в ожидании судебного разбирательства, но он не стал дожидаться приговора и лишил себя жизни. Оппий последовал его примеру. Остальные децемвиры избавились от суда, добровольно отправившись в изгнание. Их имущество было конфисковано.

После устранения правления децемвиров для обоих сословий окончательно установилось общее уголовное и гражданское право. В 444 году трибуны потребовали разделения консульской власти между патрициями и плебеями, и патрициям пришлось уступить: теперь вместо консулов могли быть избираемы из обоих сословий и военные трибуны, наделенные консульской властью. Решение вопроса, кто в том или ином году будет стоять во главе правления, консулы или военные трибуны, предоставлялось сенату. В это же время было отделено от консульства и цензорство как особая, доступная только для патрициев должность. Цензоров избирали на пять, а впоследствии на полтора года; они осуществляли ценз — периодически оценивали имущество граждан с целью разделения их на социально-политические, военные и податные разряды, а также надзирали за финансовым управлением и общественными сооружениями.

Марк Фурий Камилл

Одним из величайших людей древней республики был Марк Фурий Камилл, разрушитель Вейев, победитель галлов и восстановитель разоренного галлами родного города, прославленный за это римлянами как отец отечества и второй Ромул, — энергичный, неутомимый воин, стоявший во главе правления семь раз в качестве военного трибуна и пять в качестве диктатора, и при этом ревностный защитник патрицианских интересов.

Такой славы Марк Фурий достиг исключительно благодаря собственным способностям. Впервые молодой Фурий отличился в кровопролитном сражении, происходившем в 431 году до Р.Х. на Алгиде: раненный копьем в бок, он ринулся на противника и обратил его в бегство.

Деятельность военачальника Камилл начал во время войны против Вейев. Вейи лежали к северу от Тибра, на обрывистом со всех сторон возвышении, между двумя ручьями, соединявшимися у подошвы этого возвышения в речку Кремеру, приток Тибра. Это был один из могущественных городов Этрурии. Он был не меньше Рима по площади и не уступал ему населением; красотой же построек он превосходил Рим.

Римляне враждовали с Вейями с первых дней своего существования. В 474 году был заключен мир, но двадцать девять лет спустя боевые действия возобновились; на первых порах, правда, они сводились к набегам и взаимному опустошению владений. Более ожесточенный характер война приняла после того, как жители Фиден выгнали римский гарнизон и признали верховную власть вейентского царя Толумния. Римляне выдвинулись против Фиден, и диктатор Мамерк Эмилий разбил объединенное войско вейентинцев и фиденцев. Толумний пал в битве от руки консула Корнелия Косса, а Фидены были разрушены. После этого было заключено перемирие на 200 месяцев.

В это время могущество этрусков, бывших прежде сильнейшим народом Италии как на суше, так и на море и в царствование Порсенны едва не погубивших Рим, уже клонилось к упадку. Господство их на море уничтожили греки. На севере вторгнувшиеся галлы отняли у них богатую равнину реки По с ее восемнадцатью городами, а на юге самниты овладели их колониями в Кампании. В 405 году, по истечении перемирия, Рим поставил своей целью уничтожить Вейи и покорить Южную Этрурию.

В 402 году, когда Камилл в первый раз вступил в должность военного трибуна, Вейи по его распоряжению со всех сторон были окружены укреплениями. В этих укреплениях римское войско оставалось без перерыва зимой и летом в течение десяти лет— первый пример такого рода в римской истории, так как прежде в походы ходили только летом. Для

защиты от зимней непогоды в этих укреплениях построили глиняные хижины. Вейентинцы защищались с отчаянной храбростью; они неоднократно делали удачные вылазки, причем извне их поддерживали капенцы и фалиски.

Наступил десятый год осады. В начале его военные трибуны Генуций и Тициний умудрились завести войско в засаду, устроенную капенцами и фалисками, и потерпели жестокое поражение. Дошло до того, что римляне стали ждать появления неприятельского войска перед своими стенами. В эти дни диктатором назначили Камилла. Он быстро разбил капенцев и фалисков и стянул все войска к Вейям.

Прежде чем нанести окончательный удар, он произнес в присутствии всего войска: «Под твоим предводительством, Пифийский Аполлон, и влекомый твоим божественным духом, приступаю я к разрушению города Вейев и даю обет принести в дар тебе десятую часть добычи. И тебя, царица Юнона, в настоящую минуту обитающую в Вейях, молю я последовать за нами, победителями, в наш город, который скоро сделается и твоим, так как тебя примет в свои стены достойный твоего величия храм!» После этих слов войска по приказу Камилла ринулись со всех сторон к городу, между тем как отряд избранных воинов двинулся подземным ходом и скоро очутился в храме Юноны, внутри крепости. Вейентинцы, занятые отражением врага на стенах, и не подозревали, что римляне находятся в самом центре города. Но скоро весь город огласился криками римлян.

Предание гласит, что в то самое время, когда римляне, пробравшиеся подземным ходом, намеревались проломить пол храма Юноны, вейентинский царь собирался принести жертву Юноне, поскольку гадатель предсказал ему, что победа будет за тем, кто совершит жертвоприношение. Вдруг из-под пола выскочили римские воины, схватили жертву и отнесли ее диктатору, который исполнил над ней обычный обряд и тем склонил победу на свою сторону.

На следующий день после взятия Вейев диктатор продал пленных, и вырученные деньги, не без ропота народа, были переданы в государственное казначейство. Когда разграбили все, что составляло человеческую собственность, приступили к такой же операции с вещами, посвященными

богам, и с самими богами. Специально отобранным юношам было поручено перевезти в Рим статую Юноны. Облекшись в белые одежды, юноши отправились в храм и благоговейно наложили руки на богиню. Один из них спросил: «Юнона, желаешь ты отправиться в Рим?» — и позже многие говорили, что богиня утвердительно кивнула головой; другие рассказывали, что она явственно ответила «да». Статую сняли с пьедестала и перевезли в Рим, на Авентинский холм, где четыре года спустя Камилл построил храм в честь Юноны.

Весть о завоевании Вейев вызвала в Риме неописуемый восторг. Сенат приказал праздновать победу в продолжение четырех дней; так долго не длилось еще ни одно празднество. Точно так же невиданной до сих пор торжественностью ознаменовалось триумфальное вступление Камилла в Рим. Он въехал в Капитолий на колеснице, запряженной четырьмя белыми конями, и тут же торжественно сложил с себя диктатуру. Но эти белые кони показались гражданам проявлением слишком большого тщеславия со стороны победителя. «Он хочет, — говорили они, — поставить себя наравне с богами; только Юпитеру и солнцу прилична такая упряжка».

Еще большее раздражение в согражданах вызвал Камилл сообщением о своем обете принести в дар Аполлону десятую часть добычи и что народ должен заплатить этот священный долг. Отделить десятую часть из награбленного имущества сразу после взятия Вейев было нетрудно, но теперь, когда все уже разделили между людьми, это представляло большую сложность. Посовещавшись, верховные жрецы приказали, чтобы каждый гражданин, руководствуясь собственной оценкой, но сделанной не иначе как под присягой, отдал Аполлону десятую долю своей добычи.

Раздражение народа дополнилось еще и тем обстоятельством, что обширные поля вейентинцев сделались римской государственной собственностью. Трибуны требовали, чтобы народу было предоставлено пропорциональное участие в пользовании этими землями, но это было совсем не по сердцу корыстолюбивым патрициям, во главе которых стоял Камилл. Неудивительно поэтому, что народ возненавидел его.

После падения Вейев римляне обратили оружие против других городов Этрурии. Первыми изъявили покорность

капенцы. Фалисков Камилл заставил отступить к предместьям их главного города Фалерии. Этот город, построенный на высоком и крутом утесе и обнесенный сильной каменной стеной, мог сопротивляться долго, но дело приняло для римлян благоприятный оборот быстрее, чем можно было ожидать. Учителю, которому лучшие семьи Фалерии доверяли своих детей, пришлось в голову отдать их в руки римского полководца. Он ежедневно выводил своих учеников за городские стены для гимнастических упражнений и постепенно приучил их удаляться все дальше и дальше; наконец он дошел с ними до римских аванпостов и объявил, что желает переговорить с полководцем.

Приведенный к Камиллу, изменник сказал ему, что ставит его благосклонность выше своего долга и вместе с этими мальчиками, отцы которых стоят во главе Фалерии, передает в руки римлян враждебный город. Выслушав эти слова, Камилл ужаснулся и отвечал: «Ни народ, ни полководец, к которому ты, злодей, явился со своим нечестивым даром, не разделяют твоего образа мыслей. Правда, что между нами и фалисками не существует союза, какой обыкновенно заключают между собой люди; но тот союз, которым соединяет людей природа, существует и должен оставаться неразрывным. Война, как и мир, имеет свои правила, и мы умеем охранять их настолько же справедливо, насколько и храбро. Мы ведем войну не с этими детьми, которых щадят даже при завоевании городов, но с людьми вооруженными, которые, не получив от нас никакого вреда или оскорбления, напали на римский лагерь перед Вейями. Ты победил их, насколько это тебе было возможно, с помощью неслыханного преступления; я же хочу одержать победу теми же римскими средствами, которые помогли мне завладеть Вейями, то есть храбростью и оружием».

После этого он велел раздеть изменника донага и связать ему на спине руки, а детей снабдил розгами и плетью и велел гнать его обратно в город. Как раз в это время фалиски узнали об измене учителя; город огласился плачем и криками негодования, но в ту минуту, как знатные отцы и матери в отчаянии кинулись за ворота города, дети появились перед ними, погоняя голого и связанного учителя. Камилла они прослав-

ляли как спасителя и отца. Горожане пришли в восторг от великодушия римского правителя и немедленно созвали народное собрание, на котором решили отправить к Камиллу посольство с заявлением, что город передает свою судьбу в его руки. Камилл отправил этих посланников в римский сенат. Они прибыли в Рим и обратились к сенату со словами: «Вы, почтенные отцы, и ваш полководец одержали над нами победу, которая не может быть осуждена ни богами, ни людьми, и мы сдаемся вам в убеждении, что под вашей властью будем жить счастливее, чем под управлением наших собственных законов. Исход этой войны представляет человеческому роду два благих примера: вы предпочли в войне честность несомненной победе, мы, тронутые этой честностью, принесли вам победу добровольно. Мы — ваши подданные. Отправьте кого хотите для принятия нашего оружия, наших заложников и нашего города, который ждет вас с открытыми воротами. Вам никогда не придется быть недовольными нашим подданством, точно так же, как нам — вашим владычеством».

В следующих, 392 и 391 годах римлянам покорились этрусские города Сальпинум и Вольсинии; таким образом, в их руках оказалась большая часть Южной Этрурии; в это время они столь же успешно воевали с вольсками и эквами. Благосостояние Рима быстро росло, ни одно государство не могло поспорить с ним могуществом. Но вдруг, совершенно неожиданно, с севера принеслась буря, которая опрокинула это здоровое, роскошное здание и почти уничтожила его. То были галлы.

Так уж вышло, что этому событию предшествовало изгнание Камилла. Он был большой мастер возбуждать к себе ненависть простого народа. После похода против фалисков Камилл тоже не разделил между воинами всю отнятую добычу, и это всколыхнуло воспоминания о происшедшем вслед за взятием Вейев. В 391 году трибун Луций Апулей обвинил Камилла перед народным собранием в сокрытии части вейентинской добычи. В это время Камилл был в трауре по случаю смерти сына и, по тогдашнему обычаю, не выходил из дому; узнав о случившемся, он созвал друзей и просил их не допустить, чтобы его несправедливо осудили по такому позорному обвинению. Но друзья отвечали, что в нынеш-

ней ситуацию не смогут защитить его перед судом, но готовы помочь в уплате денежного штрафа, к которому он, по всей вероятности, будет приговорен; тогда разгневанный Камилл решил не дожидаться суда и отправиться в изгнание. На суде его заочно приговорили к денежному штрафу в 15 тысяч ассов.

Ливий утверждает, что причиной, побудившей первые толпы кельтов или, как их называли римляне, галлов, перейти через Альпы в Верхнюю Италию, была соблазнившая их сладость тамошних плодов и особенно вина. О переходе галлов в Италию Ливий собрал следующие сведения. В царствование Тарквиния Приска Амбигатус, царь битуригов, главного народа тогдашней Галлии, видя, что население государства возросло до крайней степени, решил выселить за границу своих обоих племянников Белловеза и Сиговеза с частью народа. Согласно гаданию по полету птиц на долю Сиговеза выпали Геркинийские леса, Белловезу же боги указали более приятный путь — в Италию. Он перешел через Альпы, разбил этрусков около Тичинуса (Тессино) и построил город Медиоланум (Милан). Поселившиеся в этой местности галлы назвались инсубрами. За первыми выходцами из Галлии двинулись их последователи — например, ценоманы, избравшие для себя местность к востоку от инсубров. После занятия галльскими народами всего пространства между рекой По и Альпами на южный берег По переправились бойи и лингоны; они вытеснили не только живших здесь этрусков, но и умбров. Последними появились сеноны, поселившиеся вдоль Адриатического моря на пространстве от Ариминума (Римини) до Анконы. Сеноны и были тем самым народом, который в 391 году под предводительством Бренна осадил этрусский Клузиум.

Галлы были грубые и воинственные варвары с длинными косматыми волосами и огромными бородами. Мирно обрабатывать землю собственными руками казалось свободному галлу занятием постыдным; они любили кочующую жизнь, сражения, пробавлялись грабежами и распространяли ужас всюду, куда ни приходили. В бой они шли в пестрых одеждах, с раззолоченным оружием; они кичливо выставляли напоказ свою храбрость и даже часто нарочно растрavляли свои

раны, чтобы дать более обильную пищу своему хвостовству. Сражались они без шлемов, обыкновенно длинными, дурно закаленными мечами, держа в руке исполинской величины щиты, большей частью пешком, а в тех случаях, когда в деле участвовал маленький отряд, — верхом; колесницы были тоже в употреблении. Как бешеные бросались они на врага, оглашая воздух страшным ревом и оглушительными звуками бесчисленного множества рожков. Такой неприятель был для итальянских народов совершенно новым явлением, и понятно, что при первой стычке он приводил в ужас и обращал в бегство даже мужественного, испытанного в боях римлянина.

Когда эти страшные варвары расположились перед стенами Клузиума и стали опустошать принадлежавшие этому городу земли, его испуганные жители отправили в Рим посольство с просьбой о помощи, хотя до этого времени никогда не находились в сколько-нибудь дружеских отношениях с Римом. Воевать римляне не имели никакого желания, но вместо того, чтобы благоразумно воздержаться от всякого вмешательства в это дело, послали в Клузиум депутацию, чтобы склонить галлов к добровольному отступлению. Депутация состояла из трех Фабиев, сыновей верховного жреца Марка Фабия Амбуста, — людей молодых и легкомысленных. Явившись к галлам, они передали просьбу римского сената не нападать на людей, не сделавших им никакого вреда, и прибавили, что римляне, если это окажется нужным, сумеют защитить оружием город, попросивший их покровительства. Галлы отвечали, что слышат про римлян впервые, но верят, что это народ храбрый, так как иначе клузинцы не обратились бы к нему с просьбой о заступничестве. «Пусть, — прибавили они, — клузинцы уступят нам часть своих земель, которых у них слишком много, а не согласятся — мы сразимся с ними в вашем присутствии, чтобы вы могли засвидетельствовать дома, до какой степени галлы превосходят всех остальных людей храбростью». Тогда римляне спросили, на основании какого права можно отнимать земли у их собственников и чего, собственно, ищут галлы в Этрурии. «Наше право, — надменно отвечали галлы, — в нашем оружии; храбрым людям принадлежит мир».

За этим словопрением последовала схватка между галлами и клузинцами, и римские депутаты имели неосторожность стать в ряды клузинцев. Квинт Фабий налетел на одного из галльских предводителей и пронзил его копьем. Это привело галлов в бешенство, и многие хотели немедленно двинуться на Рим, но старейшины настояли на том, чтобы отправить в Рим посольство с требованием выдачи Фабиев. Римский сенат не одобрил поступка Фабиев и нашел требование галлов справедливым, но предоставил решение дела народу. Народ отказал в выдаче и даже избрал трех Фабиев консулами-трибунами на следующий год. Галлам отвечали, что, пока римлянин занимает такую должность, личность его неприкосновенна и что они могут вернуться через год, если их негодование до тех пор не уляжется.

Эта насмешка привела галлов в бешенство, и семидесятитысячное их войско выступило против Рима. Им навстречу вышло римское войско в количестве сорока тысяч человек. Ядро римской армии, двадцать четыре тысячи человек, заняло место на равнине между Тибром и расположенными справа от него возвышенностями; остальная часть разместилась на этих возвышенностях; между обеими враждебными армиями протекала в глубоком русле река Аллия. Галлы не вступили в бой с главными римскими силами, утвердившимися на равнине, но кинулись на войска, которые стояли на высотах. Со страшным воем, при оглушительном визжании рожков, рубя направо и налево длинными мечами, они ворвались в неприятельские ряды такими массами и так бешено, что римляне, приведенные в ужас свирепостью этих чудовищ, обратились в бегство и увлекли за собой войска, стоявшие в долине. Галлы погнали римлян к Тибру. Ужас беглецов был так велик, что один опрокидывал и топтал другого, задние ряды наступали на передние. Наконец вся масса оказалась в реке, и многие утонули от тяжести своего вооружения. Сумевшие переправиться через реку бежали в опустевшие Вейи и укрылись за городскими стенами. Такого поражения не знала римская история.

Галлы изумились такой легкой и внезапной победе. Сначала победители остановились, как бы не понимая, что случилось, потом принялись за грабеж. Они рассеялись

по полю сражения, сняли с убитых все, что нашли на них, отрубили им головы, нагромодили целые горы оружия и затем всю ночь праздновали победу. На следующий день они двинулись против Рима. Высланные вперед всадники вернулись с известием, что все городские ворота открыты и на стенах не видно вооруженных людей. Галлы, боясь засады, остановились и расположились на ночлег между Римом и Анио.

В городе царил паника; в Рим вернулись только немногие воины, и о защите города нечего было и думать. Правительство и граждане потеряли голову. Когда же невдалеке от городских стен раздались дикие крики и победные песни варваров, многие поспешили в Капитолий. Остальной народ рассеялся по окрестностям. Значительная часть бежала в этрусский город Цере. Туда же были перенесены жрецами и девственницами-весталками вверенные их хранению святыни; остальные священные предметы зарыли в часовне. Старейшие сенаторы, числом около восьмидесяти, решили умереть за свой народ. Эти старцы вышли на площадь, сели там в свои курульные кресла и стали ждать врага.

На следующий день галлы без всякого сопротивления вошли через Коллинские ворота в город. Улицы были пусты, дома затворены; с недоумением двигались варвары по вымершему Риму и наконец достигли площади. Здесь они увидели почтенных старцев, сидевших неподвижно в креслах, держа длинные жезлы с набалдашниками из слоновой кости в руках; величие, которым были проникнуты их лица, придавало им вид богов. С каким-то благоговением смотрели дикари на эти неподвижные фигуры, сомневаясь — живые это существа или изваяния из камня. Наконец один галл подошел к Марку Папирию и потрогал его длинную седую бороду; старик в ответ ударил варвара по голове жезлом. Галл тотчас зарубил его, а затем варвары убили остальных сенаторов. После этого они разбрелись по городу, стали врываться в дома, грабить и жечь их. Скоро пожар вспыхнул в разных частях города, а через несколько дней весь Рим представлял груды пепла, за исключением нескольких домов, в которых поселились на время предводители галлов.

Покончив с домами, галлы пошли на штурм Капитолия, но были отбиты с таким кровопролитием, что не решились сделать второй попытки и начали осаду. Скоро, однако, осаждающим пришлось хуже, чем осажденным. Увлеченные безумной жадностью разрушения, они вместе с домами сожгли и весь запас хлеба, находившийся в городе, а тот хлеб, что хранился в деревнях, римляне успели перевезти в Вейи. В галльском войске начался голод, а затем заразные болезни. К этому прибавился палящий зной, к которому галлы не привыкли и от которого им негде было укрыться в разрушенном городе.

Тогда галлы разделились на две части; одна продолжала держать в осаде крепость, другая грабила окрестности и доставляла съестные припасы своим товарищам. Один из отрядов грабителей появился перед Ардеей, где жил в изгнании Камилл, сокрушаясь больше о положении своего отечества, чем о своей собственной судьбе. Камилл явился на собрание жителей Ардеи и предложил им напасть на галлов. Как только наступила ночь, ардейцы подобрались к неприятельскому лагерю, где воины все, как один, лежали пьяные. О правильном сражении не могло быть и речи — началась дикая резня; полусонные галлы были изрублены на куски, а те, которые находились в отдаленном конце лагеря, бросились в бегство.

Таким образом, Камилл напомнил о себе, и римляне, собравшиеся в Вейях, решили призвать его из Ардеи, предварительно испросив разрешения у сената. Отважный юноша, по имени Понтий Коминий, принял на себя это поручение. Он поплыл ночью по Тибру и достиг того места, которое находилось на наиболее близком расстоянии от крепости; тут, обманув бдительность неприятельских часовых, он взобрался вверх по крутому утесу и был приведен к сенаторам, находившимся в Капитолии. Сенаторы постановили назначить Камилла диктатором.

Капитолий тем временем оказался в большой опасности. Галлы обнаружили на утесе следы ног Коминия и в следующую ночь попытались проникнуть в крепость тем же путем. Ни один часовой не заметил их приближения. Даже собаки, обыкновенно столь бдительные, остались спокойны, но

гуси, содержащиеся в храме Юноны, услышали приближение посторонних и зашумели. Их гогот разбудили воина Марка Манлия; он вскочил, поднял тревогу и первым встретил врага. Сильным ударом меча он сбросил в бездну галла, уже вскарабкавшегося на утес. Варвар в падении увлек за собой стоявших ближе к нему; остальные отступили под градом стрел и камней. Оплошавших часовых на следующий день сбросили с утеса, а Манлия почтили тем, что каждый принес в его дом, находившийся в крепости, немного хлеба и вина, что при острой нужде в еде было серьезной наградой. С этими событиями связывают своеобразный римский обычай, состоявший в том, что ежегодно, в один из дней, по улицам проносить распятую на кресте собаку и великолепно убранного гуся, чтобы воздать честь гусям как спасителям Капитолия и наказать собак, забывших свою обязанность.

Осажденные римляне страшно страдали от голода, дошло до того, что были съедены кожаные щиты и подошвы. Но и галлы страдали от голода и болезней, долгая осада сильно утомила их. Наконец они предложили римлянам вступить в переговоры, и был заключен мирный договор. Условия его были тяжелы для римлян: за отступление неприятеля следовало заплатить тысячу фунтов золота. Вдобавок победители стали взвешивать это золото на фальшивых весах. Консул-трибун Квинт Сульпиций восстал против этой несправедливости. Тогда вождь галлов Бренн надменно бросил на весы еще свой меч и воскликнул: «Горе побежденным!»

Но еще не окончилось взвешивание, как появился Камилл во главе наскоро набранного войска и объявил договор недействительным. На развалинах Рима произошла схватка, в которой растерявшиеся галлы были разбиты так же легко, как римляне при Аллии. Они бросились в бегство, но были перебиты все до единого — некому было даже сообщить другим галлам о постигших их бедствиях.

Камилл, снова спасший отечество от врагов, торжественно вступил в город, и солдаты в своих победных песнях сравнивали его с Ромулом.

Но в каком положении находился город, куда теперь вступил триумфатор? Все дома лежали в пепле и развалинах; уцелели только храмы и большие каменные здания. Жите-

ли лишились не только пищи и крова, но даже домашней утвари и земледельческих орудий. Число граждан, и особенно воинов, значительно уменьшилось, а соседние народы, покоренные римским оружием до вторжения галлов, были совсем не прочь воспользоваться беспомощностью и разорением своих победителей, чтобы отомстить им и вернуть себе свободу. В этом критическом положении сосредоточение высшей власти в одних руках представлялось целесообразным. Поэтому патриции упросили Камилла остаться диктатором до тех пор, пока не будет восстановлен город. Сенат постановил: «Все священные места должны быть приведены в прежний порядок и очищены от осквернения. С гражданами города Цере заключить дружественный союз за то, что они дали приют святыням римского народа и его жрецам. В честь Юпитера, охранившего в дни бедствия свое местопребывание и крепость римского народа, будут отныне праздноваться Капитолийские игры». Взятое обратно у галлов золото вместе с другим золотом, спасенным в различных храмах, положили под креслом Юпитера в Капитолии.

По всему городу началось строительство. Кирпич раздавался от казны, и всем было разрешено добывать камень и рубить лес где угодно. Большую часть строительного материала привозили из Вейев. Так как каждому хотелось как можно скорее обрести кров, дома возводились большей частью маленькие и лепились один около другого в беспорядке, вследствие чего образовались узкие и кривые улицы. Такую планировку Рим сохранял до времени императоров.

Нашествие галлов совершилось в 390 году до Р.Х. В следующие затем годы окрестные народы старались воспользоваться слабостью Рима, чтобы вернуть свои прежние владения. В 389 году Камилла снова избрали диктатором. Он разбил наголову вольсков, затем двинулся против эквов, у которых отнял завоеванный ими римский город Болу. Пока он воевал с эквами, этруски осадили римскую колонию и крепость Сутриум. Камилл быстро пошел на помощь осажденным и появился перед Сутриумом как раз в момент, когда этруски завладели им и, не подозревая об опасности, грабили город. Камилл стремительно напал на них, отнял

награбленную добычу и уничтожил их войско. По возвращении в Рим его почтили тремя триумфами. В последующие десять лет, в продолжение которых Камилла избирали консулом-трибуном еще трижды, владычество Рима опять утвердилось на прежнем пространстве.

Для увеличения числа граждан, значительно сократившегося после галльского нашествия, сенат в 388 году предоставил право римского гражданства тем жителям Вейев, Капены и Фалерии, которые помогали римлянам в прошедших войнах. Из этого нового населения составили четыре новые трибы; таким образом, число римских триб возросло с 21 до 25.

Разрушение Рима повлекло за собой крайнее обеднение большинства плебеев. В 376 году два трибуна, Гай Лициний Столон и Луций Секстий, предложили принять законы, которые могли, с одной стороны, облегчить жизнь плебеев, а с другой — нанести большой ущерб интересам патрициев. Народ поддерживал Лициния Столона и Луция Секстия, чаша весов склонялась не в пользу патрициев, и в 368 году они прибегли к крайнему средству: восстановили должность диктатора и избрали на нее испытанного защитника своей партии Камилла, которому было уже около восьмидесяти лет. Несмотря на преклонный возраст, Камилл энергично принялся за дело, но и ему пришлось отступить. Он удалился в свой дом и через несколько дней под предлогом болезни сложил с себя диктатуру. Вероятно, ему стало ясно, что сопротивление воле большинства народа бесполезно.

В конце концов закон, предложенный трибунами, был принят, а плебей Луций Секстий стал консулом. Но так как патриции отказывались утвердить в комициях по куриям выбор новых консулов и этим открыли перспективу новых и долгих споров, Камилл вмешался в дело и устроил соглашение, по которому судебная власть была у консула отобрана и возложена на особого чиновника из патрициев. Так возникла претура. Претор был в известной степени третий консул, который занимался судопроизводством и в отсутствие консулов исполнял их должность.

В 365 году Камилл умер от моровой язвы, и смерть его стала для Рима тяжелой утратой.

Марк Валерий Корв

Допущением плебеев к консульству в 366 году до Р.Х. было признано в принципе равноправие обоих сословий. Через некоторое время плебеи получили доступ и к остальным должностям, которые до того занимали только патриции. В 356 году в звание диктатора впервые возвели плебея — Гая Марция Рутила; в 350 году тот же Рутил стал цензором; в 337 году был назначен первый плебейский претор Квинт Публилий Филон; наконец, в 300 году плебеи были допущены в число жрецов и авгуров. Силы Рима, ослаблявшиеся и сковывавшиеся междоусобицами, с установлением мира в стране обратились на расширение внешних границ, и через сто лет римляне уже господствовали во всей Италии.

Отбросив галлов, заставив этрусков частью покориться Риму, частью заключить мир, принудив латинов и герников признать римскую гегемонию и покорив вольсков, римляне в 343 году начали большую войну с самнитами, единственным народом Италии, который еще оспаривал у них господство над полуостровом.

Самниты, народ сабинского происхождения, задолго до изгнания римских царей поселились в горах между равнинами Кампании и Апулии, откуда отдельные их ветви спустились в соседние равнины и, в большей или меньшей степени смешавшись с туземным населением, образовали новые народы. Так возникли луканы, бреттийцы, кампаны, совершенно отделившиеся от самнитов. Собственно самниты разделялись на четыре племени: кавдинцев, гирпинов, пентров и френтанов, составлявших вместе весьма непрочный союз. Это был народ грубый и энергичный, не уступавший римлянам в храбрости и далеко превосходивший их численностью; но у этой силы не доставало связующего средоточия, тогда как римляне строительством дорог и романизированием завоеванных местностей устанавливали тесную связь между ними и столицей государства.

Три кровопролитные войны ознаменовали борьбу римлян и самнитов за верховное господство над Италией. Первая Самнитская война, шедшая с 343 по 341 год, прекратилась

без всякого решительного результата; вторая длилась дольше, с 326 по 304 год, стоила обеим сторонам величайших трудов и жертв и окончилась поражением самнитов. Через шесть лет самниты снова собрались с силами и возобновили войну, тянувшуюся с 298 по 290 год; она завершилась признанием ими первенства Рима. Впоследствии, впрочем, они не раз предпринимали попытки выйти из-под власти римлян.

Выдающийся героизм во время Первой Самнитской войны проявил Марк Валерий Максим, или, как его обыкновенно называют, Марк Валерий Корв, — потомок Марка Валерия Максима, брата знаменитого Валерия Попликолы.

Уже в ранней молодости Валерий снискал себе громкую славу. В 349 году он служил военным трибуном под начальством консула, сына знаменитого Камилла, — Луция Фурия Камилла. Шла война с галлами, армии стояли друг против друга, и тут к римским порядкам подошел галл необыкновенно высокого роста, поднял щит и обратился к римлянам с вызовом на поединок. Валерий попросил у своего полководца позволения сразиться с ним. В ту минуту, когда он двинулся навстречу противнику, на его шлем сел ворон. Как только бойцы скрестили оружие, ворон впился клювом и когтями в лицо галла; он напал и напал на изумленного великана, а когда тот пал под мечом юноши, взмахнул крылами и исчез из виду.

Во время поединка римские и галльские воины оставались зрителями. Когда же Валерий принялся снимать с побежденного врага доспехи, галлы кинулись на него, но встретились с римлянами, которые устремились на помощь победителю, и около трупа завязалась схватка, вскоре перешедшая в кровопролитную битву. Ободренные победой своего трибуна, которому, очевидно, покровительствовали боги, римляне неудержимо напирали на неприятеля и одержали блистательную победу. По окончании сражения Валерий получил в награду за свой подвиг золотую корону и шесть быков и, кроме того, в честь ворона, которого боги послали ему на помощь, — почетное прозвание Корва (corvus значит «ворон»). Народ выбрал его консулом на следующий год, несмотря на то что ему было всего двадцать три года.

В 343 году, когда Валерий Корв был уже в третий раз консулом, началась Первая Самнитская война. Самниты напа-

ли на авзонский город Сидицидум, жители которого обратились за помощью к кампанскому городу Капуя. Капуя была городом большим, густо населенным, не меньше Рима, однако ее жители погрязли в изнеженности и праздности и воевали плохо. Потерпев поражение от самнитов сначала под Сидицидумом, а потом перед стенами собственного города, они отправили посольство в Рим и изъявили желание войти в его полное подчинение. Перспектива обладания большим и богатым городом вместе с принадлежащими ему плодородными нивами Кампании была слишком заманчива, и римляне отправили к самнитам посольство не тревожить как народ, находящийся под римским покровительством, так и землю, сделавшуюся римской собственностью. Самниты надменно отвечали, что они доведут войну до конца.

После этого Рим объявил самнитам войну и тотчас двинул в поход две армии под начальством консулов. Одна из них, ведомая Валерием Корвом, направилась в Кампанию, другая, с консулом Корнелием Коссом во главе, — в Самниум. Валерий встретился с самнитами у горы Гаура, неподалеку от Кум. Римской кавалерии не удалось добиться успеха, и тогда Корв сам повел в атаку пешие легионы. Самниты оказывали страшное сопротивление, они твердо решились или победить, или умереть. Только к вечеру в самнитском войске обнаружались признаки усталости, но наступившая ночь заставила римлян остановиться. Воины Валерия Корва говорили потом, что им еще никогда не приходилось сражаться со столь упорным врагом. Ночью самниты отступили. Оставленный лагерь неприятеля достался римлянам, и жители Капуи толпами устремились к своим избавителям.

В это время другой Корнелий, Косс, неосторожно зашел в узкую, окруженную лесами долину около Кавдинского ущелья, был атакован неприятелем, и только подвиг военного трибуна Публия Деция спас его армию. Деций с небольшим отрядом отвлек на себя внимание самнитов и тем дал возможность остальному римскому войску выбраться из ущелья. Ночью Деций благополучно соединился с основными силами римлян и предложил консулу немедленно напасть на уставшего неприятеля. Это предприятие увенчалось блистательным успехом — 30 тысяч самнитов пали на месте.

Деций, виновник этих счастливых подвигов, получил очень щедрые награды. Консул Косс подарил ему золотой венец и сто быков, да еще одного белого быка с вызолоченными рогами. Солдатам, составлявшим его отряд, было предоставлено пожизненное право пользоваться двойной мерой хлеба, и каждый из них получил по одному быку.

От Гауры самнитское войско отступило к Суэссуле. Здесь оно пополнилось новыми воинами. Как только известие об этом дошло до Валерия, он поспешно двинулся к Суэссуле. На небольшом расстоянии от неприятеля он соединился с армией Корнелия Косса. Атака на лагерь самнитов была столь внезапна, что большинство их погибло под римскими мечами спящими. На месте сражения осталось 40 тысяч самнитских щитов и 170 знамен.

В первый год войны римлянам сопутствовала удача. Но два последующих года оказались не столь успешны. В конце концов они заключили с самнитами мир и даже отдали им Сидицинум. Причина такого поворота событий заключалась в том, что римляне опасались отторжения латинов и войны с ними, которая действительно завязалась в начале 340 года.

Во время Второй Самнитской войны (326—304 годы) Валерий Корв находился в тени; он снова появляется на сцене истории после долгого промежутка в 301 году, когда против римлян выступили этруски и марсы. Избранный диктатором старый герой в короткое время победил марсов, завоевал их города и принудил их возобновить прежний союз с римлянами. Затем он так же быстро поставил на место этрусков. Но уже в следующем, 299 году в Риме распространился панический страх: пришло известие, что этруски заключили союз с галлами и идут войной на римлян. К этому добавилось нелепое происшествие, которое в Риме приняли за дурное предзнаменование: отправленный в Этрурию консул Тит Манлий Торкват погиб при падении с лошади. В Риме поселилось уныние, нужен был человек, который сумеет возродить его прежний дух, и тогда консулом в шестой раз избрали Валерия. Одно имя нового консула нагнало такой страх на этрусков, что они снова запросили мира. А слух о галлах, к счастью, оказался ложным...

Отбыв в шестой раз консульскую должность, Марк Валерий Корв, восседавший на курульном кресле двадцать один

раз в качестве эдила, претора, цензора, консула и диктатора, удалился от государственных дел в свои поместья, где дожил до ста лет.

Тит Манлий Торкват

Тит Манлий Торкват был старше Валерия Корва. Но временем славнейших его подвигов была война с латинами, последовавшая непосредственно за Первой Самнитской войной, то есть за порой начала великих деяний Валерия.

Тит Манлий был сыном Луция Манлия, который, будучи диктатором в 363 году, позволил себе в нескольких случаях превышение власти, за что и был привлечен к суду народным трибуном Помпонием. Среди прочего трибун обвинил его в том, что он держит своего сына Тита, безупречного юношу, в деревне, среди рабов, как нищего и изгнанника, только потому, что этот бедный молодой человек не веселого нрава и не боек на язык. Это обвинение восстановило народ против бесчеловечного отца еще больше, чем превышение власти по службе, но на сына оказало совсем иное воздействие.

Он рано утром явился к Помпонию и велел доложить, что хочет немедленно переговорить с ним. Помпоний, еще лежавший в постели, тотчас позвал молодого человека к себе, рассчитывая, что раздраженный сын принес новые данные для обвинения Манлия. Но как только они остались одни, Тит вынул из-под платья кинжал, кинулся на трибуна и сказал, что заколет его на месте, если он не поклянется, что никогда больше не возбудит в народном собрании обвинения против его отца. Позже Помпоний заявил, что именно выходка Тита заставила его прекратить дело Луция Манлия. Но народу этот поступок понравился так сильно, что на следующих выборах сын был избран военным трибуном.

В 361 году большое галльское войско дошло до реки Анио. Римляне выслали против него армию во главе с диктатором Титом Квинкцием Пеней. Галлы расположились лагерем на северном берегу реки, римляне — на южном; их разделял мост, из-за обладания которым не раз происходили

стычки. Однажды взошел на него галл исполинского роста и закричал римлянам: «Кто у вас там храбрее всех, выходи на поединок со мной! Пусть исход его покажет, какой народ искуснее в бою!» Тогда Тит Манлий, находившийся в аванпостах, отправился к диктатору и сказал: «Без твоего разрешения, полководец, я не осмелился бы выйти из фронта на поединок даже в том случае, если бы был совершенно уверен в победе, но коли ты позволишь, то я покажу этому дерзкому чудовищу, что веду свой род от человека, сбросившего с Тарпейской скалы целый отряд галлов». Диктатор отвечал: «Сохрани в себе навсегда, Тит Манлий, это мужество, точно так же, как твою любовь к отцу и отечеству! Ступай и, с благословения богов, докажи непобедимость римского народа».

Тит Манлий взял щит, опоясался коротким испанским мечом и вышел навстречу хвосту. Оба войска смотрели на своих бойцов со страхом и надеждой. Великан сверкал оружием и украшениями. Но римлянин не растерялся: он подскочил к галлу, оттолкнул щит и несколько раз вонзил свой короткий меч ему в живот. Галл захрипел и упал мертвый. Тит Манлий снял с его шеи окровавленную цепь и надел на себя. С тех пор прозвище *Torquatus*, то есть «человек в цепи», сохранилось за победителем и его родом как свидетельство его подвига.

Галлы были поражены смертью своего сородича до такой степени, что на следующую ночь поспешно покинули свой лагерь и удалились в Кампанию. Правда, через год они вернулись и дошли с тибуртинцами до ворот Рима, но здесь, у Коллинских ворот, потерпели полное поражение.

В 340 году Тита Манлия в третий раз избрали консулом. В этот год латины соединились с кампанцами, которые уже давно тяготились римским владычеством, а также с сидицинцами и анциумскими вольсками; самниты же и герники приняли сторону Рима.

Римские полководцы нашли нужным в эту войну особенно усилить военную дисциплину, так как язык, обычаи и способы вооружения были совершенно одинаковы у римлян и латинов, а солдаты и офицеры с обеих сторон были знакомы между собой по прежним кампаниям, где они воевали в общем строю. Любые контакты с латинами были запрещены, даже выходить на поединки с ними было запре-

шено под страхом смертной казни. Но однажды сын консула Тит Манлий Младший, наткнулся со своим отрядом на неприятельский отряд под командованием некоего Гемина Месция. Тот вызвал его на бой, юноша, вопреки запрещению отца, схватился за оружие.

Манлий воткнул острие копья между ушами лошади латина. Животное поднялось на дыбы и сбросило с себя всадника; в то мгновение, когда Месций хотел подняться, Манлий пригвоздил его к земле. Взяв оружие убитого, победитель вернулся к своему отряду и в сопровождении восторженных солдат поспешил в лагерь, прямо к палатке отца. «Отец! — сказал юноша. — Чтобы люди справедливо признавали меня порождением твоей крови, я приношу тебе эту добычу, снятую мной с убитого врага, вызвавшего меня на поединок».

Консул немедленно велел трубить сбор и, когда все войско сошлось, сказал: «Тит Манлий! Вопреки приказанию консула и без уважения к почетному сану твоего отца, ты сразился с неприятелем вне фронта и таким образом нарушил военную дисциплину. Этим поступком ты поставил меня в необходимость или пренебречь интересами государства, или принести в жертву себя; так пусть кара за это преступление обрушится лучше на нас, чем на государство. Мы дадим юношеству печальный, но спасительный для будущего пример... Я полагаю, что ты сам, если в тебе течет еще хоть капля моей крови, не откажешься восстановить своей смертью дисциплину, испровергнутую твоим проступком. Ликтор, веди его на плаху!»

Войско онемело от ужаса, услышав это страшное приказание. Но когда покатила голова несчастного юноши, воздох огласился воплями скорби и негодования. С рыданиями и проклятиями унесли товарищи труп и сожгли его, бросив в огонь и трофеи, которые, будь они добыты в дозволенном бою, украшали бы младшего Тита Манлия при триумфальном возвращении его отца в Рим.

Вскоре после этого происшествия произошло кровопролитное сражение у подножия Везувия. Публий Деций — тот самый, что отличился в Кавдинском ущелье, — повел в бой левое крыло, Манлий — правое. Римляне и латины сражались с одинаковым успехом, но постепенно левое крыло римлян начало отступать. Когда положение стало критиче-

ским, Деций крикнул жрецу Марку Валерию (которого не следует смешивать с Марком Валерием Корвом): «Валерий! Здесь должны помочь нам боги! В качестве первосвященника римского народа напости мне молитву, которую я должен произнести, принося себя в жертву за наши легионы!» Жрец велел ему надеть обшитую пурпуром тогу, закрыть голову, вытянуть из-под одежды у подбородка руку и, став обеими ногами на стрелу, говорить: «Янус, Юпитер, отец Марс, Квирин, Беллона, Лары, вы, девятибожие, вы, туземные боги, вы, боги, во власти которых мы и враги наши, вы, боги мертвых, вам я молюсь, вас умоляю благословить силу и победу римского народа квиритов и ниспослать ужас, муки, смерть на его врагов. Испрашивая у вас этой благодати, я для спасения государства квиритов, его войска, его легионов и народов, помогающих римскому народу квиритов, обрекаю здесь на жертву богам мертвых и земле вражеские легионы и народы, помогающие неприятелю, вместе с самим собой!»

После этой молитвы он отправил своих ликторов к Титу Манлию с известием, что идет умирать за войско, и поскакал в гущу врагов. Он несся по рядам неприятельской армии как посланная с неба искупительная жертва божественного гнева; пораженные страхом латины бежали от него, как от моровой язвы. Смятение распространилось по их рядам, и, когда Деций, израненный, наконец упал с лошади и испустил дух, латинские когорты в ужасе обратились в бегство.

Тем временем Манлий, вместо того чтобы пустить в дело триариев*, велел выступить вперед из арьергарда резервным когортам, которые в эту войну были снабжены пиками. Латины подумали, что консул выслал триариев, и — так как их войско имело такое же устройство — двинули своих. И только когда латинские триарии стали ослабевать, Манлий вызвал своих триариев. Со свежими силами ударили они на врага, у которого не оставалось больше резервов, изрубили всю его первую линию, а затем началась резня, в которой едва ли уцелела четвертая часть латинского войска.

* Тяжеловооруженные воины, имели полное защитное вооружение, длинные копья и мечи, составляли третью линию в боевом порядке, чему и обязаны своим названием.

Труп Деция отыскивали только на следующее утро, он лежал в окружении убитых врагов. Манлий похоронил товарища со всей подобающей торжественностью.

Рассеянные остатки латинского войска собрались у авзонского города Весции. Латинский полководец Нумиций наскоро собрал в латинских и вольских городах всех способных носить оружие и, вернувшись с этой армией к Капуе, напал на римлян, надеясь захватить их врасплох, однако был разбит наголову. Таким образом, война завершилась полной победой римлян.

Однако когда Манлий вернулся в Рим, навстречу ему — как рассказывает предание — вышли с приветом только старейшие граждане; молодые же люди проклинали его как убийцу сына. Эти проклятия преследовали его до самой смерти.

Война с отдельными латинскими городами и с городом вольсков Анциумом продолжалась до 338 года. Поодиночке они признали господство Рима. Латинский союз прекратил существование, и жители большинства составлявших его городов получили римское гражданство, однако без права голоса. Для сокрушения на вечные времена оппозиционной силы Лациума победители прервали всякие отношения покоренных городов между собой. Анциум превратился в римскую колонию; его корабли были частью сожжены, частью отведены в Рим. У них отрубили носы и украсили ими ораторскую трибуну в Риме, названную благодаря этому рострой*.

Луций Папирий Курсор

После полного присоединения Лациума к Риму следовало ожидать нового столкновения римлян и самнитов. Повод к взрыву нашелся в Кампании. Там остались независимыми от Рима только два греческих города — Палеполис и Неаполис. Римляне выступили против них, и самниты оказали грекам военную помощь. Так началась Вторая Самнитская война, в которой решалось, кто будет господствовать

* *Lat. rostra* — множественное число от *rostrum*, нос корабля.

в Италии. Она длилась с перерывами с 326 по 304 год и стоила обеим сторонам величайших трудов и усилий.

Ирония судьбы состояла в том, что один из греческих городов, послуживших причиной войны — Палеполис, — почти сразу после ее начала переметнулся на сторону римлян. Затем его примеру последовали сабельские города Нола, Нуцерия, Геркуланум и Помпея. Точно так же поступили апулийцы, старые враги самнитов, и дуваны. Таким образом, самниты оказались едва ли не в полной изоляции.

Главными римскими полководцами в этой войне были Луций Папирий Курсор и Квинт Фабий Руллиан.

Папирий Курсор обычно изображается историками грубым, полудиким воином. Он был исполинского роста, имел необыкновенную силу и потреблял неизмеримое количество пищи и вина, чем очень гордился. Ему доставляло истинное удовольствие видеть, как лишения и невзгоды, которые были ему нипочем, приводили в отчаяние других, и он с наслаждением изобретал способы затруднять своим подчиненным исполнение служебных обязанностей. Он наказывал жестоко и неумолимо и наслаждался ужасом приговоренных. Однажды командир отряда недостаточно быстро вывел своих людей из арьергарда в переднюю линию. Папирий потребовал его к себе и, прохаживаясь взад и вперед перед своей палаткой, приказал ликтору обнажить секиру. Бедняга онемел от ужаса, а консул, насладившись его видом, продолжал, обращаясь ликтору: «Сруби-ка этот пень, он мешает мне ходить», — и затем отпустил провинившегося, подвергнув его лишь денежному штрафу. Само собой разумеется, что такой человек не мог пользоваться любовью и преданностью своих подчиненных; он действовал только страхом. Поэтому он никогда не был популярен, как его современники Валерий Корв и Квинт Фабий Руллиан.

О Папирии Курсоре упоминается в первый раз в 340 году. Год его первого консульства с точностью не известен. Диктатором сделали его на втором году Второй Самнитской войны (325), и он назначил своим *magister equitum* Квинта Фабия Руллиана. Они ознаменовали свою деятельность многими подвигами, но еще памятнее ожесточенная вражда, разгоревшаяся между ними в это время.

Полководцы стояли уже на виду у неприятеля, когда пулларий (смотритель курятника) доложил диктатору, что священные куры делают некоторые неблагоприятные предвещения, порождающие сомнения в правильности произведенных в Риме, перед выступлением в поход, ауспий (гаданий). Вследствие этого диктатор поспешил в Рим, чтобы повторить гадание, и приказал своему *magister equitum*, которому передал командование войском, не менять позиции и избегать в его отсутствие столкновений с противником. Однако воинственный Фабий решил сразиться с самнитами вопреки ауспийам и запрещению диктатора и при Имбриниуме одержал блистательную победу: 20 тысяч врагов лишились жизни. Фабий понимал, что диктатор не простит ему этого поступка; поэтому он отправил известие о победе не ему, а прямо в сенат и, будто бы во исполнение данного обета, сжег захваченную в сражении добычу — чтобы диктатор не мог впоследствии кичиться тем, что было добыто не его руками.

Весть о победе вызвала в Риме большую радость, но Папирий Курсор пришел в ярость. Пылая гневом, он направился в войска. Но молва опередила его; говорили, что он жаждет мщения и примером ему послужит Тит Манлий. Прибыв на место, Папирий спросил Фабия, что он может сказать в свое оправдание. *Magister equitum* начал в извинительном тоне, но потом стал высказывать претензии Папирию и окончательно вывел его из себя. В бешенстве Папирий приказал ликторам схватить Фабия, но тот успел укрыться в толпе триариев. Легаты окружили диктатора и стали умолять его отложить дело на следующий день, чтобы хладнокровно обдумать свое решение и не доводить неумолимой строгостью войско до бунта и государство до опасности.

Ночью, однако, Фабий бежал в Рим и явился в сенат с жалобой на диктатора. В ту минуту, когда он произносил свою речь, в зал вошел последовавший за ним Папирий и приказал его арестовать. Дело дошло до народного собрания, на котором многие просили простить Квинта Фабия. Однако диктатор упорно стоял на своем, и лишь когда Фабий и его старый отец, бывший три раза консулом и один раз диктатором, бросились к ногам Папирия, он смягчился и сказал: «Оставайся же в живых, Квинт Фабий... Со мной лично ты можешь прими-

риться каким угодно способом; римскому же народу, которому ты обязан жизнью, ты лучше всего докажешь свою благодарность, если с этого дня будешь как в войне, так и в мире беспрекословно подчиняться высшему начальству». Квинт Фабий получил прощение, но был отставлен от должности, и на его место диктатор назначил Луция Папирия Красса.

Война шла с переменным успехом, но в 321 году удача, казалось, окончательно отвернулась от римлян. Самниты во главе своего войска поставили Гая Понтия, храброго и умного полководца, который хитростью заманил римское войско в знаменитое Кавдинское ущелье. Римляне оказались заперты в нем с двух сторон. Осознав безвыходность положения, консулы Тит Ветурий Калвин и Спурий Постумий решили капитулировать. Понтий не знал, как ему получше воспользоваться своей победой, и прибег к совету своего отца Гая Геренния. Старик посоветовал или изрубить всех пленных, или отпустить, не причинив никому вреда. Понтий имел неблагоприятное избрать средний путь; он потребовал, чтобы Рим срыл построенные вопреки договорам крепости Калес и Фрегеллу и возобновил прежний договор с самнитами. Требование было принято, после чего римлян отпустили невредимыми, но при этом нанесли глубокое оскорбление. Четыре легиона — 20 тысяч человек — вынудили пройти под так называемым игом, без оружия, в одном исподнем, сопровождаемые язвительными насмешками неприятеля; впереди шли консулы, тоже полунагие.

Безмолвствуя от негодования и стыда, римляне дотащились до Капуи и там легли на дороге как нищие. Проникнутые состраданием капуанцы дали им оружие и лошадей, платье и съестные припасы и снабдили консулов их почетными атрибутами — связками прутьев и ликторами. Темной ночью вошли поруганные воины в Рим и попрятались в домах.

Молва о бедствии уже раньше распространилась по городу, народ оделся в траур и запер лавки. Собрался сенат, и бывший консул Постумий потребовал объявить договор с самнитами недействительным, поскольку он был заключен без согласия народа, и для снятия с народа всякого обязательства выдать неприятелю тех, кто, превысив свою власть,

согласился на эту сделку. Предложение Постумия было принято, договор объявили недействительным, и консулы, его заключившие, были отправлены к самнитам. Но самниты не приняли их и отвечали, что если договор уничтожен, то римское войско должно снова вернуться в Кавдинское ущелье. Само собой разумеется, что это требование осталось неудовлетворенным. Римляне исполнили формальность и теперь думали только об одном — смыть позор кровью.

Война возобновилась. Для римлян главный вопрос состоял теперь в том, чтобы как можно скорее восстановить свой авторитет у итальянских народов. Они снова избрали консулом на 320 год Папирия Курсора и дали ему в товарищи Квинта Публилия Филона. Тем временем самниты заняли Луцерию, важнейшую крепость Апулии, и перевезли в нее 600 римских заложников, которых они великодушно пощадили после нарушения римлянами договора. Туда-то двинулся с войском Папирий Курсор. Публилий Филон направился к Кавдиуму. Войско Филона состояло большей частью из тех солдат, которые в прошедшем году пережили в этой местности страшный позор. Поэтому когда дело дошло до битвы, они бросились в нее с невероятным бешенством, и самниты были разбиты наголову.

После этого Публилий пошел по Апулии и снова склонил ее города на сторону Рима, а Папирий продолжил осаду Луцерии и принудил ее сдаться. Вражеских солдат он в одном исподнем провел под виселицей. 600 заложников влились в римскую армию целыми и невредимыми.

Таким образом, Папирий загладил кавдинский позор. В награду за это его в третий раз сделали консулом в следующем, 319 году. В этом же году он овладел Сатрикумом — бывшей римской колонией в Лациуме, которая после кавдинского поражения перешла на сторону самнитов. Когда Папирий появился перед стенами Сатрикума, граждане выслали к нему депутацию с просьбой о мире. Консул отвечал, что он требует выдачи самнитских солдат, бывших в городе. Услышав этот ответ, две партии граждан захотели, каждая по-своему, угождать консулу. Первая известила его, что самниты выступят из города в следующую ночь, а вторая в эту же ночь открыла консулу ворота и впустила его в город. Вследствие двойной измены город был отдан в руки римлян. Папирий жестоко

отомстил виновным: они были высечены розгами и обезглавлены.

В следующие годы война велась не столько в Самниуме, сколько в пограничных с ним местностях. За это время Папирия дважды, в четвертый и пятый раз — на 315 и 313 год, избирали консулом, но в военных действиях он не участвовал.

В 312 году самниты разбили выступившего против них консула Квинта Марция Рутила и готовились двинуться к северу для соединения с этрусками. Рим пришел в беспокойство, и сенат решил назначить диктатора — эту должность прочили Папирию Курсору. Но так как назначение диктатора должно было по закону исходить от одного из консулов, то сенаторы оказались в большом затруднении: все дороги к Марцию, только что потерпевшему поражение, были отрезаны, и в Риме не знали даже, жив ли он; другой же консул, Фабий Руллиан, был врагом Папирия с тех пор, как служил у него в качестве *magister equitum*. Фабий выслушал мнение сената безмолвно и удалился, не ответив ни слова. Но в ту же ночь, согласно обычаю, он назначил Папирия диктатором, и, когда на следующее утро депутаты благодарили его за то, что он одержал над самим собой такую славную победу, он опять не молвил ни слова.

Папирий оправдал возлагавшиеся на него надежды. Избрав своим *magister equitum* Гая Юния Бубулька, он со свежим войском двинулся к Лонгуле, где консул Марций передал ему остатки своих легионов. Здесь же стояла многочисленная самнитская армия. Вскоре завязалась кровопролитная битва. Юний Бубульк разметал правое крыло неприятельской армии; затем ударило по самнитам правое крыло римлян, которым командовал Папирий. Самниты обратились в бегство. Скоро поле на всем его пространстве было покрыто их трупами. На плечах неприятеля римляне ворвались в самнитский лагерь, разграбили и сожгли его.

Триумф Папирия после этой победы отличался особым блеском. Форум был украшен золочеными щитами самнитов. Кампанцы, бившиеся при Лонгуле вместе с римлянами, вооружили такими же щитами гладиаторов и развлекались, наблюдая, как они убивают друг друга.

Битва при Лонгуле была последним военным подвигом Папирия Курсора. Вероятно, он умер вскоре после нее, так как его имя больше нигде не упоминается.

Квинт Фабий Максим Руллиан

Квинт Фабий Максим принадлежал к одной из старейших и знатнейших патрицианских фамилий, которая вела свое происхождение от Геркулеса и одной из дочерей аркадца Эвандра. Ожесточенный спор, который он в качестве *magister equitum* вел с диктатором Папирием, нам уже известен; мы знаем, что между этими двумя людьми существовала непримиримая вражда. Они резко отличались друг от друга характерами. Между тем как Папирий в своей общественной деятельности строго держался древнеримских принципов и традиций, энергичный Фабий часто пренебрегал обычаями и шел своим собственным путем.

Имя Квинта Фабия упоминается первый раз в 331 году, когда он был эдилом и ведал общественными играми, надзором за строительством и содержанием храмов. Этот год ознаменовался необыкновенной смертностью, которую приписывали дурной погоде. Но вот однажды к эдилу Фабия пришла рабыня и сообщила, что знатные женщины варят яд и травят своих мужей и родственников. Действительно, посланные вместе с ней застали двадцать женщин за приготовлением зелий и привели их на форум. Так как женщины утверждали, что их снадобья совершенно безвредны, то народ потребовал, чтобы они выпили их. Требование было исполнено, и выпившие умерли на месте. Позже было выявлено еще 170 женщин, занимавшихся производством яда; всех их казнили.

В 324 году, как нам уже известно, Фабий одержал при Имбриниуме блистательную победу над самнитами и едва избежал казни по приговору диктатора Папирия. В 322 году, когда, по свидетельству Цицерона, он был еще очень молод, народ, относившийся к нему с большой симпатией, избрал его консулом. Пока диктатор Корнелий Арвина и его *magister equitum* Марк Фабий Амбуст вели войну в Самниуме, консул Фабий счастливо воевал в Апулии и восточной части Самниума. Его победы поставили самнитов в такое положение, что они — только бы заключить мир — объявили главным виновником войны своего полководца Брутула Папия

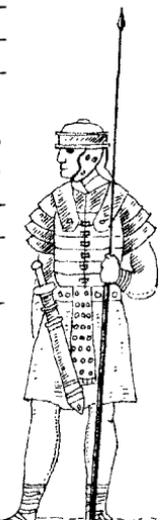
и предложили выдать его римлянам. Чтобы избежать позора, Папий сам лишил себя жизни, но самниты не успокоились и выдали его труп. Несмотря на это, мира они не добились, и война продолжилась.

Впрочем, вскоре им удалось выправить положение, а в 315 году в битве при Лаутуле они нанесли римлянам чувствительное поражение. Лаутульское несчастье привело к отпадению от Рима многих городов в Кампании, на берегах Лириса и в Лациуме. Особые же надежды самниты возлагали на 312 год, когда оканчивалось сорокалетнее перемирие, заключенное между римлянами и этрусками. Им удалось склонить этрусков к союзу, но этруски не спешили начинать военные действия. Лишь спустя год после окончания перемирия их армия появилась перед Сутриумом, римской крепостью в Южной Этрурии.

Фабий со своим товарищем Квинтом Марцием Рутилом пришел на помощь Сутриуму с войском значительно меньше этрусского. Этот недостаток Фабий возместил удачным выбором позиции на скалистом и усеянном камнями возвышении. Этруски двинулись вперед, обнажив мечи для рукопашной схватки. Но римляне обрушили на них сверху град камней, и они остановились в смятении. Они стояли под неприятельскими ударами без всякого прикрытия, без всякой возможности защититься. Передние их ряды начали отступление, и в это время римляне с бешеными криками пошли в атаку. Многие тысячи этрусков пали в этой битве; в руки римлян попало тридцать восемь знамен.

В это время самниты опустошали Апулию; консул Марций двинулся против них, и Фабий остался единственным распорядителем войны в Этрурии. Он решил вторгнуться в Верхнюю Этрурию, которая до тех пор оставалась почти неизвестной римлянам. Для этого ему предстояло пройти дикий Циминийский лес; по словам историка Ливия, эта местность могла в то время сравниться дикостью и непроходимостью с германскими лесами. Проигранное сражение по ту сторону гор неизбежно должно было повлечь за собой гибель всего римского войска.

Фабий перевалил через возвышенности, занятые Циминийским лесом, откуда открывался вид на богатые нивы

Этрурии, и, опустошая все на своем пути, достиг Перузии. Здесь его встретило большое этрусское войско, и две армии встали друг против друга, не решаясь начать сражение. На четвертые сутки ночью Фабий поднял своих солдат по тревоге и незадолго до рассвета повел в атаку на спящий неприятельский лагерь. Только немногие этруски успели схватить оружие, но римляне без труда обратили их в бегство. Золото и серебро, найденные в лагере, консул взял себе, остальную добычу раздал солдатам. Около 60 тысяч этрусков были убиты или взяты в плен.

Эта блистательная победа привела к тому, что Перузия, Коргона и Аррециум — главные государства в Северо-Восточной Этрурии, отправили в Рим послов с просьбой о мире. Сенат заключил с ними перемирие на тридцать лет.

В 309 году Фабий выступил против южных и западных этрусков и их союзников умбров. Умбры были покорены без труда. Этруски же собрали громадное войско и вступили в бой с Фабием при Вадимонском озере. Ожесточение с обеих сторон было так велико, что ни одно метательное копьё не было пущено в ход, — с первой же минуты пошли в дело мечи. И те, и другие бились, ни шага не уступая друг другу. Даже римские триарии не смогли внести перелом в ход сражения, и тогда Фабий бросил в бой конницу, которой удалось расстроить неприятельские порядки. Воодушевленная этим успехом, римская пехота забыла об усталости и прорвала неприятельскую линию. Лучшие этрусские воины пали в битве, лагерь был взят приступом и разграблен. Это сражение ослабило этрусков, и в следующем году консул Квинт Деций заставил их надолго сложить оружие.

После победы при Вадимонском озере Фабий возвратился в Рим и отпраздновал заслуженный триумф. В награду за блистательные подвиги римляне избрали его и Квинта Деция консулами на 308 год. В этот год Фабий разбил марсов и пелигнов, а затем вновь поднявшихся умбров.

Война принимала для самнитов все более и более неблагоприятный оборот. Все их союзники, на помощь которых они опирались в последние годы, были усмирены римлянами, да и сами они изнемогли от долголетней борьбы. В 305 году им было нанесено еще два серьезных поражения — при Бовиа-

нуме и Тиферне. Это вынудило их запросить мира. Сенат ответил согласием, но с условием, что самниты признают господство Рима.

Это, однако, не предотвратило Третьей Самнитской войны, поскольку римляне надумали раз и навсегда отрезать самнитов от Этрурии и Северной Италии. Самниты вдруг увидели себя опутанными целой сетью римских крепостей и скоро поняли, что такого рода мир для них хуже самой кровопролитной войны. Они решили взяться за оружие немедленно, пока римляне еще не достроили свои укрепления. Самниты вторглись в союзную Риму Луканию. Римляне в ответ немедленно объявили им войну.

Эта война продолжалась с 298 по 290 год и дала Фабию Руллиану случай пожать новые лавры. В 296 году самниты собрали три армии, из которых одна была оставлена для защиты собственных рубежей, другая вторглась в Кампанию, а третья, под предводительством Эгнация, двинулась в Этрурию через римские укрепления Средней Италии. Эти операции повлекли за собой восстание против римлян этрусков и умбров. К ним в значительном количестве присоединились галлы. Все это побудило римлян принять самые решительные меры. Назначенные консулами Фабий Руллиан и Деций Мус получили в распоряжение четыре легиона; кроме того, были образованы два резерва, из которых один расположился у Фалерии, а другой — под стенами Рима. Главные силы римлян находились в Умбрии, и туда отправился Фабий, чтобы принять командование у бывшего в истекшем году консулом Аппия Клавдия Цека.

Подъезжая к римскому лагерю, Фабий встретил солдат, спросил их, куда они идут, и, услышав в ответ, что за дровами, спросил: «Разве ваш лагерь не окружен деревянным забором?» — «Даже двойным, — отвечали они, — и сверх того рвом, но, несмотря на это, мы пребываем в постоянной тревоге!» На это Фабий сказал: «Стало быть, у вас дров хватает. Ступайте назад и сломайте забор».

С этого дня римское войско нигде не располагалось постоянным лагерем, ибо Фабий считал, что для армии вредно оставаться долго на одном и том же месте. С наступлением весны он соединился со своим товарищем Децием, и, вместе

перейдя Апеннины, они проникли в Сентинскую область, где находился неприятель. Фабий отправил к начальникам резервов приказ немедленно идти к Клузиуму и начать опустошать этрусские земли. Таким маневром он надеялся разединить этрусков и самнитов и не ошибся в расчете. Узнав о вторжении римлян, часть этрусков бросила союзников и отправилась на родину. Как только об этом узнали консулы, римляне стали искать повод к решающему сражению. Два дня кряду происходили отдельные стычки; на третий день армии вышли в поле.

Фабий с двумя легионами расположился против самнитов, Деций — против галлов. Они вели бой различными способами. Фабий, по обыкновению, сдерживал воинов, надеясь вымотать неприятеля. Деций же, по молодости более горячий, с самого начала сражения устремил на неприятеля все свои силы и, так как передвижения пехоты казались ему недостаточно быстрыми, пустил в ход кавалерию. Но галлы сумели отбить атаку и обратили римлян в бегство. Деций, не в силах остановить своих воинов, велел верховному жрецу Марку Ливию прочесть ту же формулу обречения на смерть, которую произнес в битве при Везувии его отец, и прибавил к ней следующие слова: «Ужас и проклятие, убийство и кровь, гнев небесных и подземных богов предшествуют мне, я несу с собой проклятие погибели знаменам и оружию неприятеля, и смерть да постигнет галлов, самнитов и меня на одном и том же месте». С этими словами он поскакал навстречу галлам и пал под их мечами.

С этой минуты битва как будто перестала быть делом человеческих рук. Римляне потеряли своего полководца, но не сдались — наоборот, к ним вернулась крепость духа. Контратака галлов захлебнулась, они отступили и загородились щитами, выставленными в ряд.

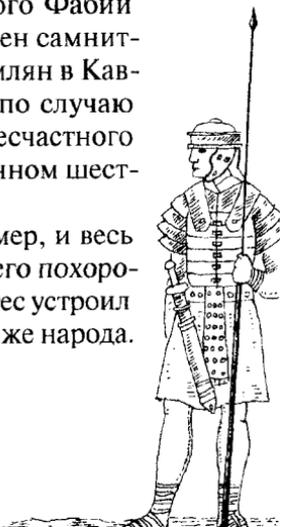
В это время Фабий, который простоял на месте большую часть дня, послал в бой конницу и следом сам повел в атаку пехоту. Самниты не выдержали напора и побежали, оставив галлов одних в самую решительную минуту. У самого лагеря самнитов произошла кровопролитная схватка, в которой погиб самнитский полководец Эгнаций. Лагерь был взят, а затем римляне окружили галлов и изрубили их почти всех.

Число павших при Сентинуме галлов и самнитов определяют в 25 тысяч, а взятых в плен — в 8 тысяч. Но и победителям эта битва стоила много крови. От войска Деция осталось 7 тысяч человек, от легионов Фабия — чуть больше тысячи. Труп Деция нашли не сразу, он лежал под грудой галльских трупов. На следующий день его похоронили с большими почестями. Фабий оставил войско Деция в Этрурии, а сам со своими легионами вернулся в Рим, где блистательным триумфом отпраздновал победу. Солдаты славили его победу, но точно так же воспевали геройскую смерть Деция.

Эта битва привела к значительным последствиям. Союз галлов, этрусков, умбров и самнитов окончательно распался. Умбрия осталась во власти римлян, галлы рассеялись, этруски сложили оружие и обещали сохранять перемирие в продолжение сорока лет. В последующие годы происходили еще время от времени отдельные столкновения с этрусками и галлами, но постепенно Этрурия покорилась и более не возобновляла враждебных действий.

Самниты не сложили оружия после этого поражения. С удивительным мужеством сражались они за сохранение своей свободы до последнего изнеможения, в твердой решимости победить или умереть. В 292 году они нанесли значительный урон легионам под командованием консула Квинта Фабия Максима Гургеса, сына Фабия Руллиана. Этим обстоятельством воспользовались враги семейства Фабиев, и главным образом Аппий Клавдий Цек. Они задумали отставить Фабия Гургеса от должности и призвать на суд в Рим. Но старик Фабий уговорил народное собрание оставить командование войском в руках сына. После этого Фабий Гургес одержал блистательную победу и взял в плен самнитского военачальника Гая Понтия, победителя римлян в Кавдинском ущелье. В триумфе, отпразднованном по случаю этой победы, отец ехал позади колесницы сына. Несчастливого Понтия также вынудили участвовать в торжественном шествии; затем его обезглавили.

Вскоре после этого триумфа Фабий Руллиан умер, и весь народ по римской традиции жертвовал деньги на его похороны. Но так как он оставил большое состояние, Гургес устроил на собранные средства поминальный пир для того же народа.

Пирр, царь Эпирский

Мы помещаем в ряду римских героев эпирского царя Пирра, так как он был достойным противником римлян на поле сражения. Говорят, что Ганнибал признавал его вторым полководцем после Александра Македонского. Несомненно, Пирр был значительнейшим полководцем из школы Александра Великого; когда он вступил на итальянскую землю, господство Рима над Италией, уже почти вполне совершенное, снова поколебалось.

Пирр был призван в Италию тарентинцами. Тарент, богатый торговый порт, могущественный греческий город в Италии, давно враждовал с римлянами. Его жители хорошо понимали, какая опасность угрожает им от распространявшегося все дальше и дальше владычества Рима.

В начале 281 года десять римских военных кораблей бросили якорь в обширной Тарентской гавани, хотя за двадцать лет до этого римляне по договору с Тарентом обязались не переплывать за Лацинский мыс. Когда это произошло, горожане находились в театре, и местные ораторы привели их в такое озлобление, что они тотчас бросилась в лодки и взяли корабли на abordаж. После жестокой битвы, в которой пал римский предводитель, пять римских кораблей были захвачены, а их экипаж отчасти казнен, отчасти продан в рабство. Вслед за этим тарентинцы выступили в поход и взяли римский город Турии. Римляне отнеслись к этому довольно снисходительно, поскольку до поры до времени избегали открытой вражды с тарентинцами. Рим отправил в Тарент посольство под предводительством Луция Постумия и потребовал освобождения пленных, возвращения Туриев и выдачи виновных в гибели римлян. Однако римских послов встретили насмешками и оскорблениями. Грубая чернь издевалась над их пурпурными тогами и подняла на смех в народном собрании Постумия за то, что он неправильно говорил по-гречески, а один шут, для увеселения праздной толпы, простер свою дерзость до того, что выпачкал платье Постумия самым бесстыдным образом. Тогда Постумий сказал: «Это пятно вы смоете вашей кровью, ваш

смех скоро превратится в плач» — и выехал из города. Вскоре после того римское войско двинулось к Таренту.

Насколько храбры и смелы были тарентинцы на словах, настолько же малодушными и трусливыми оказались они в бою. Первая же их схватка с римскими солдатами показала, что без чужой помощи им никак не обойтись. Поэтому было сделано предложение обратиться за содействием к эпирскому царю Пирру. Некоторые из старейших и более благоразумных граждан восстали против этого предложения и советовали принять условия, которые все еще предлагались римлянами; они предвидели, что эпирский царь принесет Таренту не свободу, а рабство. Но партия войны осилила их криками и выгнала их из народного собрания.

Царь Пирр уже несколько раз в продолжение своей тревожной жизни выказывал себя отличным воином. Он был сыном эпирского царя Аякида, который вел свой род от Ахиллеса и находился в родстве с Александром Великим. Родился Пирр через семь лет после смерти великого завоевателя. Ему не минуло еще и двух лет, когда его отец был свергнут с престола, а сам он увезен верными слугами в Иллирию к царю Глауку. Македонский царь Кассандр предлагал Глауку двести талантов за выдачу ребенка, другие враги тоже с угрозами требовали этого, но Глаук не уступил и, когда Пирру минуло двенадцать лет, вернул его на родину.

Позже Пирр оказался при дворе египетского царя Птолемея, где мужественная красота снискала ему расположение царицы Вереники и ее дочери Антигоны, падчерицы Птолемея. Он женился на Антигоне и, получив от тестя деньги и войско, возвратился на родину (296 год). Народ встретил его с большой радостью, так как ненавидел захватившего эпирский престол Неоптолема. Некоторое время Пирр и Неоптолем управляли государством вместе; вскоре, однако, Неоптолем обнаружил замысел отделаться от своего соправителя, но Пирр упредил его и умертвил во время одного из застолий.

С того дня власть Пирра ничем не была ограничена. Воинственные эпирцы были в восторге от своего храброго царя. Но такой пылкий и предприимчивый человек, как Пирр, не желал удовлетвориться маленьким Эпиром; он не

переставал мечтать о битвах и завоеваниях. И вот явились к нему тарентские послы с просьбой избавить их родину от бедственного положения и защитить эллинскую культуру в Италии от посягательств варваров-римлян. Они предложили Пирру верховное командование войсками тарентинцев и их союзников — луканцев, самнитов, бретийцев, итальянских греков, что составляло, по словам послов, в общей сложности 350 тысяч человек пехоты и 20 тысяч всадников. Это предложение открыло Пирру блестящую перспективу; он надеялся, опираясь на силу итальянских и сицилийских греков, завоевать себе обширное государство на западе, подобно тому, как его родственник Александр Великий сделал это на востоке.

При дворе Пирра жил фессалиец Кинеас, очень даровитый человек и искусный оратор. Пирр глубоко его уважал и обыкновенно говорил, что Кинеас завоевал для него больше городов словами, чем он сам — оружием. Рассказывают, что после принятия Пирром тарентинского предложения Кинеас завел с царем следующий разговор: «Римляне, — сказал он, — народ очень воинственный, и под их властью находится много людей; если боги пошлют нам победу над ними, каким образом воспользуемся мы ею?» Пирр отвечал: «Если мы одолеем римлян, то скоро вся Италия будет принадлежать нам». После некоторого молчания Кинеас продолжал: «Ну а когда Италия сделается нашей, что мы станем делать после этого?» Царь отвечал: «В самом близком соседстве с ней лежит Сицилия, плодородный и густо населенный остров, который завоевать не трудно, потому что со смерти тирана сиракуского Агафокла там не прекращаются народные волнения: города не имеют правителя и брошены на произвол необузданных демагогов». — «Это хорошо, — заметил Кинеас, — но сделается ли завоевание Сицилии пределом нашего господства?» Пирр сказал: «Все это будет для нас только прологом к более обширным предприятиям, потому что из Сицилии легко добраться до Африки и Карфагена и завладеть ими». — «Конечно, — сказал Кинеас, — а с такими средствами мы без труда снова завоюем себе Македонию, да и Грецию вдобавок. Но скажи мне, когда уже это все очутится в наших руках, что станем мы делать тогда?» — «Тогда, —

отвечал Пирр смеясь, — тогда мы заживем в мире и спокойствии; круговая чаша будет ходить у нас каждый день, с утра до вечера будем мы собираться в дружеской компании, и веселью не будет конца». — «В таком случае, — заключил Кинеас эту беседу, — что же мешает нам теперь жить весело и спокойно, за круговой чашей, когда мы уже теперь без труда владеем всем тем, что ты хочешь еще приобрести ценой стольких опасностей и кровопролитий?»

Впрочем, эти мудрые слова не произвели действия на воинственного государя. Осенью 281 года он отправил в Тарент своего полководца Милона с 3 тысячами человек, которые расположились в тарентской крепости; сам же двинулся морем в начале следующего года со всей своей армией: 20 тысячами тяжеловооруженных воинов, 2 тысячами стрелков, 500 пращеносцев, 3 тысячами всадников и 20 слонами. Во время этого плавания ночью поднялась сильная буря, рассеявшая весь флот и уничтожившая часть кораблей. Судну, на котором находился царь, удалось благополучно приблизиться к берегу, но в последнюю минуту ветер изменился и погнал его в противоположную сторону. Пирр и его телохранители спрыгнули в воду и пустились вплавь, но из-за темноты и сильных волн смогли достичь берега только с рассветом.

По прибытии в Тарент Пирр нашел многое совсем не в таком положении, как ожидал. Из обещанных 350 тысяч солдат, над которыми ему предстояло принять начальство, не оказалось ни одного человека. Военная служба была тарентинцам совсем не по вкусу. Поэтому, когда уцелевшие корабли собрались в тарентинской гавани, Пирр стал собирать армию, причем потребовал в строй всех граждан Тарента, способных к военной службе. Такое распоряжение очень не понравилось изнеженным тарентинцам; им было гораздо приятнее проводить время на пирушках и в купальнях. Теперь многие из них находили, что они поступили бы благоразумнее, если бы помирились с Римом на выгодных для себя условиях. Услышав, что затеваются переговоры с Римом, Пирр поступил с Тарентом как с завоеванным городом. Он закрыл места общественных игр и прогулок, запретил народные собрания, пиршества и т. п., поставил у ворот стражу, для того чтобы никто не мог уйти из города

и тем избавиться от военной службы. Рекрутский набор продолжался с неумолимой строгостью. «Ты только доставляй мне высоких и здоровых ребят, — говорил он вербовщику, — а уж храбрыми я их сумею сделать».

Между тем римское войско под предводительством консула Публия Валерия Левина двигалось по Лукании, опустошая все огнем и мечом. Пирр встретился с ним между Гераклеей и Пандозией, у реки Сириса. Римляне переправились через реку на глазах у неприятеля и начали сражение кавалерийской атакой. Пирр бился впереди своих всадников с удивительной храбростью, но и в рукопашной схватке не забывал общего плана и, лично появляясь то тут, то там, управлял битвой так обдуманно и хладнокровно, как будто смотрел на нее издали. В разгар сражения он под ним поразили копьем лошадь, и это заставило царя стать осторожнее. Он поменялся плащом и вооружением со своим телохранителем Мегаклом, и так как в это время его конница стала отступать, то повел в дело пехоту. Семь раз греческая фаланга и римские легионы сшибались друг с другом, и все без окончательного результата. Но тут пал Мегакл, на котором было платье и вооружение Пирра. Весть, что царь убит, возбудила восторженное одушевление в римлянах и сильную панику в греках. Левин, уже совершенно уверенный в победе, бросил на неприятеля всю свою конницу. Но Пирр поскакал по рядам с обнаженной головой, протягивая солдатам руки и громко крича, чтобы они слышали и узнавали его голос.

Против римской конницы он двинул своих слонов. Этот маневр решил битву. Лошади римлян испугались гигантов. Пирр воспользовался смятением и послал в бой фессалийскую кавалерию, и римская армия была обращена в бегство. Если бы Гай Минуций, служивший первым гастатом* в четвертом легионе, не ранил одного из слонов, гнавшегося за бегущими, то от римского войска едва ли остался бы хоть один человек. Семь тысяч римлян остались мертвыми или ранеными на поле битвы, две тысячи попали в плен. Но и Пирр понес большие потери; четыре тысячи его храбрейших солдат и многие командиры были убиты. Римская храб-

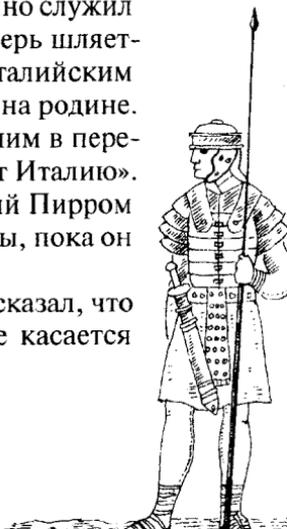
* Воин авангарда тяжелой пехоты; букв. копейщик (*лат.*).

рость вызвала в нем чувство глубокого удивления. Объезжая поле битвы и глядя на трупы, лежавшие целыми шеренгами, он воскликнул: «С такими солдатами я завоевал бы весь мир!»

Пирр отправил в Рим Кинеаса, поручив ему, под свежим впечатлением страшной битвы, предложить мир с условием, что римляне откажутся от господства над греческими городами и над самнитами, даунами, луканами и бретийцами. Тонкий, искусный дипломат употребил все свое умение, чтобы склонить римлян к принятию предложения своего государя, и большая часть сенаторов уже склонилась на его сторону, когда слепой старец Аппий Клавдий Цек, с которым мы уже прежде имели случай познакомиться, направил на надлежащий путь поколебавшиеся умы. Вследствие старости и слепоты он давно уже перестал заниматься государственными делами; но в эту решительную минуту велел перенести себя на носилках в сенат, где обсуждалось предложение Пирра.

«До сих пор, римляне, — сказал старик, — я скорбел о потере зрения; но теперь больно мне, что я не лишился также слуха и поэтому должен слышать ваши позорные речи и постановления, пятнающие римскую славу. Что же стало с вашими былыми заявлениями, что если бы сам великий Александр пришел в Италию и померился силами с нами, в то время юношами, и нашими отцами, находившимися тогда еще в полном цвете сил, то он перестал бы считаться непобедимым и, напротив того, еще более возвеличил бы Рим своим бегством или смертью? То были, значит, одни хвастливые слова, если теперь вы же боитесь хаонийцев и молоссов, всегда бывших добычей македонян, дрожите перед каким-нибудь Пирром, который постоянно служил какому-либо из сподвижников Александра и теперь шляется по нашей стране не для того, чтобы помочь итальяским грекам, но чтобы не попасть в руки своих врагов на родине. О мире с ним не может быть и речи, вступить с ним в переговоры Рим может только тогда, когда он очистит Италию». После этих слов сенаторы отвергли предложенный Пирром мир и объявили, что не вступят с ним в переговоры, пока он будет оставаться на итальянской почве.

Кинеас возвратился к Пирру и между прочим сказал, что сенат показался ему собранием царей. «Что же касается

народной массы, — заметил он, — то я боюсь, что нам придется сражаться с лернейской гидрой, потому что консул собрал уже войско вдвое многочисленнее прежнего, и при этом еще остается в запасе столько же, если не гораздо больше, способных носить оружие римлян».

Весной 279 года Пирр вторгся в Апулию. При Аскулуме завязалась битва. С каждой стороны сражалось около 70 тысяч человек; под начальством Пирра, кроме его эпирских войск, находились тарентские ополченцы (так называемые белые щиты), луканцы, бретийцы и самниты; под римскими знаменами — кроме 20 тысяч римских граждан, латины, кампанцы, вольски, сабиняне, умбры, марруцины, пелигны, френтаны и арпаны. Пирр разбил свою фалангу на обоих крыльях на небольшие отряды и, приняв за образец римское построение когорт, в преимуществах которого он убедился на деле, расставил эти отряды так, что солдаты самнитские и тарентинские, на которых он не особенно мог полагаться, стояли между отрядами эпиротов; только в центре фаланга составляла одну, плотно сомкнутую линию. Римляне также выступили в этой битве с нововведением: это были особого рода боевые колесницы, для обороны от слонов снабженные жаровнями на длинных шестах и бревнами с острыми железными наконечниками, которые можно было опускать в случае надобности. Битва оставалась без решительного исхода до тех пор, пока колесницы римлян не были опрокинуты слонами, которые вслед за тем врезались в когорты. Римские войска бежали в лагерь, и поле битвы осталось за Пирром. Тем не менее его армия понесла такие потери, что он, как рассказывают, сказал: «Еще одна такая победа — и мы погибли».

В двух упомянутых сражениях Пирр лишился цвета своих войск, последовавших за ним с родины; этот пробел было не так-то легко восполнить, если учесть, что воинственное рвение его итальянских союзников быстро угасло. Пирр понял, что его боевых средств хватит ненадолго, и воспользовался случаем добыть себе новые ресурсы в Сицилии, жители крупнейших городов которой после смерти сиракузского тирана Агафокла обратились к нему с просьбой принять ее под свою руку. Как только римляне и карфагеняне услышали о союзе Пирра с сицилийскими греками, они заключи-

ли, в свою очередь, между собой союз, целью которого было не допустить царя в Сицилию. Но это им не удалось: Пирр прибыл в Сицилию, выгнал карфагенян из Сиракуз и вскоре сделался правителем всего острова, за исключением Лилибеума, где удержались карфагеняне, и Мессаны, которой овладели грабители-мамертинцы, бывшие прежде наемными солдатами Агафокла.

Впрочем, он потерял Сицилию так же быстро, как и завоевал, — притом по собственной вине. Он стал обращаться с греками, подчинившимися его власти, как с покоренным, лишенным всяких прав народом, насильно набирал среди них матросов для своего флота и солдат для своей армии, занимал гарнизоны города, произвольно прибегал к самым суровым наказаниям. В результате сицилийцы нашли карфагенское иго более сносным, чем новое солдатское управление, и крупные города стали заключать союзы со своими старыми врагами — и даже с шайками мамертинцев, — чтобы отделаться от Пирра. Царь увидел себя окруженным изменой и мятежом и счел за благо внезапно отказаться от Сицилии. В конце 276 года Пирр переправился со своим флотом в Италию.

По пути Пирр сделал попытку овладеть городом Региумом в Южной Италии, находившимся в руках мятежного римского легиона, который в союзе с мамертинцами занимался разбоем и грабежами на море. Но его нападение было отбито, и хуже того — царь попал в засаду под стенами города. Завязалась кровопролитная схватка, в которой Пирр был ранен мечом в голову. Ободренный этим обстоятельством, один мамертинец громадного роста провозгласил, что вызывает Пирра на поединок, если, конечно, тот еще жив. С гневным лицом ринулся царь на дерзкого варвара и нанес ему такой страшный удар, что громадное тело, рассеченное сверху донизу, рухнуло на землю двумя половинами. Удовлетворившись этим подвигом, Пирр продолжил путь к Таренту, куда прибыл с 20 тысячами пехотинцев и 3 тысячами всадников.

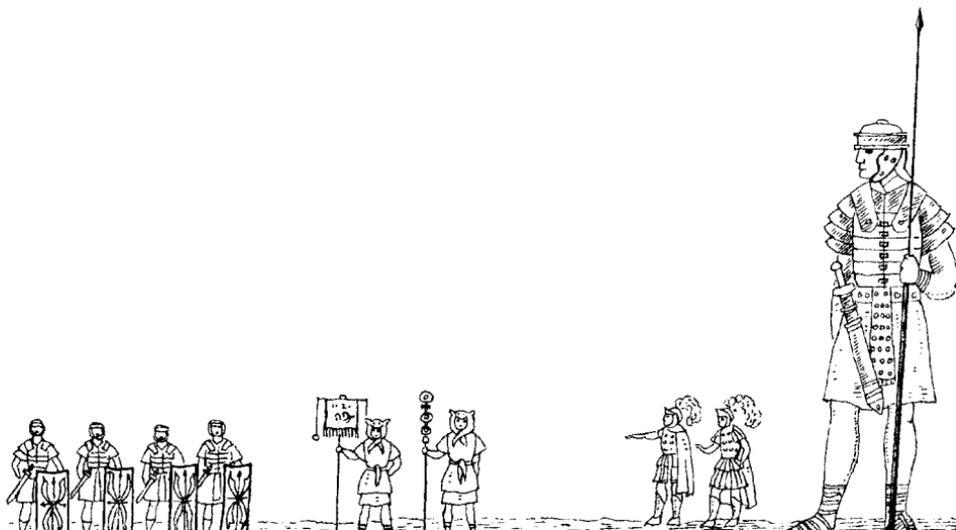
Ресурсы его в Италии были незначительны. Пока он воевал на Сицилии, союзники, особенно самниты, тяжело пострадали от римлян; силы их совсем истощились. Вес-

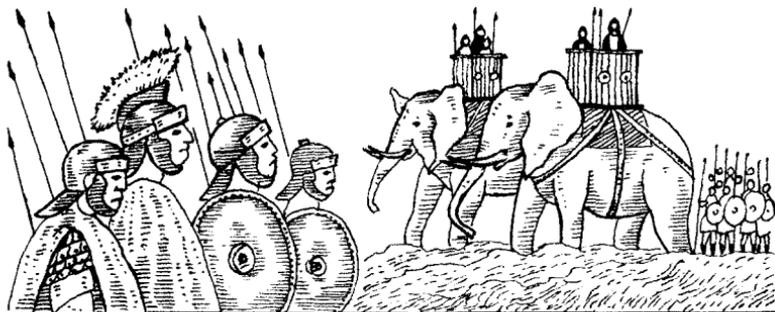

ной 275 года Пирр, собрав всех, кто был в Таренте способен к военной службе, вторгся в Самниум, где с осени стояло римское войско во главе с консулом Манием Курием Дентатом. Заняв позицию на высотах, Дентат избегал битвы до прибытия другого консула, Лентула, шедшего на соединение с ним из Лукании. Но Пирр желал сразиться раньше и сделал это себе на горе. Исход битвы опять решили слоны, но на этот раз не в пользу Пирра. Осыпанные градом огненных стрел, испуганные животные повернули назад и принялись топтать воинов Пирра. Лагерь царя был взят, два слона убиты, четыре захвачены римлянами, а сам он, с трудом избежав плена, прибыл в Тарент в сопровождении всего нескольких всадников.

Уцелевших войск Пирра, 8 тысяч пехоты и 500 всадников, было недостаточно для продолжения войны в Италии, а Антигон, царь Македонии, и другие греческие государи оставались глухи к просьбам Пирра прислать денег и людей. Поэтому в начале 274 года Пирр возвратился в Эпир, оставив в тарентской крепости гарнизон под начальством Милона. Непокойный нрав, однако, не позволил ему долго оставаться в бездействии. Он предпринял войну против македонского царя Антигона и завладел большей частью его государства. Затем вместо того, чтобы утвердить свое владычество в Македонии, отправился покорять Спарту и Аргос; причем следом за ним отправился с новым войском жаждущий мщения Антигон. Пирр уже занял часть города Аргоса, когда Антигон и спартанский царь Арей вытеснили его оттуда. В схватке, завязавшейся на улицах города, он получил незначительную рану; но в ту минуту когда он устремился с мечом на аргосского юношу, нанесшего ему этот удар, мать молодого человека, смотревшая на бой с крыши в сообществе других женщин, бросила ему в голову черепицу, да так метко и сильно, что он упал без чувств. Солдаты Антигона узнали его, потащили в близлежащую колоннаду и обезглавили. Алкионей, один из сыновей Антигона, принес голову Пирра отцу и кинул к его ногам. Антигон палкой выгнал сына из комнаты. Он приказал с подобающими почестями сжечь останки Пирра и отпустил в Эпир взятого в плен его сына Гелена.

В том самом 272 году, когда погиб Пирр, римлянам полностью покорились его союзники в Италии — самниты, луканы и бреттийцы, а Милон сдал Тарент. Карфагенский флот, стоявший в Тарентской гавани с целью овладеть этим важным городом, отступил под тем предлогом, что он будто бы только хотел помочь, согласно договору, своему союзнику Риму. Таренту позволили сохранить самоуправление, но он должен был выдать все вооружение и корабли и снести городские стены. Два года спустя римляне взяли Региум, кроваво наказав мятежную шайку, которая основала разбойничье государство. В 266 году им покорились Саллентины в Калабрии и Сарсинаты в Умбрии, и таким образом вся Италия оказалась в их руках.

Гай Фабриций Лусцин

Гай Фабриций был по происхождению герник, вероятно, из города Алатриума, который в 306 году при восстании герников остался верен римлянам вместе с другими двумя городами и поэтому сохранил все гражданские права, между тем как остальным герникам было оставлено только пассивное право гражданства, то есть гражданство без права голоса. Надо полагать, что вскоре после восстания Фабриций переселился в Рим, где благодаря своим дарованиям и честности достиг высших государственных должностей. Но это не помешало ему сохранить простоту и строгость нравов своей родины.

В 282 году он в звании консула руководил боевыми действиями против самнитов, луканов и бреттийцев. У Туриев римские солдаты оказались перед неприятельской армией, значительно превосходившей их численностью, и не смели вступить в битву. Тут один юноша необыкновенного роста схватил лестницу, пробился сквозь ряды неприятелей к укреплениям неприятельского лагеря, взобрался на стену и стал энергично звать римлян за собой. Воодушевленные, они бросились в атаку и положили на месте 20 тысяч человек; 5 тысяч, в том числе вражеский предводитель, Ста-

тилий, были взяты в плен. На следующий день при раздаче наград великан, которому римляне были обязаны победой, не явился для получения своего венка из рук консула; из этого обстоятельства заключили, что то был бог Марс, явившийся на помощь своему народу; такое предположение подтверждалось тем, что шлем юноши украшали два султана, — так обыкновенно изображали Марса скульпторы. Вследствие этого Фабриций приказал совершить благодарственное празднество в честь Марса.

После Турий Фабриций одержал множество других побед, завоевал и разрушил многие города, разорил большое количество деревень и собрал такую богатую добычу, что оказалось возможным не только одарить войско самым щедрым образом и заплатить за граждан годовую военную подать, но и внести в государственную кассу 400 талантов. Заслуги полководца были награждены блестящим триумфом.

В битве при Геракле Фабриций сражался в качестве легата. Поражение не привело его в уныние; по словам Фабриция, Пирр победил не римлян, а только полководца Левина. Вскоре после этого он вошел в состав посольства, которое было отправлено к Пирру для переговоров о выдаче пленных. Пирр принял посланников с самыми высокими почестями; чтобы защитить их от неприятностей и оскорблений, он выслал им навстречу стражу, а у ворот Тарента встретил их сам со своими полководцами. Надежда на мир еще не была потеряна эпирским царем, и потому он старался радушным приемом расположить посланников в свою пользу. По одним сведениям, Пирр освободил всех пленных, не взяв никакого выкупа; по другим — он дозволил пленным отправиться в Рим на праздник Сатурналий и затем остаться там в том случае, если сенат согласится заключить мир; в противном случае они должны были вернуться обратно. Пирр предполагал, что отпущенные на таком условии пленники и их родственники употребят все старания в пользу мира, но расчеты его не оправдались. В назначенный день пленники были отправлены обратно в Тарент; сенат пригрозил смертной казнью всякому, кто подумал бы остаться в Риме.

Рассказ о посольстве римлян к Пирру украшен многими, не всегда правдоподобными, подробностями, которые

все, так или иначе, свидетельствуют о величии души Фабриция. Пирр предложил Фабрицию в подарок большое количество золота — отнюдь не в вознаграждение, как он выразился, какой-нибудь темной услуги, но только как доказательство приязни и уважения. Но попытка подкупа не удалась, и тогда Пирр задумал (и уж это, конечно, выдумка) устроить стойкого римлянина: во время переговоров он велел спрятать за занавесом самого большого из своих слонов; по данному царем знаку занавес отдернули, и животное со страшным ревом протянуло свой хобот над головой римского полководца. Но тот остался совершенно спокоен и с улыбкой сказал Пирру: «Как вчера не соблазнили меня твои деньги, так сегодня ничего не сделает со мной твой слон!»

Однажды за обедом Кинеас рассказал послам об учении Эпикура, согласно которому наслаждение жизнью есть высочайшее благо и потому следует воздерживаться от всего, что может помешать приятному препровождению времени. «Я бы желал, — сказал Фабриций, — чтобы Пирр и самниты держались этого учения, пока мы ведем с ними войну».

Летом следующего года Фабриций участвовал в качестве легата в битве при Аскулуме и был ранен. В 278 году его избрали консулом вместе с Эмилием Папом. Однажды, когда римляне стояли лагерем недалеко от войска Пирра, Фабрицию принесли письмо от одного из приближенных царя, который предлагал за приличное вознаграждение отравить Пирра. Консулы тотчас уведомили царя об измене. «Мы извещаем тебя об этом, — писали они ему, — не для того, чтобы снискать твою благодарность, но с той целью, чтобы в случае твоей смерти избежать клеветы и не навлечь на нас обвинений, что мы почувствовали себя неспособными решить войну на открытом поле битвы и потому прибегли к низкому вероломству». Прочтя это письмо, Пирр, как рассказывают, воскликнул: «Клянусь, скорее солнце сойдет со своей дороги, чем Фабриций — с пути добродетели!» Вслед за тем он подверг предателя заслуженному наказанию, а в вознаграждение благородства римлян отпустил безвозмездно всех пленных. Но римляне, чтобы не остаться у неприятеля в долгу, освободили такое же число пленных самнитов и тарентинцев и снова отвергли предложенный Пирром мир.

В 275 году, ознаменовавшемся победой, одержанной над Пирром Курием Дентатом, Фабриций занимал должность цензора опять-таки вместе с Эмилием Папом, своим двукратным товарищем по консульству. Вместе они выступили энергичными противниками повсюду распространившейся роскоши; Публий Корнелий Руфин, бывший два раза консулом и один раз диктатором, был исключен ими из сената за то, что держал дома для своих обедов десять фунтов серебряной посуды. У каждого из цензоров вся серебряная утварь ограничивалась чашей и солонкой для жертвоприношений.

К последним годам жизни Фабриция относится рассказ, свидетельствующий о его простоте и воздержанности. К Фабрицию явились посланники от самнитов с большими дарами. Старик провел руками по ушам, глазам, носу, рту, груди и животу и отвечал посланникам: «Пока все это находится в моей власти, я ни в чем не буду ощущать недостатка».

При таком образе мыслей Фабриций действительно оставался бедняком до конца жизни. Он умер, не оставив семье никаких средств, и дочь его получила приданое из государственных средств.

Гай Марк Дуилий

В 264 году греческая колония Мессана, краеугольный камень Сицилии, перешла под власть римлян. Но вскоре в ее гавани появился сильный карфагенский флот под начальством Ганнона, сына Ганнибала. Пока корабли курсировали в проливе, высадившиеся на берег сухопутные силы карфагенян осадили Мессану с северной стороны. Но в одну из темных ночей консул Аппий Клавдий Каудекс переправился через пролив и освободил город от осады.

К 262 году в руках Рима находилась уже большая часть Сицилии; карфагеняне держались только в укрепленных приморских городах, но, чтобы изгнать их оттуда, римлянам необходим был военный флот. Они построили его и разбили карфагенян на море. Человек, которому Рим был обязан первой морской победой, достоин того, чтобы мы посвятили ему особую главу, хотя о его жизни и других подвигах известно очень мало.

В 260 году Гай Дуилий был консулом вместе с Гнеем Корнелием Азиной. Римляне вели сооружение флота с величайшей энергией; за шестьдесят дней вошли в строй двадцать триерий и сто пентер. Триерии, по латыни триремы, военные корабли с тройным рядом весел, служившие грекам во многих битвах, были давно известны римлянам и грекам Южной Италии. Пентеры же, большие линейные суда с пятью палубами и пятью рядами весел, в Италии прежде никогда не строились — применять их на войне начали именно карфагеняне. Римляне, не мудрствуя лукаво, взяли за образец карфагенскую пентеру, потерпевшую крушение у берегов Бруциума.

Эти наскоро сделанные из свежесрубленных деревьев корабли не могли сравниться прочностью и легкостью с карфагенскими, да и римские моряки сильно уступали карфагенским. Между тем исход битвы зависел главным образом от маневренности судов и их способности протаранить вражеский корабль. Воинов на кораблях было немного, всего человек восемь на каждой палубе, но гребцов — как минимум, пятьдесят—шестьдесят. Римляне хорошо понимали слабости своего флота; поэтому им хотелось, чтобы исход сражения решался солдатами, а не моряками и морская битва как можно более походила на сухопутную. Они устроили в передней части своих кораблей лестницы, которые опускались на канатах и железными крючьями намертво цеплялись за неприятельское судно. Этот перекидные мосты были шириной более метра, так что два человека могли одновременно поместиться на них. Таким образом, чуть только крючья цепляли неприятельский корабль, римские солдаты перебегали на его палубу, и начинался рукопашный бой.

Как только флотилия была готова к походу, Гней Корнелий с семнадцатью кораблями отправился в Мессану, но туда не добрался. Карфагенский полководец Богул заманил его хитростью в Липарскую гавань и взял в плен со всеми кораблями. Эта оплошность, вероятно, и стала причиной того, что он получил прозвище Азина, означающее место, расположенное у человека ниже спины. Но плохое начало не испугало Дуилия, который немедленно двинулся навстречу неприятельскому флоту, состоящему из ста тридцати судов. Морское сражение произошло у мыса Мила. Карфагеняне

смотрели на римские корабли как на легкую добычу и вступили в битву без всяких мер предосторожности, даже не соблюдая боевой порядок. И почти сразу тридцать карфагенских кораблей, шедших впереди остальных, были притянуты железными крючьями и взяты в плен. Остальные начали маневрировать в надежде потопить римские суда ударами таранов, но едва карфагенский корабль подходил к римскому, как его захватывали крючьями. Когда таким образом карфагеняне потеряли почти половину судов, прочие их корабли кинулись в бегство. В руки римлян попал тридцать один корабль, в том числе, между прочим, и адмиральский, некогда захваченный карфагенянами у Пирра. Три тысячи карфагенян пали, семь тысяч были взяты в плен. Римляне, если верить рассказам, не потеряли ни одного корабля.

Эта морская победа вызвала в Риме неопиcуемый восторг. Неодолимые на суше, римляне сделалиcь непобедимыми и на море, ибо разбили наголову лучших моряков на свете. С этих пор, думали они, уже ни один народ не будет в состоянии сопротивляться Риму.

Дуилий прибыл в Рим, окруженный громкой славой. Ему было дано право пожизненно ходить по улицам в сопровождении факелоносца, флейтистов и певцов. Победа была увековечена сооружением на форуме колонны, украшенной носами вражеских кораблей. Обломки этой колонны (или древнего подражания ей) уцелели с частью надписи до сих пор. Сам Дуилий, в благодарность за победу, воздвиг на форуме Олиториуме храм Янусу, богу благих начинаний.

Марк Атилий Регул

Регул сделался наиболее известным среди римских полководцев Первой Пунической войны благодаря героизму. Но, по мнению Нибура*, древние не оценили по достоинству характер этого человека. «Он вовсе не принадлежал к величайшим людям своего времени, — говорит Нибур, — хотя

* Бартольд Георг Нибур (1776—1831) — немецкий историк и государственный деятель.

обладал добродетелями той эпохи; его отнюдь нельзя признать безукоризненным полководцем; он слепо и без всякой предусмотрительности доверялся чрезмерному счастью и так вознесся в этом счастье, что Немезида покарала его как погибелью отечества, так и его собственной». Регул еще до Пунической войны, в 267 году, был консулом; в этом звании он сражался с саллентинцами и подчинил власти римлян важный город Брундизий. Вторично консульскую должность он занимал в 256 году вместе с Луцием Манлием Вульсоном.

После победы у мыса Мила римляне надеялись быстро закончить войну с Карфагеном, но в следующие годы удача им изменила. Наконец римляне решились на отважное предприятие — поход в Африку с целью напасть на Карфаген и тем принудить неприятеля отказаться от Сицилии. К походу готовились тщательно. Римляне построили 200 новых военных кораблей, и теперь в их распоряжении находилось более 330 триер и пентер; римская армия состояла из почти 140 тысяч воинов. У карфагенян было 350 кораблей и не менее 150 тысяч человек. Никогда еще не сходились на море такие огромные массы сражающихся.

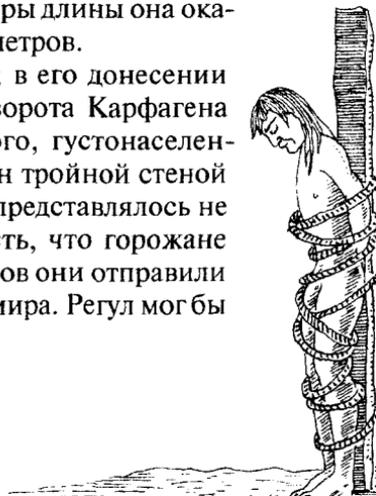
Римляне разделили свой флот на четыре эскадры, двумя первыми командовали сами консулы. Они образовали острый угол, так что два адмиральских корабля поместились рядом. Третья эскадра растянулась позади этого угла и таким образом составила с двумя первыми треугольник. Она вела на буксире транспортные суда с конницей. Четвертая эскадра, построившаяся параллельно третьей позади транспортных кораблей, выполняла роль прикрытия. Карфагенский флот во главе с Ганноном и Гамилькаром (не Гамилькаром Баркой) был тоже разделен на четыре эскадры, ставшие против римлян одной широко растянувшейся линией, левое крыло которой примыкало к сицилийскому берегу. В завязавшемся сражении удача сопутствовала римлянам: они потопили более 30 кораблей карфагенян и 64 захватили; сами римляне потеряли 24 корабля.

Пока римляне чинили на сицилийском берегу свои поврежденные суда, к ним явился Ганнон с предложениями о мире. Консулы ответили отказом и приказали своему флоту сниматься с якоря для отплытия в Африку. Ганнон поспешил со своими кораблями к Карфагенскому заливу, чтобы там всту-

пить в новое сражение с римлянами, но римляне обошли Гермейский мыс и бросили якорь в просторной и защищенной от всяких ветров Клупейской гавани. Вслед за тем, не встречая нигде сопротивления, они стали грабить богатые земли карфагенян; загородные дома и дворцы были обращены ими в кучи пепла, бесчисленное множество пленных и стад пригнано в Клупею. Все это давалось римлянам настолько легко, что сенат в начале зимы счел возможным отозвать одного из консулов, Манлия Вульсона, с частью кораблей и войска.

После отплытия Манлия, прихватившего с собой 27 тысяч пленных, Регул взял Адис, дошел почти до самого Карфагена и расположился на зимние квартиры недалеко от города. Во время этой зимней стоянки с римским войском, как рассказывают, произошло странное приключение. Однажды солдаты, отправившиеся по воду к реке Баградасу, прибежали обратно в лагерь в неопишущем страхе и рассказали, что огромная змея вдруг кинулась на них из воды и поглотила многих их товарищей. Консул не замедлил лично отправиться с несколькими конными эскадронами на место происшествия, чтобы убедиться в справедливости донесения. Чудовище действительно оказалось на берегу, и они спаслись от него только благодаря быстроте своих коней. На следующий день консул выступил против исполинской змеи со всем своим войском, но лошади падали от одного ее вида, а стрелы отскакивали от непробиваемой чешуи и только немногие наносили легкие раны в наименее защищенных местах. Чудовище с яростным шипением кинулось на римлян и обратило их в бегство. Через несколько дней армия снова пошла на него с баллистами и катапультами, и в этот раз змею удалось убить. В пересчете на современные меры длины она оказалась около тридцати пяти с половиной метров.

Вся страна находилась в руках Регула; в его донесении сенату было сказано, что он запечатал ворота Карфагена страхом. Конечно, завоевание громадного, густонаселенного города, который с суши был окружен тройной стеной в тринадцать с лишним метров высотой, представлялось не особенно легким делом, но следует учесть, что горожане страшно страдали от голода. В конце концов они отправили в римский лагерь посольство и запросили мира. Регул мог бы

заклучить этот мир на самых выгодных для Рима условиях, но постоянные удачи сделали его слишком высокомерным, и он предъявил неприемлемые условия: потребовал уступки Сицилии и Сардинии, возвращения римских пленнх без выкупа взамен выдачи карфагенских пленнх за деньги, платежа подати, признания римского главенства, выдачи решительно всех военных кораблей и в то же время обязательства каждый раз, как Рим того пожелает, снаряжать в помощь ему 50 таких судов. Принять эти условия значило согласиться на полное уничтожение Карфагена, и карфагенские послы удалились, не дав никакого ответа.

Гнев и отчаяние воспламенили почти угасшее мужество карфагенян; решив защищаться до последней крайности, они призвали свои войска из Сицилии и приступили к новому набору. В числе явившихся из Греции наемников находился искусный воин Ксантипп из Лакедемона, вероятно, спартаец по происхождению, который был назначен главнокомандующим.

С сотней слонов, 4 тысячами всадников и около 12 тысячами пехоты выступил Ксантипп против римлян весной 255 года. Римский консул имел в своем распоряжении около 32 тысячи человек и был вполне убежден в своей непобедимости. Но в битве при Тунете римляне потерпели полное поражение — почти все их войско погибло. Регул попытался было уйти, но его нагнали и взяли в плен. Только 2 тысячи человек спаслись бегством и засели в Клупее.

Поражение римлян при Тунете уничтожило за один раз все плоды их побед. В Риме весть об этом несчастье вызвала общее уныние. Сенат немедленно отправил в Африку флот из 350 судов для того, чтобы отвезти на родину остатки разгромленного войска. При мысе Гермес римляне встретили карфагенский флот из 200 кораблей и одержали блистательную победу (карфагеняне потеряли 114 судов), но, несмотря на это, они не отважились на дальнейшие предприятия, а забрали державшийся в Клупее гарнизон и поспешили в обратный путь, сделав это вопреки предостережениям своих греческих кормчих, предвидевших бурю и советовавших повременить. Разгулявшаяся стихия разметала римский флот — спаслось только 80 судов.

Таким образом, карфагеняне снова сделались полными хозяевами в Африке. Регул, незадолго до того надеявшийся войти в Карфаген доблестным победителем, был привезен туда пленником. Карфагеняне охотно воспользовались возможностью доказать всю свою ненависть и презрение гордому врагу, который требовал их подчинения на дерзких условиях. По преданию, они заперли его наедине со слоном для того, чтобы мучить постоянным страхом и бессонницей, — ведь точно так же он сам не обнаружил ни малейшего сострадания к бедственному положению Карфагена. Впрочем, достоверно известно лишь то, что Регул окончил свои дни в заточении, между тем как, например, консула Корнелия Азину, взятого в плен в Липарской гавани, освободили очень скоро.

Война тем временем продолжалась. В 254 году римляне завладели Панормусом (Палермо), затем снова высадились в Африке, но только для того, чтобы грабить и опустошать берег, и на обратном пути у мыса Палинурума опять попали в бурю и потеряли почти весь флот. Сочтя свои неоднократные неудачи на море указаниями свыше, они решили не строить больше флота и прекратить морскую войну. Но и на суше, в Сицилии, им не везло — каждый раз исход сражения решали слоны. Только в 250 году проконсул Луций Цецилий Метелл нашел что им противопоставить и одержал блистательную победу при Панормусе над Газдрубалом.

После этого сражения карфагеняне удалились в Лилибеум и Дрепану, на западную оконечность Сицилии, и отправили в Рим посольство, чтобы предложить мир или, по крайней мере, добиться выдачи пленных. С этим посольством отправили они и Регула, потому что надеялись достигнуть цели через его посредничество. Регула обязали клятвой возвратиться в Карфаген в случае неудачного исхода этого поручения. Прибыв в Рим, он отказался от свидания с женой и детьми и не хотел являться в сенате, ссылаясь на то, что он уже не сенатор и не римлянин, а раб карфагенян. Однако ему пришлось сделать это по настоянию карфагенских послов, пожелавших, чтобы именно Регул донес до римлян предложения Карфагена. Впрочем, сказал Регул прямо противоположное тому, о чем его просили послы, — он посоветовал сенаторам не соглашаться ни на мир, ни на выдачу пленных, поскольку

ку Карфаген ослаблен и не готов к долгой войне. Сенат обнаружил готовность ради Регула покончить дело миролюбиво, но Регул объявил, что уже принял яд, который действует хотя медленно, но верно. По его совету мир был отвергнут, и Регул возвратился в Карфаген, устояв против молбы родных и друзей и не пожелав слушать жрецов, готовых снять с него клятвенный обет посредством жертвоприношений.

Карфагеняне — так, по крайней мере, рассказывают — отомстили Регулу жесточайшими истязаниями. Они вырезали ему веки и заперли в темном помещении, а затем время от времени внезапно стали выводить на яркий солнечный свет; затем они перестали его кормить и засунули в ящик, в котором внутри со всех сторон торчали гвозди. В конце концов несчастный погиб от боли, бессонницы и голода. Рассказывают также, что сенат, получив известие о мученической смерти Регула, выдал знатных карфагенских пленных его детям и они отомстили за смерть отца такими же истязаниями. У Диодора Сицилийского мы находим известие, что бывшие в плену у римлян карфагенские военачальники Гамилькар и Бостар подверглись по настоянию вдовы Регула таким пыткам со стороны ее сыновей, что один из них умер, вследствие чего сыновья подверглись суду и едва избежали смертной казни.

Квинт Фабий Максим Кунктатор

Квинт Фабий Максим был потомком знаменитого Фабия Максима Руллиана, игравшего столь значительную роль во время Самнитской войны. В детстве он был молчалив, спокоен и осторожен; его считали протачком, и только немногие догадывались, по словам Плутарха, что медлительность его природы обусловлена ее глубиной. Но когда события выдвинули этого человека на политическое поприще, все его недостатки обернулись достоинствами: благоразумием, осторожностью, твердостью воли и непоколебимой верой в правоту своего дела. В нем даже прорезался дар красноречия — его речь, по свидетельству Плутарха, была проста и свободна от риторических украшений и напыщенности.

Консульскую должность Фабий получил в первый раз в 233 году. В этом звании он одержал победу над лигурами. В 230 году Фабий был цензором, в 228 году — вторично консулом и вскоре после того избран диктатором. Когда в 219 году Ганнибал завладел Сагунтом и многие в сенате требовали немедленно начать войну с Карфагеном, Фабий высказался за мир и предложил отправить к карфагенянам посольство. Предложение его было принято, и он сам отправился в Карфаген во главе этой делегации. «Квинт Фабий, — говорит Ливий, — подобрав переднюю полу тоги так, что образовалось углубление, сказал: “Вот здесь я принес вам войну и мир; выбирайте любое!” На эти слова он получил не менее гордый ответ: “Выбирай сам!” А когда он, распустив тогу, воскликнул: “Я даю вам войну!” — присутствовавшие единодушно ответили, что принимают войну». Из Карфагена посланники направились домой через Испанию и Галлию, надеясь привлечь на сторону римлян испанские племена и склонить галлов к тому, чтобы они помешали проходу Ганнибала через их земли. Испанцы отвечали им, что пусть римляне ищут союзников там, где народ еще не знает о бедствии брошенного ими на произвол судьбы Сагунта. В Галлии же речи римлян встретили громким смехом. Галлам показалась нелепой сама мысль вовлечься, чтобы отвратить ее от римлян.

Война началась для римлян неудачно. В 217 году они потерпели тяжелое поражение в битве при Тразименском озере. После этого народ потребовал назначения диктатора, и выбор пал на Фабия; его *magister equitum* назначили Минуция Руфа. Во главе четырех вновь образованных легионов и войск, приведенных консулом Сервилием из Верхней Италии, Фабий двинулся в Апулию. Но вместо того, чтобы вступить в бой с Ганнибалом, он принялся нарочито медленно маневрировать, чем навлек на себя всеобщее осуждение. Римские воины роптали и негодовали; враги же признавали его малодушным трусом. Лишь один Ганнибал угадал план Фабия, состоявший в том, чтобы без боя истощить силы карфагенян, и употребил всю хитрость на то, чтобы заставить римлян сразиться.

В Риме народ был также недоволен медлительностью Фабия; его прозвали Кунктатором, то есть «Медленным», —

насмешливое прозвище, обратившееся впоследствии в почетный титул. Многие заподозрили диктатора в измене, и Ганнибал старался поддержать это подозрение, пощадив при всеобщем опустошении в Кампании находившееся там поместье Фабия и приставив даже стражу для его охраны. Сенат тоже был возмущен образом действий диктатора, особенно из-за договора, заключенного им с Ганнибалом насчет пленных. Полководцы условились обменять между собой пленных, человека за человека, и в случае, если с одной стороны окажется пленников больше, то уплатить по 250 драхм за каждого лишнего. Вышло так, что у Ганнибала оказалось на 240 пленников больше, чем у Фабия, но сенат отказался платить за них, сделав еще сверх того Фабию выговор, что он, в ущерб чести и выгодам государства, принял к себе на службу людей, которые по трусости попали в плен. Чтобы сдержать слово, Фабий продал то самое поместье в Кампании, которое пощадил Ганнибал, и выкупил пленных.

Негодование против Фабия усилилось, когда во время его поездки в Рим для принесения жертвоприношений Минуций напал на лагерь Ганнибала и сумел нанести неприятелю чувствительный удар. Трибун Метилий, один из предводителей народной партии и друг Минуция, произнес в народном собрании речь, в которой обвинил Фабия в том, что он дал Ганнибалу возможность утвердиться в Италии. При этом он добился постановления, по которому Минуций получил как военачальник одинаковую власть с Фабием. Фабий хладнокровно перенес оскорбление; он разделил армию на две части, так что каждый из них командовал двумя легионами, стоявшими в отдельных лагерях. Таким образом, ведение войны оказалось в руках двух полководцев, державшихся совершенно противоположных стратегических воззрений.

Ганнибал скоро узнал о происшедшем в римской армии и решил немедленно воспользоваться ситуацией. Он ночью направил около 5 тысяч человек пехоты и конницы в обход лагеря Минуция и с рассветом вызвал его на сражение. Битва была в разгаре, когда эти воины ударили по римлянам с тыла. Внезапное нападение привело римлян в смятение, они дрогнули и побежали. Если бы Фабий не пришел Минуцию на помощь, дело приняло бы совсем плохой оборот. А так хотя

все и закончилось большими потерями, но поражения удалось избежать — Ганнибал велел трубить отбой и отступил.

Собрав остатки своего легиона, Минуций сказал: «Друзья и соратники! Не делать никогда ошибок и промахов невозможно для человека, но чуть ошибка сделана, храбрый и искусный человек пользуется ею как уроком на будущее. Точно так же и я сознаюсь теперь, что, потерпев небольшую неудачу, обязан ей гораздо более значительной выгодой. То, что оставалось для меня скрытым так долго, я понял в несколько часов и теперь знаю, что не только не могу вести других, но сам нуждаюсь в руководителе. С этой минуты повсюду будет предводительствовать вами диктатор; я же укажу вам еще только одну дорогу — дорогу благодарности ему и первый беспрекословно подчинюсь его руководству». Впрочем, после этих событий Фабий недолго оставался главнокомандующим; вскоре он призвал обоих консулов того года, Гнея Сервилия Гемина и Марка Атилия Регула, и передал им начальство над армией с просьбой следовать его планам, что и было исполнено.

Из консулов же следующего, 216 года один, Эмилий Павл, также придерживался указаний Фабия. Но другой, Теренций Варрон, любимец черни, не переставал кричать в народном собрании, что война не прекратится до тех пор, пока полководцы будут избираться из дома Фабиев, и что он, Варрон, разобьет неприятеля в тот самый день, когда увидит его. Следствием его безрассудной смелости было страшное поражение при Каннах. После этого мнение народного собрания окончательно склонилось на сторону Фабия, который был избран в третий раз консулом в 215 году, в четвертый раз — в 214-м и в пятый — в 209-м. Во время пятого консульства ему удалось вернуть Тарент.

В то время, когда Тарент попал под власть Ганнибала, в городе начальствовал Марк Ливий. Почет, оказывавшийся Фабия, возбудил в Ливии негодование и зависть и побудил его однажды сказать в сенате, что не Фабия, а ему обязано римское государство завоеванием Тарента. На это Фабий сказал ему с усмешкой: «Ты прав, потому что, не упусти ты город из своих рук, мне не удалось бы завладеть им».

Завоевание Тарента было последним военным подвигом Фабия. Он умер в том самом году, в котором Ганнибал оставил Италию. Как долго он прожил, можно заключить из того, что он в течение 62 лет исполнял должность авгура, к которой допускались только люди зрелого возраста.

Марк Клавдий Марцелл

Клавдий Марцелл, прозванный «мечом Италии», был храбрым солдатом, наделенным большой физической силой, и превосходным полководцем. Он соединял осторожность и присутствие духа со смелой отвагой; при этом он был справедлив, бескорыстен и порой даже кроток. Он любил греческую культуру и греческий язык. Но когда дело касалось интересов Рима, бывал строгим и беспощадным.

Марцелл вступил на военное поприще во время Первой Пунической войны в Сицилии, где он участвовал в сражениях против Гамилькара. В одном из этих сражений он спас жизнь своему брату Отацилию, закрыв его своим щитом и убив нападавших на него воинов. Вскоре после этого он был сделан курульным эдилом, потом авгуром. В 222 году народ избрал его консулом; товарищем Марцелла стал Гней Корнелий Сципион. В это время шла война с галлами. Консул Фламиний, впоследствии павший при Тразименском озере, в 223 году разбил в кровопролитном сражении инсубров, самое могущественное племя галлов. Но в следующем году на помощь инсубрам из местности между Альпами и Роной явилось 30 тысяч трансальпийских галлов, которые называли себя гезатами. Марцелл оставил Сципиона с тяжелой пехотой и третьей частью конницы перед городом инсубров Ацеррами, а сам с остальной кавалерией и легкой пехотой выступил против гезатов.

Перед битвой Марцелл дал обет принести в дар Юпитеру Феретрию оружие и доспехи предводителя гезатов Виридомара. В состоявшемся поединке Марцелл первым же ударом копья сбросил его на землю, а затем поразил насмерть. После этого он соскочил с лошади и, положив руку на доспехи убитого, воскликнул, обратившись к небу: «Юпитер Феретрий,

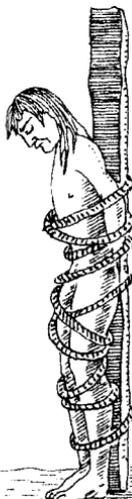
ты, взирающий с небес на боевые подвиги полководцев, будь мне свидетелем, что я третий полководец, собственноручно убивший неприятельского военачальника и государя для того, чтобы принести тебе в дар первую и славнейшую добычу! Пошли нам такое же счастье в дальнейших наших действиях!» Ободренные успехом своего предводителя, всадники и пехотинцы Марцелла вступили в бой с подавленным неприятелем и в короткое время одержали блистательную победу. Войско гезатов, намного превосходившее их численностью, было почти все уничтожено.

С богатой добычей вернулся Марцелл к Сципиону, который в это время из местности между Альпами и Роной подошел к Медиолану (Милану), столице инсубров, и неожиданно попал в окружение. Прибытие Марцелла изменило, однако, положение дел, и Медиолан покорился, после чего остальные галльские города тоже сдались на милость римлян.

Почему Марцелл в первые годы войны с Ганнибалом не занимал никакого значительного поста, нам не известно; на авансцену он выступил только после поражения при Каннах, когда ему было приказано принять командование над солдатами, уцелевшими в этом столь неудачном для римлян сражении. Марцелл двинулся в Кампанию, где велась борьба за обладание отдельными городами, и занял Нолу. Вскоре под Нолой появился Ганнибал. Произошло несколько небольших стычек, но до генерального сражения дело не доходило. Между тем Марцеллу донесли, что горожане ведут тайные переговоры с карфагенянами о сдаче города. Поэтому были выставлены дополнительные посты, а жителям Нолы запретили подходить к стенам и воротам.

Ганнибал, надеясь, что в городе поднимется мятеж и горожане откроют ему ворота, решил на штурм. Ворота и в самом деле открылись, но из них вышли римляне и с боевым кличем ударили по карфагенянам. Рассказывают, что в этом сражении Ганнибал потерял 2800 человек, тогда как у римлян погибло только 500. Это была первая победа, когда-либо одержанная римским полководцем над Ганнибалом.

Отбросив неприятеля от Нолы, Марцелл произвел следствие. Более семидесяти горожан были обвинены в измене и обезглавлены, а имущество их конфисковано.

После победы под Нолой Марцелл единогласно был избран консулом и на следующий, 215 год, но легенда гласит, что во время его избрания прогремел гром, и коль скоро жрецы объявили это неблагоприятным предзнаменованием, он отказался от консульской должности и стал проконсулом. Впрочем, действительной причиной его отказа послужило то, что он точно так же, как и другой консул, Тиберий Семпроний Гракх, был плебеем, а по закону оба консула не могли быть из плебеев. На его место выбрали Фабия Максима Кунктатора.

В этом году главные события также развернулись вокруг Нолы. Марцелл снова засел за стенами этого города, а Ганнибал осадил его. В состоявшемся сражении Ганнибал потерял 5 тысяч убитыми, 600 пленными и 19 знамен; четыре слона были убиты, двух захватили римляне. У римлян погибло меньше тысячи человек. Кроме того, на сторону Марцелла перешли 1272 нумидийских и испанских всадника, которые хранили верность Риму до конца войны, когда в награду за храбрость испанцы получили поземельную собственность в Испании, а нумидийцы — в Африке.

В 214 году Марцелл был избран консулом вместе с Фабием Максимом. В этом звании он отправился на Сицилию, где назревала война с Сиракузами. Два местных авантюриста, Гиппократ и Эпикид, с помощью наемных войск захватили в Сиракузах власть, и возникла опасность, что город перейдет на сторону Ганнибала.

Сиракузы превосходили в то время размерами Рим: сильные и высокие укрепления, которыми окружил их тиран Дионисий Старший, простирались на 180 стадий и обнимали собой, кроме старых восточных частей, остров Назос и городские кварталы Ахрадину, Тиху, Неаполис и Эпиполы. Марцелл пошел со ста кораблями на штурм Ахрадины, стены которой омывались морем, между тем как Аппий Клавдий атаковал город с суши, со стороны Эпипол. Стрелки и пращники осыпали с кораблей стены Ахрадины множеством стрел и камней. Восемь пятивесельных судов, которым предназначалось подойти к самым стенам, были соединены попарно, и на них стояли башни в несколько этажей, снабженные мостами, чтобы с кораблей можно было прямо перебраться на стену. До применения башен, однако,

не дошло, в чем оказался виноват знаменитый математик и механик Архимед. Изобретенные им метательные орудия нанесли кораблям серьезный урон. Когда же какой-нибудь корабль подходил близко к стене, вступало в действие еще одно изобретение Архимеда — бревна с железными «руками», которые цепляли корабль и переворачивали его. В результате атака с моря провалилась. На суше римлян тоже ждала неудача, и Марцеллу после многих бесплодных попыток овладеть Сиракузами пришлось — в надежде, что скажет свое слово голод, — ограничиться блокадой города.

Лишь в начале 212 года Марцеллу удалось войти в Сиракузы. Однажды ночью, когда в городе происходило празднество в честь Артемиды и часовые на стенах заснули после обильной попойки, римлянам удалось взобраться на городскую стену и занять Эпиполы, Тиху и Неаполис. При этом Ахрадина и Назос остались в руках горожан, и овладеть ими удалось только к концу года. Во время грабежа Ахрадины погиб Архимед — несмотря на то что Марцелл отдал специальный приказ сохранить ему жизнь.

После завоевания Сиракуз Марцелл разбил карфагенское войско при Агригенте и в конце 211 года вернулся в Рим. Сенат отказал Марцеллу в триумфе под тем предлогом, что война с Сицилией еще не окончена и войска не возвратились на родину вместе с ним. Он удостоился только малого триумфа, так называемой овации. Полное покорение Сицилии совершилось только в 210 году.

В 210 году Марцелл был избран в четвертый раз консулом, а в 209 году проконсулом. Все это время прошло под знаком его противоборства с Ганнибалом. Одно из самых кровопролитных сражений произошло возле Канузиума в Апулии. Марцелл настиг Ганнибала на открытой и ровной местности и не дал ему укрепиться. Завязался бой, который продолжался до наступления ночи и возобновился утром следующего дня. Римляне потеряли 2,7 тысячи человек и отступили, оставив в руках неприятеля несколько знамен.

Марцелл собрал своих воинов и осыпал их жестокими упреками: «Я не вижу римских солдат! Разве мог враг прежде отнять у вас хотя бы одно знамя? Вы доставили ему удовольствие обратиться в бегство римских солдат!»

С наступлением нового дня римляне выстроились в боевой порядок. Впереди Марцелл поставил тех воинов, что первыми побежали накануне, и те когорты, которые потеряли свои знамена. Когда Ганнибал бросил в бой слонов, многим показалось, что римлян опять ждет поражение, но тут один из римских военачальников, Гай Децимий Флав, сумел нанести передовому слону такой удар, что тот перестал слушаться своих погонщиков и повернул назад. За ним повернули другие животные — неуправляемые, осыпаемые градом стрел, они ворвались в ряды карфагенян и произвели в них сумятицу. Марцелл, не теряя ни минуты, бросил в дело конницу, и противник побежал. В этом сражении карфагеняне потеряли 8 тысяч человек и пять слонов.

Но и римлянам победа стоила много крови, из-за чего Марцелл не смог преследовать Ганнибала. Этим обстоятельством воспользовались его противники в Риме — они обвинили его в бездействии и привлекли к суду. Но Марцелл защищался так блистательно, что не только добился оправдания, но и был избран в консулы на 208 год.

В этом качестве, вместе со своим товарищем Квинкцием Криспином, Марцелл двинулся в Апулию, где их легионы стали отдельными лагерями между Венузией и Бантией, на расстоянии трех тысяч шагов друг от друга. Ганнибал разбил свой лагерь против них. Между ним и римлянами находилось лесистое возвышение, которое он счел удобным для засады. В римском же лагере решили, что там следует разбить лагерь. Чтобы ознакомиться с этой местностью, консулы отправились туда в сопровождении 220 всадников. Но как только их отряд вступил в ущелье, карфагеняне ударили по нему со всех сторон. Марцелл, пронзенный копьем, упал в предсмертных мучениях с лошади. Криспин был поражен двумя копьями. Ранен был сын Марцелла, которому, однако, удалось вырваться из западни. Из последних сил ускакал к своим и Криспин, но спустя несколько дней он умер от ран. Таким образом, Рим в одной битве потерял двух консулов.

Марцелл погиб в 60 с небольшим лет от роду. Узнав о его смерти, Ганнибал поспешил на место битвы, подошел к трупу и долго смотрел на римского консула, не произнося ни слова и не обнаруживая радости. Он снял с пальца Марцелла

кольцо и приказал похоронить его с подобающим почетом. Тело Марцелла, в пурпурном плаще и с лавровым венком на голове, сожгли, пепел в серебряной урне, украшенной золотым венком, отправили сыну. Рассказывают, что нумидийцы, встретившись с депутацией, которая везла урну, вступили из-за нее в бой и пепел просыпался. Услышав об этом, Ганнибал сказал: «Стало быть, ничто не может совершиться, коли боги не хотят этого».

Род Марцелла продолжал процветать до Марцелла, сына Гая Марцелла и Октавии, сестры Августа, который умер в молодые годы, успев вступить в брак с Юлией, дочерью Августа.

Публий Корнелий Сципион Африканский Старший

Публию Корнелию Сципиону, победителю Ганнибала при Заме, принадлежит честь окончания Второй Пунической войны.

Будучи еще семнадцатилетним юношей, в 218 году он спас жизнь своему отцу, консулу Публию Корнелию Сципиону. Два года спустя, в битве при Каннах, он был уже военным трибуном. В 212 году, хотя он еще не достиг положенного возраста для занятия этой должности, его выбрали эдилом. В том же году умерли в Испании отец Сципиона и дядя Гней, а их войска, которые до того отвоевали у карфагенян почти всю Испанию, отступили за Эбро. Римляне поспешно отправили в Испанию пропретора Клавдия Нерона с 12 тысячами солдат, и он отбросил карфагенян на прежние позиции. Но это был надменный, вспыльчивый человек, малоспособный к восстановлению старых связей с испанскими племенами и к приобретению новых союзников. Поэтому сенаторы решили послать в Испанию нового главнокомандующего.

Поиски кандидата затянулись, поскольку ни одному из старых полководцев не хотелось ехать на Пиренеи. И тут 24-летний Сципион предложил на эту роль себя — и получил назначение. В конце лета 210 года он в качестве проконсула отправился в Испанию во главе 11 тысяч воинов; его

сопровождал пропретор Марк Силана, который должен был заменить Нерона и служить молодому главнокомандующему советником.

Следующей весной Сципион собрал все римские силы в устье Эбро. Три неприятельских полководца — Могон, Газдрубал Гиско и Газдрубал Барка, брат Ганнибала, — находились далеко друг от друга, и между ними не было согласия. Воспользовавшись этим, Сципион предпринял поход на Новый Карфаген, где находились казна и военные запасы карфагенян. С моря его поддерживал римский флот под командованием Гая Лелия.

Первую атаку карфагеняне отбили. Но Сципион и не ожидал успеха — это был своего рода отвлекающий маневр. Главный удар он нанес со стороны примыкавшего к городу залива, который сильно мелел во время отлива. Как только начался отлив, он с 500 воинами двинулся на приступ. Вода едва доходила солдатам до колен, в некоторых местах до пояса. Укреплений с этой стороны не было никаких. Войдя без сопротивления в город, римляне устремились к воротам и внезапно ударили по неприятелю с тыла.

Победа римлян была полная — число пленных мужского пола достигло 10 тысяч человек. Граждан Нового Карфагена Сципион отпустил на волю и отдал в их владение город; 2 тысячи ремесленников были объявлены рабами римского государства, причем им обещали скорое освобождение, если они будут усердно работать на римское войско. Способные к труду рабы были взяты на корабли. Значительной оказалась добыча римлян: 18 военных и 63 торговых корабля, из которых многие оказались с грузом пшеницы, оружия, меди, железа; 401 катапульта, из них 120 большого размера; 75 баллист, из них 23 большие; много разного вооружения. Среди трофеев оказалось 74 знамени. Римлянам досталось 276 золотых чаш, из которых едва ли не каждая весила около фунта, 18,3 тысячи фунтов серебра и множество серебряных кубков.

В момент дележа добычи к Сципиону подвели взятую в плен девушку необыкновенной красоты. Он спросил, откуда она родом и кто ее родители, и узнал, что она невеста молодого и знатного кельтиберийца Аллудия. Тогда Сципи-

он потребовал найти жениха и отдал ему невесту. Пока Аллуций рассыпался в благодарностях, родители невесты положили к ногам Сципиона большое количество золота. Сципион это золото принял, но тут же сказал Аллуцию: «К приданому, которое ты получил от твоего тестя, присоедини и этот свадебный подарок от меня». Аллуций вернулся домой довольный и стал распространять среди своих соплеменников похвалы благородству и великодушию римского полководца. Вскоре он вновь явился к Сципиону, но уже во главе 1400 всадников, которые поступили на службу к римлянам.

Зиму 209–208 годов Сципион употребил на реорганизацию армии, а в начале лета вместе с Лелием двинулся в область, лежащую по верховьям Гвадалквивира. При Бекуле, недалеко от лесистой горы Кастудо, он встретился с Газдрубалом. На поле битвы осталось около 8 тысяч карфагенян. Сципион взял в плен 10 тысяч человек пехотинцев и 2 тысячи всадников. Испанцев он отпустил без выкупа, африканцев продал в рабство. Однако сам Газдрубал с ушел через горы и снова собрался с силами.

В 206 году карфагеняне сделали все возможное, чтобы удержаться в Испании. Они выставили войско из 70 тысяч пехоты, 4 тысяч всадников; кроме того, у них было 32 слона. Но солдаты их были большей частью набраны из разных местностей Испании, и на них нельзя было положиться. При Бекуле произошло новое сражение. В распоряжении Сципиона было не больше 40 тысяч человек, и в их числе тоже находилось много не всегда надежных испанцев. Карфагеняне выставили лучших солдат в центре, а на крыльях поместили испанских союзников. Сципион же поставил испанцев в центр против отборного войска карфагенян, а римлян разместил на флангах. Таким образом, римляне получили на флангах перевес, продвинулись вперед и ударили с боков по карфагенскому центру. При этом Сципион устроил дело таким образом, что неприятеля рано на рассвете, до того как успел принять пищу, выманили из лагеря; сама же битва началась только после обеда, и карфагеняне были изнурены голодом, жаждой и палящим зноем. Они не выдержали удара римлян и бросились в бегство. Эта битва решила вопрос о том, кто будет владеть Испанией.

Но для Сципиона эта победа была только первой ступенью к более значительным предприятиям и более громкой славе. Его целью были Африка и Старый Карфаген. Он хотел закончить великую войну на африканской земле. Для начала он решил приобрести расположение нумидийского царя Сифакса, самого могущественного государя Африки, и вместе с Лелием отправился в Африку на двух пятивесельных судах. Случилось так, что только что изгнанный из Испании Газдрубал Гиско бросил якорь в царской гавани как раз в то время, когда туда входили суда Сципиона. Карфагеняне, несмотря на соблазн, не посмели нарушить мирное состояние царского порта. Газдрубал высадился на берег, а след за ним то же самое сделали Сципион и Лелий, и все они едва ли не вместе отправились во дворец царя.

Сифакс чувствовал себя крайне польщенным, что полководцы противоборствующих могущественных народов явились к нему в одно и то же время с предложениями дружественного союза. Он принял и тех, и других радушно и попытался даже выступить между ними посредником. Оба гостя приняли приглашение на обед и возлежали за одним столом. Во время обеда Сципион обнаружил приятность в разговоре и получил комплимент от Газдрубала, который высказался в том духе, что Сципион расположил его к себе личным знакомством больше, чем своими военными подвигами. Сифакс же, подумав, заключил со Сципионом союз, который, впрочем, оказался недолговечным.

В награду за заслуги народ единогласно выбрал Сципиона консулом на 205 год. Товарищем его по консульству стал Публий Лициний Красс, который, будучи верховным жрецом, не имел права покидать Италию, вследствие чего, если бы война перенеслась в Африку, руководство войсками было бы возложено исключительно на Сципиона. Сципион же твердо решил осуществить план, который составил еще в Испании. После некоторых колебаний сенат дал ему полномочия переправиться с войсками в Африку, и вскоре Сципион отправился в Сицилию, откуда до цели было рукой подать.

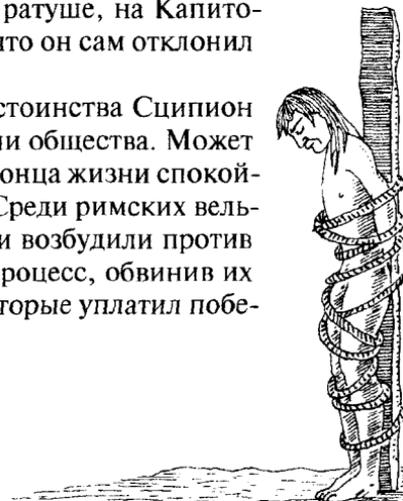
В Африке — вблизи Утики, к западу от Карфагена, — он высадился в следующем году. Насчет численности его армии сведения противоречивы: одни определяют это число в 12,2

тысячи человек, другие — в 35 тысяч. Карфагеняне собрали войско из 20 тысяч пехотинцев, 6 тысяч всадников и 140 слонов под начальством Газдрубала Гиско, которому удалось опять переманить на свою сторону Сифакса, отдав ему в жены свою дочь Софонисбу, девушку удивительной красоты. Сифакс выставил против римлян 50 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников. Некоторое время римляне стояли лагерем напротив лагерей Газдрубала и Сифакса.

В конце зимы Сципион, усыпив бдительность нумидийцев и карфагенян переговорами, предпринял ночное нападение. Римляне незаметно приблизились к лагерю Сифакса и подожгли его. Огонь распространился во все стороны, и в то время как нумидийцы, не подозревая о присутствии врага, бросились безоружными заливать его водой, римляне напали на них. Карфагеняне, не подозревавшие о нападении, решили помочь нумидийцам бороться с пожаром. Но стоило им ослабить защиту своего лагеря, как он тоже запылал. Оба лагеря были полностью уничтожены пламенем, и многие карфагеняне и нумидийцы погибли от мечей римлян.

Успех Сципиона побудил карфагенян заключить мир на условиях, выдвинутых Сципионом. Возвращение Сципиона в Италию было поистине триумфальным. Его вступление в Рим было едва ли не самое блистательное из тех, что видел великий город. Несчастный Сифакс послужил украшением его триумфа; вскоре он умер пленником в Тибуре. После покорения Африки Сципион получил прозвище Африканского. Рассказывают, что народ хотел сделать его бессменным консулом и диктатором, поставить его статуи на площади, на ораторской трибуне, в ратуше, на Капитолии, в алтаре храма Юпитера и т. п., но что он сам отклонил все эти почести.

В гордом сознании собственного достоинства Сципион шел своей дорогой, не заботясь о мнении общества. Может быть, поэтому ему не было суждено до конца жизни спокойно пользоваться плодами своих побед. Среди римских вельмож у него нашлось немало врагов. Они возбудили против Сципиона и его брата Луция гнусный процесс, обвинив их во взяточничестве и сокрытии денег, которые уплатил побе-

жденный ими в 190 году царь Сирии Антиох. Дело дошло до конфискации имущества Луция.

От Сципиона Африканского потребовали отчета об употреблении взятой во время войны добычи и собранных тогда же податей. Сципион принес свои счетные книги, как будто бы для того, чтобы оправдаться, но тут же на глазах сенаторов разорвал их, объявив, что для него оскорбительно давать отчет в 4 миллиона, когда он внес в казну в сто раз больше. Сенат удовольствовался этим оправданием. Через несколько лет после этого два трибуна возбудили то же самое дело в трибах. В назначенный день Сципион явился в народное собрание в сопровождении большой толпы друзей и клиентов. Он взошел на ораторскую трибуну и, когда воцарилась тишина, сказал: «В этот день, трибуны и граждане, я одержал в Африке большую победу над Ганнибалом; поэтому сегодня не следует заниматься никакими спорами и раздорами, я же немедленно отправлюсь отсюда в Капитолий помолиться всемогущему Юпитеру, Юноне, Минерве и остальным богам, под защитой которых находятся Капитолий и крепость, и возблагодарить их за то, что они в этот день, как и во многие другие, дали мне силу и умение вести государственные дела с должным искусством. Вы, квириты, тоже идите со мной и просите богов, чтобы они всегда ставили во главе вас людей, подобных мне». С этими словами он сошел с ораторской трибуны и отправился в Капитолий.

После этого трибуны неоднократно требовали Сципиона к суду, но гордость не позволила ему появиться перед народом в качестве обвиняемого и унижить себя смиренной защитой. Негодуя на неблагодарность сограждан, он добровольно отправился в изгнание, в свое поместье Литернум, где прожил год в тихом уединении, не тоскуя о Риме и занимаясь земледелием. Он умер на шестом десятке лет. Рассказывают, что, умирая, он потребовал, чтобы его похоронили в Литернуме, а не в Риме, где перед Капенскими воротами стояла гробница Сципионов с тремя статуями; две изображали Публия и Луция Сципионов, а третья — писателя Энния, пользовавшегося особенным расположением и покровительством семейства Сципионов.

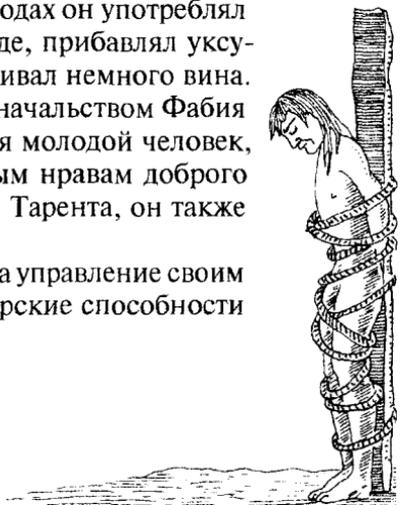
Год смерти Сципиона Африканского с точностью не известен; вероятно, он умер в одно время со своим великим противником Ганнибалом — в 183 году.

Марк Порций Катон Старший

Марк Порций Катон, в отличие от его правнука, носившего это же имя, называемый Старшим, родился в 234 году и прожил 85 лет. Время его юношества совпадает, следовательно, с войной с Ганнибалом, а год смерти — с первым годом Третьей Пунической войны, 149 годом до Р. Х. Катон играл влиятельную роль не столько на военном поприще, хотя он в молодые годы показал себя хорошим солдатом, сколько на государственном.

Значительного положения Катон достиг благодаря только собственным силам, его предки не занимали в Риме высших должностей. Местом его рождения была муниципия Тускулум; в молодости он сам обрабатывал свое имение в Сабинской земле; по соседству было имение Курия Дентата, победителя Пирра. Простая, скромная жизнь и сельские занятия еще более укрепили его и без того сильное и здоровое тело. Уже в семнадцать лет Катон участвовал в первом походе против Ганнибала, и еще прежде, чем он достиг зрелого возраста, грудь его была покрыта многими ранами. В походах он всегда ходил пешком и сам носил свое оружие; слуга следовал за ним только для того, чтобы носить необходимые припасы. Говорят, он никогда не сердился на своего слугу, а напротив, часто помогал ему в приготовлении пищи, когда был свободен от военных занятий. В походах он употреблял обычно воду, иногда, при сильной жажде, прибавлял уксус и только в случае истощения сил выпивал немного вина. В 214 году он сражался в Кампании под начальством Фабия Кунктатора, которому очень понравился молодой человек, страстно привязанный к неиспорченным нравам доброго старого времени. В 209 году, при взятии Тарента, он также находился при Фабии.

Время между походами Катон тратил на управление своим хозяйством; при этом он развивал ораторские способности

и совершенствовал познания в праве. Толчок к отправлению в Рим, как говорят, дал ему римский патриций Луций Валерий Флакк, поместье которого лежало поблизости от имения Катона. Валерий Флакк прослышал об образе жизни Катона — как он рано утром отправляется на рынок, чтобы оказать помощь нуждающимся в защите перед судом, как он зимой в безрукавке и летом голый работает вместе со своими людьми, ест с ними вместе тот же хлеб, пьет то же вино; он слышал и про другие замечательные черты Катона, а потому пригласил его к себе в гости, чтобы узнать поближе. Молодой человек понравился Флакку, и патриций посоветовал ему отправиться в Рим и пообещал свое содействие.

Благодаря протекции Флакка Катон сделал быструю карьеру. В 204 году он отправился квестором в Сицилию, чтобы сопровождать Корнелия Сципиона на войну против Карфагена, в 199-м — сделался эдилом, а в 198-м — претором, получив в управление Сардинию и приобретя там доверие местных жителей своим бескорыстием, справедливостью и особенно строгостью, с которой преследовал римских ростовщиков.

Через три года, в 195 году, Катон был избран консулом одновременно со своим другом и покровителем Валерием Флакком. Во время его консульства один из народных трибунов сделал предложение об отмене Оппиева закона против роскоши женских нарядов, вызванного нуждой Ганнибаловой войны. Как приверженец простоты старых нравов, Катон выступил решительно против этого предложения, но женщины, действуя через своих мужей, добились того, что закон был отменен. В тот же день они, упоенные радостью, уже ходили по улицам в заранее приготовленных нарядах.

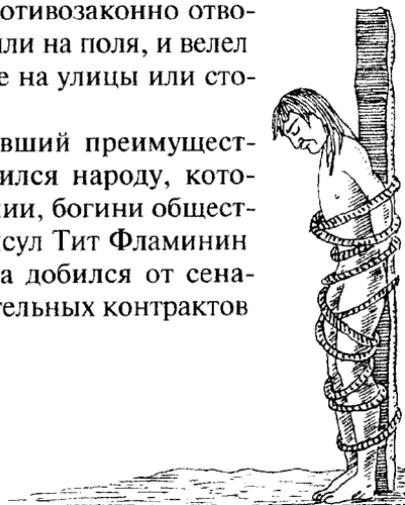
В 190 году Катон в качестве легата вместе с Валерием Флакком и Луцием Сципионом сопровождал консула Манья Ацилия Глабриона в войне против Антиоха. Когда сирийский царь занял Фермопильский проход и Глабрион вынужден был остановиться, Катон пробрался с отрядом по горным тропам и очутился в тылу неприятеля. Антиох в испуге бежал с небольшой частью своего войска; основная же часть его армии была уничтожена.

На этом военная карьера Катона закончилась. Однако он еще сорок лет вел деятельную жизнь, оставаясь влиятельней-

шим адвокатом и оратором. Повсюду он выступал против упадка нравов, злоупотреблений и нововведений в государственном управлении, против роскоши и безнравственности аристократии, против бесправия и насилия всякого рода. Сам он жил просто и умеренно, был честен и справедлив, строг к самому себе. Проницательный ум, знание римского права, смелая и бойкая речь, резкое остроумие сделали Катона человеком, которого больше всего боялись в Риме. Народные массы питали к нему уважение, тогда как люди знатные его ненавидели, считая дерзким выскочкой. Аристократическая партия делала все, чтобы не допустить Катона до власти: его более пятидесяти раз обвиняли во всякого рода злоупотреблениях, но ни разу не смогли осудить — все процессы завершались оправданием.

Во время своего цензорства Катон с неумолимой строгостью расчистил сенат. Семерых сенаторов он изгнал из курии, и среди них Луция Фламинина — за то, что он в Цизальпийской Галлии на пиру, разгоряченный вином, велел обезглавить пленника, чтобы вознаградить своего пажа за пропущенные тем гладиаторские бои в Риме. Начальника конницы Луция Ветурию он лишил должности, потому что тот был слишком толст для военной службы. «Какую пользу может принести государству такое тело, — сказал он, — которое от шеи и до ног представляется только животом?» Он наложил большой налог на женские наряды, восстал против нового обычая украшать дома и виллы картинами и статуями, выставлять на общественных площадях изображения предков и родственников. Он наложил также большой налог на рабов моложе двадцати лет. Отстаивая общественные интересы против частных лиц, он уничтожил все трубы, через которые противозаконно отводилась вода из водопроводов в жилища или на поля, и велел снести частные постройки, выступавшие на улицы или стоявшие на государственной земле.

Строгий образ действий его, задевавший преимущественно богатых и знатных, очень нравился народу, который поставил ему памятник в храме Салии, богини общественного благосостояния. Напротив, консул Тит Фламинин по истечении срока цензорства Катона добился от сената уничтожения заключенных им строительных контрактов

и аренд как невыгодных для государства, а трибуны обвинили Катона в злоупотреблении цензорской властью, за что он был приговорен к штрафу в два таланта. Но это не изменило Катона. Он до конца жизни преследовал корыстную аристократию, бичевал ее жадность, мздоимство, использование государственных средств себе на благо. Кто ворует частное имущество, говорил он, того заковывают в цепи; те же, кто грабят государство, шеголяют в пурпуре и золоте. Так же смело порицал он политику сената, и чем дальше, тем больше у него становилось врагов.

Катон умер в 149 году; в этот год началась Третья Пуническая война.

Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший

Разрушитель Карфагена и Нумантии Сципион Эмилиан, родной сын Эмилия Павла, был усыновлен сыном Сципиона Африканского — Публием Корнелием Сципионом, который приходился ему двоюродным братом. Люди, близко знавшие Сципиона Эмилиана, не видели в нем особых способностей — возможно, потому, что он был далек от мыслей занять какую-нибудь почетную должность. Он жил в уединении и находил большое удовольствие в занятиях науками. Заботливость отца доставляла ему лучших наставников эллинского образования, и впоследствии его общество составляли такие выдающиеся люди, как историк Полибий, философ Панеций, поэты Луцилий и Теренций. Его близким другом был сын Лелия, известного уже нам друга Сципиона Африканского Старшего, — Гай Лелий, человек весьма образованный, отличный оратор, поэт, любитель философии. Несмотря на царившую вокруг испорченность нравов, Сципион Эмилиан вел высоконравственную жизнь, но при этом был далек от суровости Катона.

На общественную службу Сципион вступил только в 34 года. В 154 году до Р.Х. в Испании после продолжительного мира снова начались кровопролитные столкновения с лузитанами и кельтиберийцами, причем столь неудачные

для римлян, что, когда в 151 году консул Луций Лукулл начал набор в армию, желающих воевать оказалось очень мало. Сципион Эмилиан, однако, не отказался принять должность военного трибуна, последовал за Лукуллом в Испанию и весьма там отличился. В следующем году Лукулл отправил его с важным поручением в Африку — просить у нумидийского царя Масиниссы боевых слонов.

В 149 году вспыхнула Третья Пуническая война, которую Сципиону суждено было окончить самым блистательным образом. В результате Второй Пунической войны Карфаген утратил свою политическую самостоятельность, но долговременный мир дал ему возможность оправиться и выйти из бедственного положения. Римляне смотрели с завистью и опасением на процветание старого соперника. Поэтому Масинисса, уже одерживавший победу над карфагенянами, был очень по сердцу римлянам. Умный и необыкновенно энергичный человек, Масинисса приучил подвластные ему кочевые народы к земледелию и оседлости; он строил города и крепости и облагал данью окрестные племена. Земля карфагенян была окружена с трех сторон его владениями и возбуждала аппетит воинственного царя, который мысленно видел в Карфагене свою будущую столицу. Неопределенный текст мирного договора, в котором значилось, что карфагеняне должны возвратить Масиниссе все отнятые ими у Нумидийского царства земли, позволял нумидийскому царю отбирать у них один участок земли за другим. Так как Карфаген теперь не имел права вести войну без позволения римлян, то в подобных случаях он жаловался римскому сенату и просил его посредничества и решения, но римляне словно не замечали этих жалоб и предоставляли Масиниссе полную свободу действий. Воспользовавшись этим, нумидийский царь отнял у карфагенян всю Эмпорию и завладел плодородными поселениями на берегах реки Баградас. Карфагеняне уже в который раз попросили защиты у римлян. Сенат послал в Карфаген комиссию во главе со старым Катонем, который спросил карфагенских сенаторов, желают ли они безусловно подчиниться решению Рима, но они, не дав однозначного ответа, потребовали подробного исследования спорного вопроса. Катон посчитал такую реакцию карфаге-

нян оскорблением — а кроме того, он увидел собственными глазами процветание ненавистного государства; с тех пор он не переставал настаивать на разрушении Карфагена.

Масинисса тем временем продолжал грабить карфагенян, и те наконец не выдержали и взялись за оружие. Таким образом, у римлян появился повод для нарушения мирного договора — ведь карфагеняне выступили против союзника Рима. И даже то, что карфагеняне пошли на попятный и поспешили признать свою ошибку, ничего не изменило: когда послы Карфагена прибыли в Рим, война была уже объявлена. От послов — в обмен на свободу Карфагена — потребовали в течение месяца отправить в Лилибеум, где находились римские консулы с войском, 3 тысячи заложников, детей самых знатных фамилий. Карфагеняне подчинились, но это не остановило римлян — консулы переправились из Лилибеума в Африку и расположились главной квартирой в Утике. Узнав об этом, карфагенский сенат в полном составе отправился туда для получения дальнейших приказаний. Консулы потребовали полного разоружения. Карфагеняне выдали все свое вооружение и даже оружие частных лиц. Тогда консул Луций Марций Цензорин объявил, что, по решению римского сената, Карфаген должен быть разрушен, а жители его — выселены по крайней мере на расстоянии двух миль от морского берега.

Это страшное требование привело карфагенян, до этих пор обнаруживавших беспримерную терпеливость, в бешенство; они решили защищаться до последних сил, хотя перед этим сами себя обезоружили. День и ночь все, кто был в городе, без различия пола и возраста, работали над изготовлением метательных орудий и оружия; ради металла и дерева разрушали общественные здания; женщины обрезали волосы и отдавали их для тетивы луков. Руководить карфагенской армией был поставлен Газдрубал из семейства Барка.

Консулы не знали о происходившем в Карфагене и двинулись туда из Утики в надежде овладеть беззащитным городом без сопротивления. Но как изумились они, когда нашли ворота запертыми, а на стенах вооруженных людей.

Консул Маний Манилий расположился с сухопутным войском под стенами крепости, Луций Цензорин атаковал

город с моря. Двумя большими таранами он пробил брешь в слабейшем месте стены, но тут стемнело, и штурм пришлось отложить на следующий день. Ночью карфагеняне заложили часть бреши и вывели из строя стенобитные орудия римлян. Несмотря на это, Цензорин решился на штурм; но его солдаты вторглись в город в таком беспорядке, что были отбиты и потерпели бы полное поражение, если бы их не спас Сципион Эмилиан, служивший в это время при армии военным трибуном. Предвидя исход необдуманного нападения, он не позволял своим людям ни на шаг двинуться с места и в момент бегства римлян принудил перешедшего в контратаку неприятеля остановиться.

Тем не менее римляне, отступившие в свой лагерь, вскоре оказались в критическом положении; летний зной породил опасные болезни, флоту наносили сильные повреждения карфагенские брандеры, на суше им не давали покоя партизанские вылазки карфагенян. В этой ситуации ярко проявились дарования Сципиона Эмилиана. Во-первых, он несколько раз спасал положение после неудачных действий консулов. А во-вторых, когда, как раз в эти дни умер девятистолетний Масинисса, который не оказал римлянам никакой поддержки, и его царство было разделено между тремя сыновьями — Миципсой, Гулуссой и Мастанабадом, — Сципион сумел склонить Гулуссу помочь римскому войску значительным числом легкой конницы.

Тем не менее кампания, которая поначалу обещала быть для римлян легкой прогулкой, затянулась на несколько лет. В 148 году, когда главное командование над войском, действовавшим против Карфагена, принял консул Луций Пизон с претором Луцием Манцином, дела пошли еще хуже прежнего. Инициатива перешла на сторону карфагенян, и положение римлян сделалось угрожающим. В таких условиях выбирались консулы на 147 год. Сципион, прибывший в Рим, был выбран первым консулом и, по особому постановлению, получил главное начальство в Африканской войне. В сопровождении своих друзей Полибия и Лелия он сразу отправился к месту назначения.

Сципион явился в Африку вовремя, чтобы спасти от гибели претора Манцина с 3,5 тысячью солдат. Как раз

накануне его прибытия Манцин, которого консул Пизон, отправившийся внутрь страны, оставил с флотом для осады Карфагена, овладел с моря крутой скалой вблизи предместья Мегалии и оттуда ворвался в город. Думая, что город уже взят, экипажи кораблей в беспорядке, частью и без оружия, бросились вслед за солдатами, чтобы принять участие в грабеже. Но карфагеняне сумели вытеснить римлян из города и отбросить на скалу, откуда не было никакого выхода.

Сципион, узнав об этом, тотчас поплыл к Карфагену. Он подошел в тот момент, когда карфагеняне возобновили атаки на римлян, которые сгрудились на скале. Но, увидев римский флот и на палубе консула в пурпурной мантии, нападавшие отступили. Сципион беспрепятственно принял на свои корабли Манцина и его солдат, уже потерявших надежду остаться в живых.

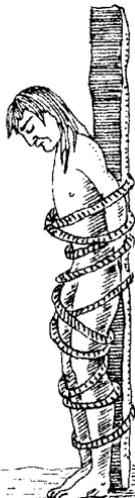
После того как Манцин передал начало над флотом своему преемнику Серрану и возвратился в Рим, Сципион отправился в лагерь Пизона, принял от него командование и, не теряя времени, осадил город. Огорченный резким изменением ситуации, Газдрубал выместил свое раздражение на пленных римлянах: он велел жестоко изувечить их на городской стене, на глазах у осаждающих, и сбросить вниз. Этой жестокостью он хотел отнять у жителей города всякую возможность капитуляции и принудить их защищаться до последнего.

Сципион постарался прекратить всякое сообщение осажденного города с окружающим миром. Он перегородил перешеек, соединявший Карфаген с материком, широкими рвами. Но с моря подвоз припасов в город был еще возможен. Союзник карфагенян нумидийский вождь Битиас завез им морем большое количество зерна. Кроме того, некоторые купцы, привлекаемые барышами, время от времени про-скальзывали на своих судах мимо римского флота и доставляли грузы в карфагенский порт. Чтобы преградить доступ к Карфагену с моря, Сципион предпринял исполинское дело. Он приступил к строительству на море, у входа в порт, каменной плотины. Карфагеняне сначала смеялись над этим предприятием, но, когда увидели, что дело движется, начали какие-то работы в порту. Римляне не могли понять, что они делают, а карфагеняне тайно строили флот и рыли канал

в обход строящейся плотины. И однажды утром, к великому изумлению римлян, в открытое море вышел карфагенский флот из 120 кораблей, в том числе 50 трирем. Если бы карфагеняне сразу напали на римлян, то, вероятно, уничтожили бы весь их флот, но они удовольствовались тем, что торжественно показали неприятелю свою силу и снова ушли в гавань. Когда на третий день они возвратились, чтобы дать морское сражение, римляне уже приготовились к бою. Сражение продолжалось почти сутки с переменным успехом, но в конце концов римлянам удалось загнать карфагенян обратно в гавань и запереть выход из нее.

После этого Сципион атаковал город. Осадные машины, действуя днем и ночью, пробили брешь в стене, но тут карфагеняне, воспользовавшись темнотой, совершили вылазку, обратили римлян в бегство, а машины сожгли; римляне отступали столь стремительно, что только собственная конница, врубившаяся по приказу Сципиона в бежавшую толпу, заставила их остановиться. Карфагеняне с захваченными пленными вернулись за городские стены и, пока римляне приходили в себя, заделали брешь. Впрочем, спустя некоторое время римлянам все-таки удалось овладеть частью порта. Таким образом, они оказались у самой городской стены, против которой Сципион велел насыпать вал одинаковой с ней высоты. Теперь карфагеняне были окончательно заперты в городе.

Между тем наступила зима, в течение которой консул довольствовался тем, что держал Карфаген в тесной блокаде и предоставил там своим союзникам — голоду и чуме — сломить сопротивление неприятеля. Городское население умирало сотнями. Газдрубал, убедившись, что война проиграна, выхлопотал себе, при содействии Гулуссы, свидание со Сципионом — он надеялся по крайней мере спасти город от уничтожения. Но Сципион, коль скоро сенат решил разрушить Карфаген, не мог на это согласиться. Однако он обещал Газдрубалу, если тот отдаст ему город, свободу и безопасность для него лично, для его клиентов и десяти дружественных ему фамилий. Газдрубал в ответ сказал, что хочет жить и умереть со своими согражданами, и если такова воля судьбы, то он похоронит себя под развалинами Карфагена.

С наступлением весны 146 года голод и болезни в городе усилились до такой степени, что Сципион встречал уже только слабое сопротивление. Он легко пробился во внутренний город и овладел рынком, находившимся близ военного порта. Отсюда он медленно направился по трем узким улицам к цитадели. Но здесь ему предстояло тяжкое кровопролитие: по обеим сторонам улиц стояли высокие шестиэтажные дома, с неистовым отчаянием защищаемые гражданами; их приходилось брать с боем поодиночке, как крепости. Солдаты пробирались от одного дома к другому и уничтожали всех, кто попадался им на пути. Шесть дней и шесть ночей без перерыва продолжался этот страшный бой, причем уставшие войска постоянно сменялись свежими. Один Сципион не давал себе ни минуты покоя. Без сна он упорно продолжал свое дело, пока не упал без чувств от крайнего напряжения. Наконец на седьмой день римляне добрались до цитадели.

Оставшееся население искало спасения на горе, в храме Эмуна. Истощенные до крайности, горожане просили пощады. Сципион пощадил всех, за исключением перебежчиков. На милость победителя сдались сначала 25 тысяч женщин, а затем 30 тысяч мужчин — менее десятой части прежнего населения. Жена Газдрубала просила своего мужа позволить ей с двумя детьми также просить пощады у победителя, но Газдрубал отверг эту просьбу и вместе с римскими перебежчиками заперся в храме Эмуна, решив защищаться до конца. Но вскоре мужество его покинуло. Когда римляне подожгли храм, Газдрубал испугался смерти и, не заботясь о жене и детях, тайно сбежал, бросился к ногам Сципиона с масличной ветвью и стал умолять о пощаде. Перебежчики и жена проводили его проклятиями. Жена Газдрубала появилась с детьми на зубцах горевшего храма на виду у своего несчастного мужа и Сципиона и громко воскликнула: «Тебя, римлянин, за зло, которое ты причинил неприятельскому городу, да не постигнет никакое несчастье. Но Газдрубал, изменивший родному городу и его храмам, мне и моим детям, да будет наказан за это богами Карфагена и тобой. Несчастный, вероломный беглец, смотри теперь на гибель мою и детей твоих под этими горящими развалинами; ты, последний вождь великого Карфагена, готовь-

ся теперь ко всякому позору и к триумфу победившего тебя врага!» С этими словами она заколола своих детей и бросила их в пламя; потом и сама исчезла под дымящимися обломками, найдя свою смерть в огне, как некогда Дидона, основательница великого Карфагена, покинутая Энеем. Газд-рубал же прожил остаток своей жизни в Италии в качестве пленника, покрытый стыдом и позором.

Великое дело совершилось; Карфаген, долгое время бывший опасным соперником Рима, погиб. Все карфагеняне были проданы в рабство. Городскую добычу Сципион предоставил солдатам — за исключением общественной казны с золотом и серебром и храмовых сосудов, которые были отправлены в Рим. Себе Сципион ничего не взял из добычи и даже запретил своим друзьям покупать что-либо из нее. Статуи и художественные произведения, некогда увезенные карфагенянами из греческих городов Сицилии, были возвращены прежним владельцам.

Большая часть Карфагена все-таки уцелела от разрушения. Сципион хотел сохранить город и спросил у сената, что делать дальше. В ответ пришло указание сровнять с землей сам Карфаген и его предместье Магалию, равно как и все города, бывшие до последнего времени в союзе с Карфагеном. А чтобы от Карфагена не осталось и следа, место, где он находился, сенат потребовал перепахать. Так и было сделано.

Земли Карфагена в границах, какие они имели в начале войны, были превращены в римскую провинцию под названием Африка, с главным городом Утикой. Сыновья Масиниссы получили нумидийские земли с областями, которые Масинисса отнял у карфагенян; граница между Нумидией и римской Африкой была теперь точно определена. Спустя почти 24 года после разрушения Карфагена Гай Гракх основал на Карфагенском полуострове, но не на проклятом месте старого города римскую колонию под названием Юнония. Однако этот город, в который приняты были и рассеянные остатки карфагенского народа, вскоре пришел в запустение. Позже Юлий Цезарь отдал окрестную землю своим ветеранам и основал новый город, достигший в императорский период значительного процветания. Король вандалов Гензерих завоевал его и сделал своей столицей (439 год по Р. Х.).

У вандалов его отнял византийский полководец Велизарий (533 год) и в честь своего императора назвал Юстинианой. Закончил этот город свое существование в 647 году, когда его разрушили арабы.

Устроив африканские дела, Сципион возвратился в Рим для заслуженного триумфа. В 142 году он стал цензором и исполнял эту обязанность с катоновской серьезностью и самой строгой добросовестностью. Некоторое время спустя после своего цензорства он был поставлен, по распоряжению сената, во главе посольства, которое посетило восточные страны, Египет, Кипр, Сирию, Малую Азию. В 134 году он вновь стал консулом и получил под начало войско в Испании, где продолжалась война с местными племенами.

Как и под Карфагеном, в Испании Сципиону пришлось прежде всего заняться установлением строгой воинской дисциплины, поскольку при его предшественниках распушенность солдат достигла ужасающих размеров. Почти все лето ушло на исправление положения, и лишь к концу его консул двинулся к городу Нумантии, центру антиримского сопротивления. Его войско состояло из четырех легионов, отряда нумидийской конницы, пехоты, многочисленных испанских вспомогательных отрядов и двенадцати слонов. Римляне блокировали город, вокруг его стен они протянули двойной вал. Чтобы помешать доставке припасов по реке, в воду были погружены бревна с привязанными к ним острыми пилами.

Когда нумантийцы поняли, в каком положении оказались, они отправили к Сципиону посольство для переговоров о сдаче, но он потребовал, чтобы они сдались без всяких условий. Когда послы передали это требование нумантийцам, горожане их в бешенстве растерзали. Но вскоре голод и болезни истощили последние силы защитников Нумантии, и они сдались. Впрочем, горожане попросили дать им небольшую отсрочку, чтобы иметь возможность предать себя смерти. Сципион уважил эту просьбу, и многие нумантийцы покончили самоубийством. На третий день оставшиеся в живых вышли за ворота. Сципион выбрал из них пятьдесят знатнейших граждан для своего триумфа, остальных продал в рабство. Город, по примеру Карфагена, сровняли с землей. Сципион же получил почетное звание Нумантийского.

Еще находясь в Испании, он получил известие об убийстве в Риме своего зятя Тиберия Семпрония Гракха — Сципион был женат на его сестре Семпронии. Причиной смерти Тиберия Гракха стали предложенные им аграрные законы, благоприятные для низшего класса, но отвергаемые аристократией. Сципион не принадлежал к аристократической партии; он поддерживал реформы и противодействовал, насколько мог, тем злоупотреблениям, какие позволял себе правящий класс. Но законы Гракха носили насильственный, революционный характер, а исцеление государства таким способом казалось Сципиону еще хуже того зла, от которого государство страдало. Именно так и высказался Сципион, когда возвратился в Рим в 132 году, и за это сразу впал в немилость у простого люда.

Во время одной жаркой дискуссии на римском форуме глава народной партии Папирий Карбон даже назвал его врагом народа, на что Сципион ответил: «Неужели вы думаете, что я испугаюсь людей, подобных которым я отсылал в цепях на рынок невольников?» Отчасти эти слова были вызваны тем, что в тогдашние народные собрания, если они собирались не для голосования, а для совещаний, допускались не только римские граждане, но отпущенные и даже рабы. Сказав это, Сципион спокойно отправился домой, а утром его нашли в постели задушенным. Убийцу его так и не нашли.

Сципион Африканский умер в 129 году, в возрасте 56 лет.

Тиберий Семпроний Гракх

Римляне распространили свое господство на три части света; ни один народ и ни один правитель от Евфрата до Геркулесовых столбов не могли более серьезно угрожать их владычеству, но внутри государства разрастался недуг. Раздвигая все более свои пределы, римское государство не следовало естественному росту во внутреннем развитии. Народ существовал как бы только для того, чтобы в избирательных собраниях подавать голоса за представителей нобилитета — замкнутого круга патрицианских и знатных плебейских семейств, — а те со своей стороны обеспечивали расположе-

ние толпы лестью, раздачей хлеба и устройством празднеств. Должности давали им достаточно возможности обогащаться за счет государства, и в особенности за счет угнетаемых провинций. О чести и благе государства большая часть членов этой касты не заботилась, так что ко времени разрушения Карфагена и в последовавшие затем десятилетия управление римского государства приняло характер, который должен был лишить правительствующий класс необходимого уважения и рано или поздно мог привести государство к гибели.

Благоразумные представители знати сознавали опасность, сопряженную с исчезновением свободного крестьянства и с резким разделением граждан на богатых и бедных, но никто не имел мужества попытаться хоть что-то изменить. Даже Сципион Эмилиан отступил перед этой задачей. И вот не зрелый муж, а юноша, в великодушном увлечении, взял на себя трудное дело — уничтожить пропасть между богатыми и бедными и снова создать в Италии свободное крестьянство путем раздачи неимущим гражданам государственных земель, находившихся большей частью во владении знатных людей.

Звали его Тиберий Семпроний Гракх, и принадлежал он к благородной фамилии. Его прадед получил известность во время войны с Ганнибалом; отец его, бывший цензором и дважды консулом, пользовался большим уважением у римлян. Уйдя из жизни, он оставил жену с двенадцатью детьми, из коих девять умерли в юношеском возрасте. В живых остались сыновья Тиберий и Гай и дочь, вышедшая впоследствии замуж за Сципиона Эмилиана. Вдова отвергла все предложения о замужестве и посвятила свою жизнь, в память о дорогом супруге, исключительно воспитанию детей. Благодаря ей оба сына получили наилучшее образование.

Тиберий, старший из братьев, был натурой спокойной. Мужество свое он показал, еще будучи семнадцатилетним юношей, в походе на Карфаген: при взятии города он вместе с неким Фаннием первым взобрался на стену. В 137 году Тиберий Гракх в качестве квестора сопровождал консула Манцина в войне против Нумантии. Когда значительная часть римского войска была окружена нумантийцами, Тиберию удалось вызвать неприятеля на переговоры и в итоге спасти жизнь и сберечь свободу 20 тысячам воинов. Впрочем,

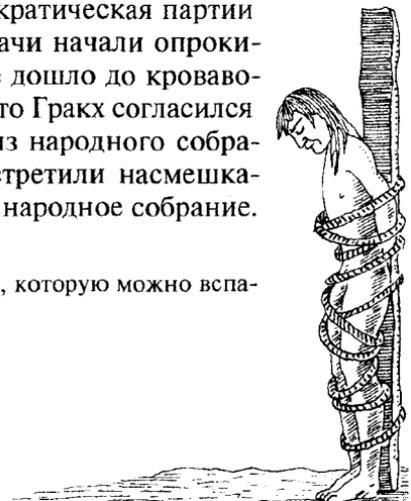
римский сенат отверг заключенный Гракхом договор и взамен выдал нумантийцам, по обычаям того времени, связанного консула. Но то обстоятельство, что сенат не отважился выдать вместе с Манцином Гракха, служит доказательством его влияния и той любви, какой он пользовался в народе.

Неутверждение договора возмутило Гракха, но едва ли справедливо думать, что именно это побудило его к составлению поземельного закона и к оппозиции сенатской партии. Нет сомнения, что причины нужно искать в нем самом. Его брат Гай пишет, что Тиберий проникся мыслью снова населить Италию свободными людьми, когда, проезжая через Этрурию, увидел толпы обремененных цепями рабов, которые пасли бесчисленные стада и обрабатывали обширные земли богачей.

Когда Гракх стал народным трибуном на 133 год, он сразу за вступлением в должность выступил с поземельным законом. Суть его проекта была в том, чтобы изъять у аристократии часть государственных земель, которыми по большей части она пользовалась безвозмездно, словно своей частной собственностью, и раздать участками по 30 югеров* за умеренную плату небогатым гражданам и италийским союзникам в наследственную аренду. При этом богатым землевладельцам оставлялись обширные поместья. Тем не менее они сделали все, чтобы такой закон не был принят.

Аристократам удалось перетянуть на свою сторону товарища Гракха — народного трибуна Марка Октавия, и в день голосования Октавий запретил писцу зачитывать закон. На неотступные просьбы Гракха не мешать ему спасти Италию он отвечал, что именно он и спасает Италию, которую Гракх пытается погубить. Народная и аристократическая партии были в сильнейшем возбуждении. Богачи начали опрокидывать избирательные урны, и дело не дошло до кровавого столкновения только лишь потому, что Гракх согласился перенести обсуждение своего закона из народного собрания в сенат. Но когда в сенате его встретили насмешками и оскорблениями, он возвратился в народное собрание.

* Югер — у древних римлян площадь поля, которую можно вспахать за один день парой волов.

Здесь он, взяв в волнении Октавия за руки, просил его уступить, но Октавий отклонил его просьбу. Тогда Гракх сказал, что одному из них следует оставить должность трибуна, и объявил, что завтра же начнет собирать голоса в пользу отстранения Октавия от должности.

На следующий день голосование отрешило Октавия от должности трибуна. Поземельный закон приняли и выбрали комиссию из трех человек, которой поручили провести его в жизнь. В нее вошли Тиберий Гракх, его тесть Аппий Клавдий и брат его Гай, которого тогда не было в Риме — он находился вместе со Сципионом под Нумантией.

Сенат и вся аристократия прикладывали огромные усилия, чтобы затормозить перераспределение земли. Гней Помпей заявил, что в тот день, когда Гракх сложит свой трибунат, он привлечет его к суду. Гракх, опасаясь за свою личную безопасность, появлялся на людях только в окружении своих сторонников. Он старался привязать к себе народ новыми надеждами и хотел, вопреки конституции, оставить за собой должность трибуна и на следующий год. В это время в Рим было доставлено завещание умершего пергамского царя Аттала III, в коем римский народ объявлялся наследником царя, и Гракх предложил, чтобы царские сокровища были распределены среди народа. Помпей тут же сказал во всеуслышание, будто посланец пергамцев Эвдем вручил Гракху диадему и пурпурную мантию, поскольку тот намерен сделаться царем в Риме.

Во время выбора трибунов, когда первые трибы высказались в пользу Гракха, аристократы устроили беспорядки, и собрание было отложено на следующий день. Боясь за жизнь Гракха, люди всю ночь охраняли его дом. Утром следующего дня Гракх был встречен в Капитолии бурей восторга. Но едва только продолжились выборы, как появились слухи, будто к Капитолию движется толпа рабов, вооруженных аристократами. Началась суматоха. Люди, стоявшие вдали, не могли взять в толк, что происходит, и Тиберий положил руку себе на голову, чтобы таким образом дать понять, что он в опасности. Его противники истолковали этот жест по-своему и сообщили в сенат, будто Тиберий требует диадему. Сенаторы пришли в беспокойство и во главе с верховным жрецом Сципионом Назикой поспешили к Капито-

лию, вооружившись кто чем мог. Народ расступился перед сенаторами без борьбы. Тиберий пытался спастись бегством, но споткнулся и упал. Не успел он встать на ноги, как трибун Публий Сатурей ударил его ножкой от скамьи по голове; второй удар, ставший смертельным, позже приписывал себе некто Луций Руф. Жертвами страшного побоища, кроме Тиберия Гракха, стали еще почти 400 человек.

Проливой кровью гнев аристократов не удовлетвовался. Они не позволили похоронить убитых — все трупы были брошены ночью в Тибр. Одни сторонники Тиберия Гракха оказались в тюрьме, где и погибли, другие без всякого суда были отправлены в изгнание. Тем не менее аристократы вынуждены были пойти на некоторые уступки простому народу и даже удалили из Рима в почетную ссылку виновника кровавой расправы Сципиона Назику — он отправился во главе посольства в Азию и вскоре умер в Пергаме.

Гай Семпроний Гракх

Тиберий Гракх погиб, когда ему не было еще тридцати лет. Его брату Гаю тогда едва исполнилось двадцать. Тем не менее он уже успел поучаствовать в Нумантийской войне и был выбран вместе с Тиберием и его тестем в комиссию, которая должна была привести в действие аграрный закон. Аристократы видели в нем преемника брата и весьма обрадовались, когда в 126 году Гаю выпал жребий удалиться из Рима и отправиться в Сардинию в качестве квестора с консулом Аврелием Орестом. Там молодой Гракх зарекомендовал себя с самой лучшей стороны и обрел популярность как среди солдат, так и союзников Рима. Это сильно встревожило сенат; когда послы царя Миципсы из Нумидии сообщили в Риме, что царь их, из дружбы к Гаю Гракху, послал Аврелию Оресту в Сардинию хлеб, сенаторы, от одного имени Гракхов приходящие в негодование, прогнали их из города.

Сенат два года держал Гая Гракха в Сардинии и не соби-рался возвращать его в Рим и на третий год; тогда он прибыл в Рим самовольно. За это его привлекли к суду цензоров, но Гракх искусно защищался и был оправдан. В сущности, ему

более ничего не оставалось, как принять брошенный аристократией вызов.

Гай Гракх был гораздо более опасный противник, чем его брат; умственными способностями и энергией он превосходил Тиберия. Тиберий был отличный оратор, его спокойная речь текла плавно. Речь Гая, напротив, была полна бурной страсти, так что он часто увлекался своим гневом, выходил из себя и сбивался с мысли. Оттого, когда он стоял на ораторской трибуне, позади его находился раб, который, как только голос его господина обретал резкость, задавал ему посредством камертона более мягкий тон, возвращавший к умеренности. Несправедливость, причиненная его брату своекорыстной, разорявшей страну аристократией, укоренила в Гае Гракхе мысль о необходимости положить конец ее власти. Мать старалась отвлечь его от рокового пути; она писала: «Будет ли конец безумию нашего дома? Где предел? Разве недостаточно нам стыда, что мы расстроили и разорили государство! Я считаю делом самым прекрасным и славным отплатить врагу своему, если только это возможно без вреда для отечества. Если же это невозможно, то пусть враги наши благоденствуют. Это в тысячу раз лучше, чем губить отечество». Но Гай имел на этот счет собственное мнение.

Брат его старался провести лишь аграрный закон. Гай, избранный народным трибуном на 123 год, предложил целый ряд законов, которые могли полностью переустроить государственную жизнь. Это прежде всего хлебный закон, по которому государство должно было продавать гражданам хлеб по сниженной цене, закон об облегчении военной службы и закон, согласно которому уголовный суд над гражданином мог производиться только по повелению народа. Последний закон был направлен против Попилия Лената, который, будучи в 132 году назначен судьей, казнил или изгнал многих приверженцев Тиберия Гракха. Другие законы, предложенные Гаем Гракхом, также ограничивали права аристократии; кроме того, он попытался возвратит к жизни аграрный закон.

Особое раздражение аристократии вызвал закон, по которому италийские союзники Рима должны были получить право римского гражданства. Знать понимала, что признание италийков римскими гражданами значительно увеличит мас-

су черни, бывшей главной опорой трибунов, и тогда бразды правления окончательно ускользнут из рук сената. Отрывок из речи Гракха, избранного трибуном и на 122 год, показывает, с какой заносчивостью относилась в то время правительственная партия к италийским союзникам. Гракх говорит: «Недавно в город Теанум, принадлежащий сидицинам, прибыл консул. Его супруга захотела мыться в мужской бане. Сидицинскому квестору было поручено удалить из бани тех, которые в это время мылись там. Супруга консула заявила потом своему супругу, что баня не была приготовлена достаточно быстро и не была достаточно чиста. Тогда на площади был вбит кол, и Марк Марий, самый знатный человек в городе, подведен туда. С него сняли одежду, и его секли прутьями...»

Аристократы употребили против этого закона о гражданстве обычное средство: они склонили на свою сторону трибуна Марка Ливия Друза, и тот наложил на закон вето. В это время Гракх находился далеко от Рима, в Африке, где занимался устройством колонии Юнии на месте разрушенного Карфагена, а его доверенное лицо в Риме Фульвий Флакк действовал крайне неловко и способствовал тому, что народ стал поддерживать противников Гракха. Когда Гракх, после десятидневного отсутствия, возвратился в столицу, он обнаружил, что число его сторонников сильно уменьшилось. Он потерпел неудачу на выборах в трибунат на 121 год, в то время как самый решительный его противник Луций Опиций был избран консулом.

Враги Гая Гракха торжествовали. Как только Опиций вступил в должность, они повели атаки на законы Гракха в надежде при первом удобном случае покончить и с самим их автором. Были пушены слухи о всякого рода недобрых знаменьях в связи с основанием Юнии: якобы ветер сломал знамя, установленное на месте, где предстояло появиться колонии, и разметал жертвы на алтарях, а межевые знаки были вырваны и унесены волнами. Приняв эти слухи за действительные факты, сенат предложил закон, которым возбранялось устройство Юнии. По сути, это был прямой выпад против Гракха, который был одним из вдохновителей постройки города вблизи уничтоженного Карфагена. В день голосования, пока приверженцы обеих партий ждали, когда

консул Опимий завершит традиционное жертвоприношение в здании капитолийского храма, навстречу Гракху и его друзьям вышел ликтор Квинт Антулий со священными вундербунами в руках и высокомерно потребовал: «Дурные граждане, дайте дорогу добрым!» И тут же под ударом одного из приверженцев Гракха он пал мертвым.

Началось великое смятение. Гракх обратился с речью к народу, стараясь успокоить его и отвести от себя ответственность за убийство. За шумом и смятением голос его едва был слышен. При этом случилось, что он, сам того не замечая, перебил говорившего трибуна, что по старому, хотя и пришедшему в забвение закону составляло тяжелое преступление, чем враги Гракха и задумали воспользоваться.

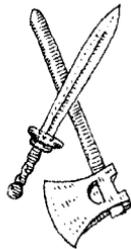
В этот день, впрочем, дело до дальнейшего насилия не дошло: проливной дождь разогнал толпу. Ночью в доме Гракха и вокруг него царил тишина, тогда как толпа, охранявшая дом его единомышленника Фульвия Флакка, устроила шумную попойку; сам Фульвий сильно напился. Глава враждебной партии Опимий провел эту ночь куда с большей пользой: он готовился подавить мятеж силой оружия и с раннего утра приказал критским лучникам занять Капитолий. Когда все принадлежавшие к сенатской партии собрались на площади, перед курией пронесли на носилках обнаженный труп Антулия. Возбужденные этим зрелищем, сенаторы облекли консулов неограниченной властью.

Узнав об этом, Фульвий Флакк со своими приверженцами занял Авентинский холм. Туда же отправился и Гракх — безоружный, в простой тоге. По совету Гракха Фульвий послал к сенаторам своего младшего сына Квинта с предложением о мире. Но Опимий потребовал, чтобы Флакк и Гракх явились перед сенатом и держали ответ за оскорбления трибунского сана. Гракх готов был последовать вызову, но Фульвий удержал его и вторично послал сына на переговоры. Опимий, торопившийся начать борьбу, велел бросить невинного юношу в тюрьму и объявил, что тот, кто принесет ему головы Гракха и Флакка, получит их вес золотом. Одновременно он приказал атаковать Авентин.

При виде солдат толпа на Авентине пустилась в бегство. Фульвий спрятался в виноградной давилльне, но был найден

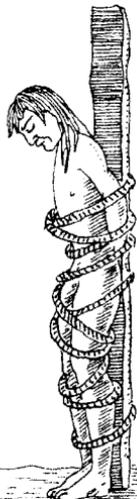
и изрублен вместе со своим старшим сыном. Гракха никто не видел сражавшимся; в глубокой скорби он удалился в храм Дианы, где хотел покончить с собой, но самые верные его товарищи, Марк Помпоний и Публий Леторий, вырвали у него меч и уговорили бежать.

Однако спастись Гракху было не суждено. Сходя с Авентина, он упал и вывихнул ногу. У Тригеминских ворот Помпоний сумел немного задержать его преследователей; то же сделал Леторий на Тибрском мосту. Оба они погибли ради спасения друга. Гракх тем временем в сопровождении раба перебрался на правый берег Тибра, оказался в роше Фурины* и понял, что дальше ему не уйти. Здесь и нашли его тело, рядом лежал труп раба. Вероятно, сначала раб убил своего господина, а затем закололся сам. Голову Гракха знатный муж Луций Септумелий принес на копье другу своему Опимию. Причем Септумелий влил внутрь ее олово, благодаря чему его награда значительно увеличилась. Те же, кто принес голову Флакка, простые люди из народа, не получили ничего. Трупы Гая Гракха и Флакка были брошены в Тибр вместе с другими убитыми; всего погибло почти 3 тысячи их сторонников.

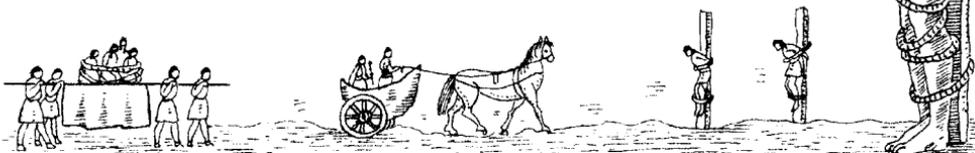
На этом месть аристократов не закончилась. Дома вождей отдали на разграбление толпы, имущество их конфисковали, а их женам запретили носить траур. Множество приверженцев Гракха было повешено, и среди них безвинный Квинт Фульвий, не принимавший никакого участия в противостоянии. И словно в насмешку после кровавого побоища Опимий на средства, конфискованные у «государственных изменников», воздвиг за Капитолием великолепный храм Конкордии, богине согласия.

Сам Опимий кончил плохо. Посланный в 115 году во главе посольства в Нумидию, он поддался на подкуп царя Югурты, за что его подвергли суду и приговорили к изгнанию. Ненавидимый, осмеянный народом, он умер вдали от Рима, в Диррахиуме**.

* Богиня мести у римлян, соответствует Мегере у греков.

** Ныне Дуррес, город на территории современной Албании.

Гай Марий

Гай Марий был сыном латинского крестьянина. Сколько-нибудь сносное образование ему получить не удалось. Греческого языка, обязательного для римской аристократии, он не знал. Да и военное искусство было усвоено им исключительно на практике. Гай Марий рожден был солдатом. Уже в первом своем походе, совершенном под началом Сципиона Эмилиана против Нумантии, он отличился храбростью. Сципион оказывал ему особое уважение. Когда однажды во время застолья Сципиона спросили, кто мог бы наследовать за ним славу полководца, он, как рассказывают, потрепал по плечу возлежавшего рядом Мария и сказал: «Может быть, этот...»

В 119 году Марий получил должность трибуна и настоял на принятии закона, который ограничивал влияние аристократии во время выборов, — видимо, в этом сказалось происхождение Мария. А когда этому закону воспротивились консулы, Марий арестовал одного из них, Луция Цецилия Метелла, прямо в сенате. С тех пор Марий считался человеком, которого никакие препятствия не могут отклонить от намеченной цели, а простой народ увидел в нем свою надежду.

По окончании трибуната Марий попытался стать эдилом, но ему не удалось попасть ни в курульные, ни в плебейские эдилы; да и претуру на 115 год он получил с трудом. Аристократия всеми силами старалась отстранить этого выскочку от высоких должностей.

Соответствующее его военному таланту поле деятельности открылось для Мария в Югуртинской войне. Эта война была особенно важна в римской истории не потому, что она угрожала целостности государства, а потому, что особенно ясно обнаружила неспособность к действию тогдашней правительственной партии. Нумидийский царь Миципса, сын Масиниссы, незадолго до своей смерти (118 год) разделил свое царство между сыновьями Адгербалом и Гиempсалом и усыновленным им Югуртой, сыном брата своего Мاستанабала. Югурта, человек предприимчивый и искусный в военном деле, во время Нумантийской войны приобрел себе много друзей среди знатных римлян. В расчете на поддержку Рима он убил Гиempсала, затем начал войну с Адгербалом, которого в конце концов захватил в плен и также убил. Подкупленные нумидийским золотом, римские послы потворствовали предприятиям Югурты, но в какой-то момент он в своей жестокости перешел все границы, и сенат едва ли не против собственной воли вынужден был объявить ему войну (112 год). Но едва только началась эта война, Югурта в прямом смысле купил выгодный мир у посланного в Африку консула Луция Кальпурния Бестии. Известие об этом подняло в Риме бурю, трибун Меммий настоял на судебном расследовании и добился того, что Югурта был вызван в Рим в качестве свидетеля. Во время пребывания в Риме наглость варварского царя дошла до того, что он в стенах города велел умертвить внука Масиниссы — Массиву, высказавшего притязания на нумидийский престол. После этого сенат не мог уже поддерживать своего любимца — изгнал его из города и разорвал заключенный мир. При отъезде из Рима нумидийский царь произнес знаменитые слова: «О продажный город, готовый погибнуть, как скоро найдет себе покупателя!»

Война продолжилась, но все тем же образом: полководцы были продажны, а войско при таких вождах демонстриро-

вало изнеженность и распущенность. Положить конец этому позору был призван Квинт Цецилий Метелл, избранный консулом на 109 год. Это был не ведавший страха, непреклонный и жестокий, но в то же время рассудительный человек.

Отправляясь в Африку, он избрал себе в помощники испытанных офицеров, среди которых был и Гай Марий. К этому времени Марий уже был женат на Юлии из древнего рода Цезарей (тетке Гая Юлия Цезаря, чьей звезде еще предстояло взойти), и эта женитьба придала ему веса в обществе.

Марий быстро выдвинулся на первые роли в окружении Метелла. Сердца солдат он расположил к себе тем, что не уклонялся ни от какой тяжелой работы и делил с ними все труды и опасности. Его имя было у всех на устах, и солдаты писали домой, что именно Мария следует назначить главнокомандующим. Метеллу это, конечно, не нравилось. Когда же Марий попросил отпуск, чтобы отправиться в Рим и добиваться консульства. Метелл принялся всячески затягивать дело и отпустил Мария всего за двенадцать дней до выборов.

Марий поспешил в путь и прибыл в Рим на четвертый день. В день выборов он пообещал быстро закончить тягостную войну и передать в руки римлян Югурту, живого или мертвого. При этом он не упустил случая обвинить Метелла в преднамеренном затягивании войны. Несмотря на противодействие аристократии, народ вручил Марию консульство на 107 год.

Когда Марий в качестве главнокомандующего возвратился в Африку, Метелл уклонился от свидания с ним; еще до прибытия своего преемника он выехал из лагеря и передал ему войско через посредничество легата Рутилия Руфа. Марий энергично взялся за дело — он одержал над неприятелем несколько побед и вынудил наконец Югурту бежать к своему тестю, мавританскому царю Бокху. Однако квестор Луций Сулла сумел уговорить Бокха выдать его римлянам, и Югурта был доставлен в лагерь Мария закованным в цепи (106 год).

Этот успех Суллы был первым зародышем ревности и вражды, обнаружившихся впоследствии между Суллой

и Марием. Аристократы умаляли заслуги Мария, приписывая первые успехи в войне Метеллу, а ее окончание — Сулле. Последний чересчур кичился своим подвигом; он велел изготовить себе перстень, на котором был вырезан Югурта в том одеянии, в каком он был выдан ему Бокхом. Все это раздражало честолюбивого Мария, не любившего делить славу с кем бы то ни было.

1 января 104 года состоялся триумф Мария, во время которого выставлены были 3007 фунтов золота, 5775 фунтов серебра в слитках и 287 тысяч драхм. Центральной фигурой триумфального шествия стал закованный в цепи Югурта, который так долго шутил недобрые шутки над величием римского государства. Несчастье и позор повергли его в помешательство. Когда по окончании торжества его привели в темницу, сняли силой исподнее платье, вырвали из ушей золотые кольца и затем обнаженного бросили в глубокую яму, он, засмеявшись, воскликнул: «О, Геркулес, как холодна твоя ванна!» В этой яме спустя шесть дней его уморили голодной смертью.

Нумидия не была обращена в римскую провинцию: западную часть ее получил Бокх в награду за предательство, а восточную — Гауда, последний оставшийся в живых внук Масиниссы.

В тот самый день, когда Марий праздновал триумф, он вступил во второе свое консульство. Его снова избрали на эту должность вопреки закону, требовавшему, чтобы между двумя избраниями на консульское место был промежуток в десять лет. Дело в том, что на Италию надвигалась опасность, от которой ее мог спасти только Марий, — так казалось даже его недругам. С некоторого времени за Альпами бродил, подобно грозовой туче, воинственный кочевой народ, от которого римляне потерпели уже несколько тяжелых поражений; в любое время они опасались его вторжения в Италию. То были кимвры, германское племя, которое, будучи вытеснено с территорий, лежащих у Балтийского моря, кочевало с женами, детьми и имуществом в Средней Европе, выискивая себе новое место для поселения.

В первый раз на горизонте римского мира кимвры появились в 113 году. Они искали не войны с римлянами, а место

для поселения. В этом, однако, римляне им отказали, и кимвры удалились, сопровождаемые проводниками, которых им дал консул Гней Папирий Карбон. Эти проводники завели пришельцев в засаду, где их поджидало римское войско. Кимвры, однако, оказались крепким орешком, и только поднявшаяся буря спасла римлян от разгрома. После этого кимвры повернули на северо-запад, в Галлию. Здесь они вместе с присоединившимися к ним амбронами и тигуринами показали себя серьезной силой. Римский консул Марк Юний Силан воевал с ними в 109 году и потерпел жестокое поражение. В 107 году в битве с тигуранами погиб, потеряв всю армию, консул Луций Кассий. В 105 году в битве при Араузионе было разбито кимврами многочисленное войско, предводительствуемое консулом Гнеем Маллием и проконсулом Квинтом Сервилием Цепионом. Рассказывают, что в этом сражении погибло 80 тысяч солдат и 40 тысяч человек из обоза.

После поражения при Араузионе страх перед кимврами, обуявший Италию, был еще больше, чем некогда страх перед галлами. Альпийские проходы были открыты страшному неприятелю, Италия выглядела беспомощной. Правящая аристократия потеряла всякое доверие, и взоры всех обратились на Марию. В 104 году Марий со своим войском перешел Альпы, но в это время кимвры ушли из Галлии в Испанию. Консульство было вручено Марию и на следующий год, и так продолжалось до тех пор, пока не миновала опасность, грозившая со стороны кимвров. Это был первый в римской истории случай, когда один и тот же человек четыре года подряд оставался консулом.

Летом 102 года римляне встретились лицом к лицу с тевтонами и амбронами. Они расположились в бесчисленном множестве на широкой равнине перед лагерем Мария и вызывали римлян на битву. Но Марий медлил, желая приучить своих людей к зверским крикам и страшному виду неприятеля, и добился того, что страшное перестало вызывать у римлян страх, а угрозы и хвастливые насмешки варваров разожгли в них жажду битвы. Марий, однако, по-прежнему не трогался с места — якобы потому, что, согласно предсказаниям, выжидал благоприятного времени для сра-

жения. Он действительно возил с собой на носилках прорицательницу, сирийку Марту, по указанию которой совершал жертвоприношения. Верил ли Марий в ее предсказания или держал ее, чтобы вводить в заблуждение окружающих, осталось неизвестным.

Тевтоны, видя бездействие Мария, сами совершили нападение на его лагерь, но были отбиты с большим уроном. Тогда они решили идти далее, к Альпам и в Италию. Когда они проходили мимо лагеря римлян, можно было рассмотреть, как велика их численность; шесть дней двигались они непрерывным потоком, и притом так близко у римского вала, что спрашивали солдат с язвительной насмешкой, не имеют ли те каких поручений к женам в Риме. Марий последовал за ними и устраивал каждый раз свой лагерь всегда поблизости от их лагеря, но обязательно таким образом, чтобы не опасаться ночного нападения. Постепенно две армии дошли до Аква Секстиа, нынешнего города Экс в Провансе. Здесь Марий выбрал для лагеря место, где было очень мало воды. Когда солдаты спросили, где же они будут брать воду, он указал на реку, протекавшую внизу, рядом с неприятельским лагерем. Таким образом, стало ясно, что он решил дать решающее сражение.

Началом битвы стала случайная стычка между двумя небольшими отрядами; затем на подмогу и тем, и другим сбежались товарищи. Число сражающихся амбронов составило не менее 30 тысяч человек. Большая их часть пала, сражаясь на берегу и окрашивая реку кровью; остальные отступили к своему лагерю. Здесь навстречу им выбежали жены, вооруженные мечами и топорами; они с ужасным воем смешались со сражавшимися и нанесли римлянам немалый урон.

Следующий день обе стороны зализывали раны. Марий отправил легата Клавдия Марцелла с 3 тысячами человек на поросшую лесом возвышенность в тылу неприятеля, а остальных воинов расположил перед своим лагерем — их задача состояла в том, чтобы сдерживать напор тевтонов. Сражение началось с рассветом. Марий дрался в одном ряду с простыми воинами. К полудню тевтоны, изнуренные жарой, решили отступить, и как раз в это время Мар-

целл ударил им в тыл. Варвары, не ожидавшие такого поворота событий, обратились в бегство. В «Жизнеописании Мария» Плутарх пишет, что число убитых и пленных дошло до 100 тысяч, а Ливий насчитывает до 200 тысяч убитыми и 90 тысяч пленными. Погибло множество женщин, которые сами лишили себя жизни, чтобы избежать позора. В числе пленных оказался предводитель тевтонов Тевтобод. Поле сражения у Аква Секстиа было так удобрено телами убитых, что следующим летом оно дало невероятное обилие плодов, а жители близлежащих селений костями убитых огораживали свои виноградники.

После сражения Марий отобрал лучшую добычу для украшения своего триумфа, а все остальное велел бросить в костер. Когда он, облаченный в пурпуровое одеяние, поднял к небу обеими руками горящий факел, чтобы поджечь костер и принести жертву богам, вдали показались всадники. Приблизившись, они сошли с коней, приветствовали Мария и возвестили, что он в пятый раз избран консулом.

Между тем кимвры через альпийские проходы просочились в Италию, причем Катул, второй консул 102 года, ничего не смог с ними поделать.

Соединившись, войска Мария и Катула переправились через По и стали напротив неприятеля. 30 июля 101 года на Равдийском поле у Верцелл состоялась битва. Кимврская пехота выдвинулась из своего лагеря и расположилась большим четырехугольником. Бойцы передней линии привязали себя друг к другу цепями, чтобы не дать расстроить свой боевой порядок. Конница кимвров численностью 15 тысяч человек представляла блестящее зрелище. Шлемы всадников были сделаны в виде разинутых пасть диких животных или голов чудовищ, над ними развевались султаны. Вооружены они были метательными двузубчатыми копьями и тяжелыми мечами для рукопашного боя.

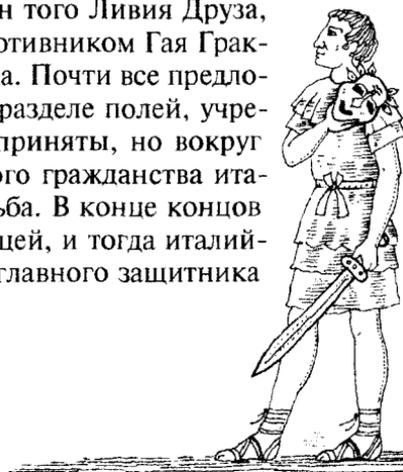
Удача, однако, не сопутствовала кимврам — большая их часть полегла на поле битвы; римляне преследовали бегущих до ограды из кибиток. Здесь победители стали свидетелями трагических сцен. Женщины в черных одеяниях стояли на телегах и убивали топорами и мечами бегущих мужей, братьев, отцов; малолетних детей они душили и бросали под

колеса и под ноги вьючных животных, а затем сами убивали себя. Рассказывают, что одна женщина повесилась на верхнем конце дышла, в то время как у ног ее по обе стороны висели на веревках дети; мужчины же, за недостатком деревьев, на которых можно было повеситься, привязывали себя к рогам или ногам быков, чтобы быть затасканными до смерти. Многие погибли таким образом, и все-таки взято было в плен более 60 тысяч человек.

Без победы у Аква Секстия была бы невозможна победа при Верцеллах. И римский народ признал Марию спасителем Италии. На празднествах, которые справляли римляне с женами и детьми в домах своих, всякий приносил в жертву Марию, словно он был богом, первые свои яства и питье. Римляне хотели также, чтобы он один праздновал оба триумфа над тевтонами и кимврами; но Марий дал возможность принять участие в триумфе и Катуту.

Марий стоял на вершине славы. В воздаяние заслуг его сделали консулом в шестой раз. Но это шестое консульство, которого он, говорят, добивался так усердно, будто оно было для него первым, послужило к значительному умалению его блеска и силы. Он думал, что наступило время, когда он может сломить ненавистную аристократию, и объединился для этой цели с народным трибуном Апулеем Сатурнином и претором Сервилием Главцием, людьми весьма талантливыми, но бесчестными. Сам Марий не обладал качествами государственного человека; он был человек кулака, ничего не понимал в политике, и в конце концов дело кончилось тем, что его постепенно отодвинули на задний план. Довольно долго он пребывал в тени.

Тем временем Рим раздирали внутренние противоречия. Трибун 91 года Марк Ливий Друз, сын того Ливия Друза, с которым мы познакомились как с противником Гая Гракха, предложил вернуться к идеям Гракха. Почти все предложенные им законы — о раздаче хлеба, разделе полей, учреждении колоний из граждан — были приняты, но вокруг закона о предоставлении прав римского гражданства италийским союзникам развернулась борьба. В конце концов Ливий был зарезан подосланным убийцей, и тогда италийцы, потерявшие с его смертью своего главного защитника

в римской власти, взялись за оружие и основали собственное государство под названием Италия со столицей Корфиниумом. Новая республика могла помериться с Римом численностью своего войска: оно состояло из 100 тысяч человек.

Театром этой войны, получившей название Марсийской, или Союзнической, были на севере области пицентов, марсов, маррупинов, пелигнов и вестингов, а на юге — места проживания мамнитов и луканов. Марий сражался на севере в качестве легата консула Публия Рутилия Лупа, а когда тот погиб, принял командование. Он действовал удачно и разбил неприятеля в двух довольно значительных сражениях, но к концу года сенат отстранил его от командования. В это время сенаторы все больше ориентировались на давнишнего соперника Мария — Корнелия Суллу, который в 90 и 89 годах с успехом действовал на южном театре Союзнической войны. И когда в 88 году решали, кому доверить армию в грядущей войне с Митридатом, то выбор пал на Суллу: он стал консулом и был назначен главнокомандующим.

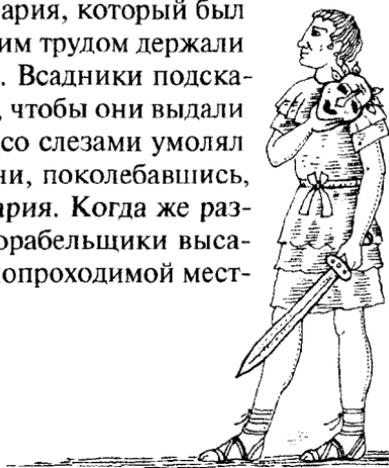
Возвышение соперника оскорбило старого Мария, которому самому хотелось начальствовать в Азиатской войне, и он объединился с народным трибуном Публием Сульпицием Руфом, который предложил несколько неприятных для сенатской партии законов. Против них воспротивились сенат и оба консула, Сулла и Квинт Помпей Руф. Но Сульпиций, который постоянно был окружен вооруженной толпой своих единомышленников, сумел возмутить народ, и консулы вынуждены были бежать. Сулла, оказавшись около дома Мария, бросился туда, ища защиты, и Марий укрыл его и выпустил через другую дверь. В тот же день Сулла отправился в Кампанию к легионам, которые готовились выступить против Митридата. После его отъезда Сульпиций провел свои законы, а также добился передачи Марию проконсульской власти и назначения его главнокомандующим вместо Суллы.

Марий тотчас стал готовиться к отъезду и послал впереди себя в Кампанию двух военных трибунов для принятия войска от Суллы. Последний, однако, вовсе не был расположен отказаться от власти и передать ее в руки противника, который мог окончательно низвергнуть сенатскую

партию. Он подбил своих солдат — 35 тысяч человек — на бунт; в результате посланные Марием трибуны были убиты, а легионы двинулись на Рим и взяли его штурмом. Когда горожане попытались обороняться, Сулла не в шутку пригрозил сжечь город дотла, и римляне присмирели. Марий со своими приверженцами тем не менее оказал сопротивление и даже позвал на помощь рабов, обещая им свободу, но силы его были слабы.

Город оказался во власти Суллы. Сульпиций погиб, и голову его выставили напоказ на ораторской трибуне, а Марий бежал в свое имение Солониум, оттуда в Остию, где друг его Нумерий приготовил корабль, на котором он и отплыл в море со своим пасынком Гранием. Поднявшаяся буря заставила их пристать к берегам Цирцеи, и дальше они двинулись пешком. Поздно вечером им попались несколько пастухов, которые узнали Мария и сказали, что видели всадников, которые ищут его. Марий и его спутники свернули с дороги и спрятались в чаще, где и провели ночь. На следующий день они, терзаемые голодом, пошли вдоль по берегу. Марий утешал своих товарищей, призывая их не падать духом. Он рассказывал им, что когда еще мальчиком жил в деревне, то поймал падающее орлиное гнездо, в котором было семь детенышей; прорицатели объяснили ему, что он сделается знаменитым человеком и что ему предопределено судьбой семикратно достигнуть высшей власти. Исходя из этого предсказания, Марий надеялся в седьмой раз получить консульство.

В расстоянии часа пути от Минтурн они заметили издали всадников и бросились в воду, надеясь доплыть до стоявших на якорях двух кораблей. Граний и еще несколько человек добрались до одного корабля и на нем переправились на остров Энарию (Исиха); самого же Мария, который был тучен телом и неловок, два раба с большим трудом держали над водой и подняли на другой корабль. Всадники подсказали к берегу и кричали корабельщикам, чтобы они выдали Мария или бросили его в море. Марий со слезами умолял корабельщиков жалиться над ним, и они, поколебавшись, ответили всадникам, что не выдадут Мария. Когда же разгневанные всадники ускакали прочь, корабельщики высадили его на берег у устья Лириса, в труднопроходимой мест-

ности. Марий потащился через овраги и болота и наконец достиг хижины одного старца. Он на коленях умолял старца спрятать его, обещая со временем, когда избежит опасности, щедрую награду. Старец укрыл его в яме у реки и накрыл хворостом. Некоторое время спустя Марий услышал крики и понял, что это ищут его. Марий выбрался из ямы, сбросил с себя платье и погрузился в тинистое болото. Но его все равно нашли и привели нагого, покрытого тиной в Минтурны, где передали городским властям.

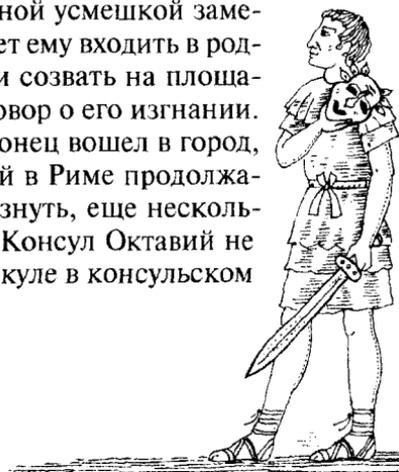
Магистрат Минтурн, согласно приказу, полученному из Рима, решил немедленно казнить Мария и послал к нему в темницу с мечом пленного кимвра, но тот, когда увидел, кого предстоит лишить жизни, выбежал наружу с криком: «Я не могу убить Гая Мария!» Городским властям стало стыдно, что спаситель Италии нашел большее к себе почтение в варваре, которому он принес рабство, чем в согражданах, которых он спас, и они решили отпустить Мария. Его посадили на корабль, и он отправился в Энарию, откуда уже вместе с Гранием отбыл в Африку.

В Риме тем временем Сулла старался упрочить свою победу. Он отменил законы Сульпиция и навязал народу решение, чтобы впредь законы никогда не принимались без предварительного заключения сената. Но грубая солдатчина, на которую он опирался, оттолкнула от него многих людей, и вышло так, что на консульских выборах 87 года кандидаты, которых он поддерживал, потерпели неудачу и консулом вместе с Гнеем Октавием, приверженцем сенатской партии, был избран противник сената Луций Корнелий Цинна. Торопясь в поход против Митридата, Сулла удовольствовался данным положением вещей и только заставил обоих консулов присягнуть, что они ничего не изменят в существующих учреждениях. Но как только Сулла с войском покинул Италию, Цинна задумал возобновить закон Сульпиция об уравнении новых граждан и отпущенников. Октавий этому воспротивился, и на форуме дошло до кровавой стычки, после которой Цинна был отрешен от должности. Но он склонил на свою сторону легионы, оставшиеся в Кампании для борьбы с не покорившимися еще союзниками, и предпринял поход против аристократов в Риме.

Когда об этом узнал Марий, он поспешил вернуться в Италию. Объявившись в Этрурии, он призвал к оружию рабов, склонил на свою сторону многих свободных крестьян и таким образом в несколько дней собрал довольно значительные силы. В его распоряжении оказалось более 6 тысяч человек и 40 судов разной величины, которые расположились в устье Тибра и отрезали от Рима подвоз хлеба. После этого Марий послал Цинне сообщение, что признает его консулом и готов следовать всем его приказаниям. Цинна в ответ назначил Мариа проконсулом и послал ему фации и прочие знаки, сопутствующие этой должности, но тот заявил, что регалии не подходят его нынешнему положению, и явился перед Цинной в бедном одеянии, более приличном изгнаннику.

Отряды Мариа и Цинны обложили столицу подобно надвигающейся грозе. Марий занял береговые города Лациума и обманом захватил Остию, которую передал своей дикой орде на разграбление. После этого он расположился перед Яникулом. Рим был в беспомощном положении. Обнаружился недостаток продовольствия, вожди собранных для защиты города войск были нерешительны, солдаты толпами переходили на сторону Цинны и Мариа, рабы бежали из города в неприятельский лагерь, надеясь получить обещанную Цинной свободу. Наконец сенат счел необходимым отрядить к Цинне и Марию послов с просьбой проявить снисхождение к гражданам. Цинна выслушал послов, сидя в консульском кресле, и дал благосклонный ответ. Марий стоял возле него и не проронил ни слова, но его мрачный вид ясно свидетельствовал о настрое его души.

Когда городские ворота открылись, Цинна вступил в Рим, а Марий остановился у ворот и со злобной усмешкой заметил, что он изгнанник и закон возбраняет ему входить в родной город. Граждане тут же поспешили созвать на площади народное собрание и отменить приговор о его изгнании. Когда же Марий со своим войском наконец вошел в город, начался террор. Пять дней и пять ночей в Риме продолжалась резня, а за теми, кто успел ускользнуть, еще несколько месяцев охотились по всей Италии. Консул Октавий не пожелал бежать и ожидал убийц на Яникуле в консульском

убранстве. Луций Мерула, назначенный против своей воли в консулы на место Цинны, сняв с себя жреческую повязку, вскрыл себе вены у храма Юпитера, жрецом которого состоял. Оратор Марк Антоний, дед триумвира, нашел убежище у своего бедного приятеля, и тот послал раба за хорошим вином, которое обычно не покупал. Это вызвало удивление продавца вина; на его вопрос раб чистосердечно ответил, что господин хочет угостить укрывшегося у него Антония, а продавец донес об этом Марию. При этом известии Марий, сидевший за ужином, захлопал в ладоши, и друзьям едва удалось остановить его, поскольку он хотел сам отправиться к убежищу Марка Антония и убить его собственной рукой. За Антонием был послан отряд солдат; они убили беднягу на месте, отрезали голову и принесли Марию. Лутаций Катул, бывший сподвижник Мария и участник его триумфа над кимврами, удушил себя угарным газом, после того как Марий на все ходатайства их общих друзей отвечал только: «Он должен умереть».

Месть совершенно затуманила рассудок престарелого мужа, который в винных парах заглушал голос человечности. Сопровождаемый шайкой рабов, ходил Марий по улицам в поисках жертв, и на чей поклон он не отвечал, того убивали. Обезглавленные трупы валялись на улицах, отрубленные головы прибывали на площади к ораторской трибуне. Некоторые тела Марий велел таскать по площади, а тело Гая Цезаря по его приказанию было при погребении проколото еще раз. Его телохранители, бывшие рабы, проникли в дома вчерашних своих господ, грабили и убивали, бесчестили женщин и детей. Для остальных вождей партии это безумное неистовство старика сделалось невыносимым. Жена и дети Суллы успели спастись, но почти все другие родственники и друзья погибли. Дома и виллы его были разрушены, имущество конфисковано, распоряжения и законы отменены.

Сбылись все задушевные желания Мария: он вполне отплатил врагам своим, которые так часто его оскорбляли и ввергли в бедствия. Он в седьмой раз стал консулом благодаря надежде, которая поддерживала его среди опасностей и скитаний; но его тяготили ненависть и проклятия едва ли

не всех римлян — даже близкие сподвижники, ужаснувшись происходящего, отвернулись от него. В минуты просветления, по-видимому, его мучила совесть и беспокоила мысль о возмездии. Он потерял сон и все больше пил, его тревожили ночные видения. Болезненное состояние усиливалось, наконец он впал в горячку и в диком бреде воображал себя среди криков и ликований, будто он командует на поле сражения. После семидневной болезни он скончался на семидесятом году жизни, на семнадцатый день своего седьмого консульства.

Вся Италия вздохнула свободно при вести о его кончине и проводила его в могилу всяческими проклятиями. Забыт был прославленный избавитель от кимвров; поминали только с ненавистью и омерзением жестокого тирана, от которого наконец отделались. Да и для него самого было, надо думать, счастьем, что он не дожил до дней, когда явился Сулла, чтобы свести счеты со своими врагами.

Сулла, к огорчению своему, вынужден был удовольствоваться приказом выбросить прах Мария в воды Анио.

Луций Корнелий Сулла

Луций Корнелий Сулла родился в 138 году до Р. Х., он происходил из пришедшего в упадок старинного аристократического рода. У него даже не было собственного жилья, и молодым человеком он жил на квартире, деля дом с неким отпущенным. Одна блудница и мачеха своими завещаниями несколько поправили его денежные дела, но богатым сделался он только в Югуртинскую войну. Отец его и ближайшие предки не ознаменовали себя никакими подвигами и вообще ничем не отличились, и сначала казалось, что и он не чувствовал в себе особенного призвания оправдать притязания своего сословия. Сулла основательно изучил греческую и латинскую литературу, которой не переставал интересоваться всю свою жизнь, он любил общество актеров и шутов, танцовщиц и певиц, принимал участие в их кутежах и попойках, соревнуясь с ними в шутках и островах. Эту слабость сохранил он до конца своей жизни. Уже буду-

чи неограниченным властителем Рима, он ежедневно собирал вокруг себя людей, причастных к сцене, и не терпел за своим столом никакого серьезного разговора.

Сулла был красивый мужчина, высокого роста, с голубыми глазами и светло-русые волосы, но вследствие распутной жизни он преждевременно состарился. Его бледное лицо было обезображено отвратительной сыпью, так что один остряк в Афинах сравнил его в стихах с тутовой ягодой, обсыпанной мукой. Он как бы шутя усваивал то, что другим давалось лишь с трудом. На это он и полагался и, предавшись наслаждениям и не питая честолюбивых замыслов, плыл по течению, пока обстоятельства не вызвали его к деятельности.

Сулле было тридцать лет, когда он определен был квестором Мария в Югуртинскую войну. Марий был недоволен, что ему для столь трудной войны дали в помощники такого неженку, но скоро ему пришлось изменить свое мнение. Сулла снискал любовь солдат простотой, любезным обращением и умением пошутить в трудный момент; в походах он постоянно искал с ними сближения, но, приобретая авторитет у солдат, он не подрывал авторитета других командиров. Он отлично сражался при Цирте, где Марий разбил Югурту и Бокха, и когда затем Бокх вступил в переговоры с римлянами, то Сулла, который послан был к нему для переговоров, сумел благодаря своей смелости и ловкости повернуть дело так, что Югурта был выдан. Ревность, возникшая, как полагают, по поводу этой удачи Суллы между ним и Марием, не была настолько значительна, чтобы перейти в открытую вражду. Непосредственно после окончания Югуртинской войны в 104 году мы снова видим Суллу легатом и в следующем году военным трибуном в войске Мария; только в 102 году добрые отношения между ними, по-видимому, поколебались, и Сулла перешел под начало Лутация Катула, чьи легионы стояли тогда в Северной Италии. Здесь он отличился смелыми набегами против альпийских племен и в скором времени стал душой войска Катула, человека честного, но далекого от военного дела. Сулла, несомненно, более своего полководца способствовал победе на Равдийских полях.

Народ прочил Суллу на должность эдила, надеясь, что он, как друг царя Бокха, будет на эдильских игрищах тешить зрителей видами охоты и боями гладиаторов с африканскими хищными зверями. Но он отказался от звания эдила, и народ, не пожелавший этого понять, провалил его на выборах на должность претора, которой он добивался. Следующий, 93 год был для Суллы счастливее, ибо его все-таки избрали претором, и тогда он, не жалея денег, устроил желанные игрища. Сто львов, подаренных Бокхом, выставлены были в цирке напоказ народу, впервые без цепей, и убиты искусными копьеметателями, также присланными Бокхом. По истечении срока претуры в 92 году Сулла был послан пропретором в Киликию, где судьба снова столкнула его с Марием. Когда Митридат завладел Каппадокией, то не Марию, а пропретору Сулле было поручено вернуть на трон изгнанного царя Ариобарзана. С небольшим войском Сулла завоевал Каппадокию и восстановил правление Ариобарзана. Это предприятие обратило на римлянина внимание парфянского царя Арзака, снарядившего к Сулле, стоявшему тогда на Евфрате, посольство, чтобы завязать дружественные отношения с Римом. Таким образом, Сулла был первым римлянином, с которым парфяне вступили в переговоры. Чтобы дать варварам почувствовать величие Рима, Сулла велел во время переговоров поставить три кресла и сам, заняв среднее, почетное, пригласил сесть по одну сторону парфянского посла Оробаза, а по другую — Ариобарзана. Впоследствии разгневанный парфянский царь велел отрубить Оробазу голову — за то, что тот согласился на такое унижение.

По возвращении из Азии у Суллы начались столкновения с Марием, которому возраставшая слава молодого соперника казалась все более опасной. Царь Бокх посвятил Капитолию группу статуй, изображавших выдачу Югурты Сулле; это задело Мариа, и он постарался удалить статуи из храма. Тут пришла пора возмутиться Сулле, и только Союзническая война остановила на время разгорающийся конфликт.

Тем временем поднял голову опаснейший враг римлян царь Митридат VI Евпатор, именуемый также Великим. Он расширил свои владения во все стороны и основал в север-

ной части Черного моря, в Крыму и прилежащих местностях, Боспорское царство. На востоке он присоединил к своим владениям Малую Армению и заключил союз с царем Армении Тиграном, за которого выдал дочь свою Клеопатру. В Малой Азии Митридат захватила Каппадокию и Пафлагонию.

Митридат понимал, что политика римлян в Азии угрожает независимости его государства, и стал готовиться к войне. Его обширные земли доставляли ему в изобилии людей и деньги. Во главе его войска стояли отличные полководцы — такие, как, например, братья Неоптолем и Архелай. Живущие окрест причастные к греческой культуре народы извещали готовность стать подданными победоносного царя, который провозглашал себя поборником и освободителем эллинов. Они посылали к нему, называя его «спасительным богом», свои депутации; они захватывали римских офицеров и отправляли их в кандалах к Митридату. И однажды царь приказал перебить в подвластных ему землях всех италийцев, свободных и несвободных, без различия пола и возраста, трупы их бросить на съедение птицам, а имущество конфисковать и разделить — половину тому, кто убьет выходца из Италии, половину в царскую казну. Таким образом, в один день было умерщвлено почти 150 тысяч мужчин, женщин и детей; местное население с наслаждением убивало римлян, которые так долго его притесняли.

К 88 году до Р. Х. Митридат стал единственным властителем Малой Азии, и флот его господствовал на Восточном море. Он послал полководца своего Архелая с войском и флотом в Грецию и добился того, что афиняне отошли от Рима и примкнули к нему. Начальствовать над городом был назначен Афенион, философ низкого происхождения; он преследовал всех богатых и знатных людей, обвиняя их в приверженности Риму, и отбирал у них имущество.

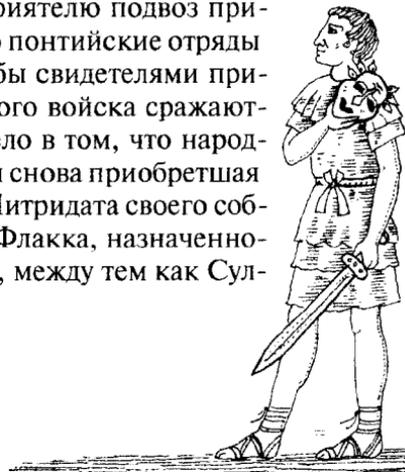
В Риме в это время свирепствовала гражданская война, и никому не было дела до Митридата. Только весной 87 года Сулла с пятью легионами общей численностью около 30 тысяч человек высадился у берегов Эпира. В Беотии он разбил Архелая и Афениона и затем овладел почти всей Грецией, за исключением Афин и Пирея. Разослав неболь-

шие отряды по стране, он с главными силами осадил Афины и порт Пирей.

В Афинах вскоре начался голод и недостаток во всем; люди ели траву и изделия из кожи, вываривали пустые бутылки от масла, чтобы добыть остатки. Афенион, однако, предавался разгулу и целыми днями пировал, позволяя себе издеваться над согражданами, не сделал исключения даже для верховной жрицы — когда она попросила у него полмеры пшеницы, он послал ей столько же перцу. При этом он распорядился, за недостатком масла, загасить священную лампаду богини Афины, а членов магистрата и жрецов, моливших его сжалиться над городом, велел разгонять выстрелами из лука. После долгих колебаний он решил наконец вступить в переговоры и послал для этого своих собутыльников, которые вместо того, чтобы молить о пощаде, начали хвастаться деяниями афинян против персов. Сулла прервал их, сказав: «Ступайте, глупцы, назад с вашими красивыми речами. Римляне послали меня в Афины не учиться, а наказывать».

1 марта 86 года Сулла предпринял штурм и взял Афины. Многие горожане в отчаянии кончали самоубийством, ибо думали, что он сотрет строптивый город с лица земли. Однако Сулла проявил милосердие; он лишь разрушил важные для торговли и судоходства постройки в Пирее и стены, соединявшие порт с Афинами.

После падения Афин война перенесена была в Беотию. Таксил, полководец Митридата, выступил со 100 тысячами человек пехоты, 10 тысячами всадников и 90 боевыми колесницами и отозвал подчиненного ему Архелая, стоявшего со своими кораблями у Пирея. Архелаю не хотелось воевать с римлянами на суше; он советовал избегать сражения, затянуть войну и преградить неприятелю подвоз припасов. Если бы его совет был принят, то понтийские отряды в скором времени, быть может, стали бы свидетелями приятного зрелища, как два отряда римского войска сражаются между собой на греческой земле. Дело в том, что народная партия в Риме, после отъезда Суллы снова приобретающая господство, послала в Грецию против Митридата своего собственного полководца Марка Валерия Флакка, назначенного консулом на место умершего Мария, между тем как Сул-

ла был отрешен от должности. Приходилось, таким образом, ожидать столкновения этих двух противников и их войск, причем Сулла из-за недостатка денег и припасов должен был опасаться неповиновения и измены в своем войске. Для него поэтому было как нельзя более кстати, что Таксил, вопреки совету Архелая, хотел действовать быстро. Сулла выступил в Беотию и дал Таксилу и Архелаю с войском втрое меньше, чем у них, битву при Хероне, в которой одержал полную победу. От армии Митридата едва спаслись 10 тысяч человек, тогда как собственные потери Сулла оценивает, конечно занижая, только в 12 человек.

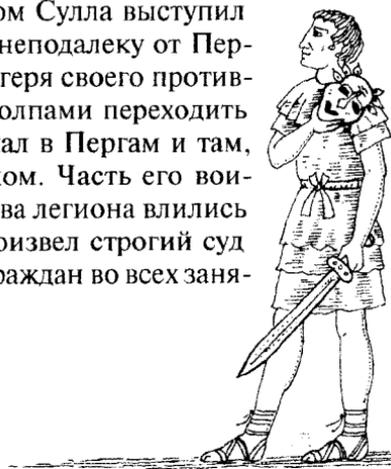
Когда Сулла после битвы при Хероне направился в Фессалию навстречу войску Флакка, то получил известие, что новая армия царя, не уступающая прежней по численности, опустошает земли, лежащие в его тылу. Полководец Митридата Дорилай с флотом, в котором находилось 80 тысяч человек, пристал к Халкиде и завладел Беотией. Он хотел заставить Суллу принять сражение, не обращая внимания на предостережения Архелая. Сулла пошел назад, в Беотию, и при Орхомене встретил войско неприятеля. Многочисленная конница с яростью ринулась на римскую пехоту; она заколебалась, и многие обратились в бегство. Тогда Сулла соскочил с лошади и прорвался к неприятелю сквозь ряды бегущих, восклицая: «Для меня, римляне, слава в том, чтобы умереть здесь. Вы же, когда вас спросят, где вы изменили своему полководцу, скажете, что при Орхомене». Пример полководца воодушевил римлян: неприятель был отброшен и заперт в своем лагере, который на следующий день взяли штурмом. Большая часть войска Митридата пала под римскими мечами или утонула в окрестных болотах.

Греция была потеряна для Митридата, да и в Малой Азии положение его пошатнулось. Местные жители, которые встречали его как своего спасителя и освободителя, вскоре убедились, что иго деспотичного царя гораздо тяжелее, чем власть римлян, и поднимали против него восстание за восстанием. Еще хуже все стало, когда римское войско под командованием Квинта Флавия Фимбрия, убившего Валерия Флакка и захватившего бразды правления, переправилось на азиатский берег. Фимбрий, дурной человек, но дель-

ный полководец, разбил войско царя в ночном сражении и вынудил его к бегству из Пергама. К концу 85 года Митридат потерял и свое превосходство на море. Тогда он попытался вступить с Суллой в переговоры. Зимой 85—84 годов Архелай встретился с Суллой в беотийском Делионе. Сулла потребовал, чтобы царь возвратил все завоеванные земли в Малой Азии — Каппадокию, Пафлагонию, Вифинию, Галагию и римскую провинцию Азию, уплатил 2 тысячи талантов за военные издержки, выдал пленных и дезертиров и 70 военных кораблей с полным вооружением. За это Митридату обещано было сохранить остальные его земли и гарантирована защита его чести. Митридат отверг эти условия — он хотел, чтобы ему, по крайней мере, оставлены были Пафлагония и корабли; царь велел передать Сулле, что Фимбрий предлагал условия гораздо более выгодные; впрочем, когда Сулла прервал переговоры и переправился с войском в Азию, Митридат, по совету Архелая, принял предложенный мир. Впоследствии он жалел, что ответил согласием, так как полагал, что при большей выдержке сумел бы добиться больших уступок, и обвинял Архелая в измене, чем спровоцировал его на побег к римлянам.

Войско Суллы было недовольно договором с Митридатом; оно роптало, что варвару, истребившему множество римлян, дозволили безнаказанно удалиться с большей частью награбленного им в Азии добра. При других обстоятельствах Сулла не показал бы себя столь уступчивым; но он опасался сговора Митридата и Фимбрия. А кроме того, Сулла не хотел медлить с возвращением в Италию, поскольку боялся, что страна уплывет из его рук, пока он будет гоняться за Митридатом.

После заключения мира с Митридатом Сулла выступил против Флавия Фимбрия. У Феатейри, неподалеку от Пергама, он расположился лагерем подле лагеря своего противника, и сразу солдаты Фимбрия стали толпами переходить к Сулле. Фимбрий в конце концов бежал в Пергам и там, в храме Асклепиода, пронзил себя мечом. Часть его воинов поступила на службу к Митридату, два легиона влились в войско Суллы. После этого Сулла произвел строгий суд над изменниками и убийцами римских граждан во всех заня-

тых им областях. Плательщикам податей было велено немедленно внести числившиеся за ними за последнее пятилетие недоимки. Весной 83 года Сулла выступил в обратный путь в Италию. Он отправился из Эфеса в Пирей, по суше прибыл в Диррахиум и отсюда морем пошел в Брундузиум. Войско его состояло из 40 тысяч человек. Два легиона, доставшиеся ему от Фимбрия, он оставил в Малой Азии под началом Луция Лициния Мурены, так как не был уверен в их верности в предстоявшей войне за обладание Римом.

Между тем Цинна, избравшийся с 87 года четыре раза консулом, мало что сделал для упрочения своей власти в Риме. Только когда в 84 году Сулла письмом к сенату возвестил о своем скором возвращении и открыто заявил, что ничего не простит своим врагам, Цинна и другие вожди его партии очнулись и решили собрать войско и сразиться с Суллой. Но когда Цинна прибыл со своими отрядами в Анкону, произошел бунт, и он был убит. На следующий год, 83 год, партия Цинны избрала консулами Квинта Норбана и Луция Сципиона, совершенно неопасных для Суллы в качестве соперников.

Чтобы хотя бы отчасти лишить своих противников поддержки со стороны италийских племен, Сулла объявил, что признает все права италийцев, которые они приобрели в последние годы, и с некоторыми племенами заключил договоры; высадившись в Брундузиуме, он на пути через Калабрию и Апулию в Кампанию шадил людей, города, поля и плоды. Близ Капуи выступил против него со своим войском консул Норбан и был разбит. Другой консул, Сципион, правнук Сципиона Африканского, вступил в переговоры; тем временем войска Суллы, двадцать когорт, смешались с сорока когортами противника и сумели без боя привлечь их на свою сторону. Покинутый Сципион с сыном попали в плен. Сулла отпустил их, впрочем, на свободу. Рассказывают, что по этому поводу Гней Папирий Карбон, один из самых дельных вождей демократической партии, выразился, что в лице Суллы ему приходится бороться с лисицей и со львом, но больше хлопот причиняет ему лисица.

В 82 году, когда консулами стали Папирий Карбон и не достигший еще 30-летнего возраста Гай Марий, сын знаме-

нитого Мария, боевые действия разгорелись с новой силой. Но Сулле и здесь сопутствовала удача. Марий после поражения был осажден в Пренесте, расположенном к востоку от Рима, а Карбон бежал в Африку. Сулла занял Рим; правда, спокойной жизни себе этим не обеспечил. Самниты и луканы, сражавшиеся на стороне Мария, после напрасной попытки освободить Пренесте от осады направились на Рим, дабы искоренить «лес, в котором хищные волки италийской свободы имели свои притоны». 1 ноября 82 года у Коллинских ворот произошла кровопролитная битва, во время которой предводительствуемый Марком Крассом правый фланг армии Суллы разбил неприятеля, между тем как войска на левом фланге под командой самого Суллы отступили под сильным напором неприятеля. Сулла чудом остался жив: вражеское копьё задело его коня. Видя свои отряды бегущими, он схватил маленький золотой образ Аполлона, привезенный из Дельф, поцеловал его и проговорил: «О, Аполлон Пифийский, неужели Корнелий Сулла, которого ты возвеличил и прославил в столь многих сражениях, будет ниспровергнут здесь перед воротами его родного города, которых он достиг с твоей помощью?..» Сулла заклинал бегущих солдат остановиться, грозил им, некоторых удерживал своими руками, но все напрасно; наконец он побежал вместе со всеми и укрылся в лагере.

Он горевал о поражении, когда поздней ночью к нему явились посланцы Красса и возвестили, что положение совсем не так безнадежно. Тогда Сулла на скорую руку собрал свои силы и вышел навстречу неприятелю. Битва продолжалась всю ночь и следующее утро. Утверждается, что каждая из сторон потеряла до 50 тысяч убитыми и ранеными. Вождь самнитов Понций, тяжело раненный, попал в плен к неприятелю и был умерщвлен. Сулла поставил себе задачей стереть с лица земли враждебный римлянам народ самнитов. На третий день после битвы он велел в Риме на Марсовом поле огородить место и там изрубить пленных самнитов и луканов — всего три-четыре тысячи человек. В это время в храме Беллоны по соседству заседали сенаторы и как раз выступал Сулла. Звон оружия, крики и стоны несчастных испугали сенаторов. Сулла успокоил их, сказав, что велел наказать

нескольких бунтовщиков, и как ни в чем не бывало продолжал свою речь.

Битва при Коллинских воротах, в сущности, положила конец гражданской войне в Италии. Гарнизон Пренесте сдался при известии об этой битве. Консул Марий пытался спастись из города через подземный ход; когда же он увидел, что бежать невозможно, то вместе с Понцием Телезином, младшим братом вождя самнитов, они решили одновременно пронзить друга друга мечами. Телезин упал замертво, но Марий был только легко ранен, так как инстинктивно отвел удар рукой. Тогда, по его приказанию, он был умерщвлен рабом. Голова Мария была выставлена в Риме на ораторской трибуне.

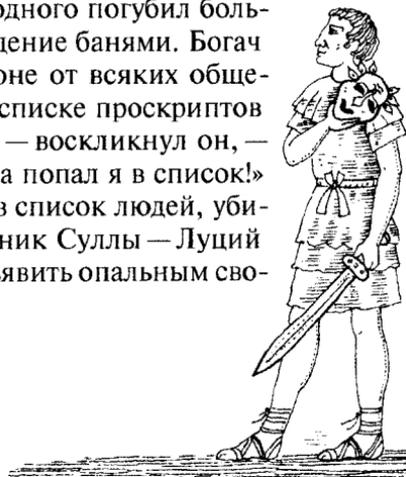
Жителей Пренесте и воинов, защищавших город, всего 12 тысяч человек, Сулла велел истребить поголовно. Узнав о несчастной судьбе Пренесте, другие города Италии защищались с большим упорством, но без успеха. В провинциях борьба против Суллы продолжалась благодаря бежавшим из Италии марианцам: в Испании ее возглавил Серторий, в Сицилии — Перпера и Карбон, в Африке — Домиций Агенобарб, зять Цинны. Последние трое были побеждены Гнеем Помпеем — Карбона он взял в плен и казнил, а Агенобарб пал в битве. В это же время оставленный Суллой в Азии Мурена необдуманно выступил против Митридата, но был разбит, и по приказанию Суллы военные действия были прекращены.

Сулла теперь властвовал в Италии. Первым делом он письменно объяснил сенату, что ему кажется необходимым предоставить устройство республики одному человеку, облеченному неограниченными полномочиями, и этим человеком он считает себя. И сенат объявил его диктатором — для составления законов и устройства общественного порядка (82 год). В этом качестве Сулла начал с мщения своим врагам, и в Риме наступили времена ужаса. Были составлены поначалу тайные опальные списки — проскрипции; вошедшие в них граждане были лишены покровительства законов. Убивший кого-либо из проскриптов получал денежное вознаграждение; укрывавший проскрипта, хотя бы то был ближайший родственник, подлежал смертной казни.

Имущество лиц, попавших в опалу, переходило государству, подобно добыче на войне, а дети и внуки их лишались прав на занятие каких-либо должностей.

В Риме и по всей Италии началась охота на людей. Ни храмы, ни родительские дома — ничто не могло спасти несчастных: мужей убивали на глазах жен, сыновей — у ног матерей. Плач по убитым считался преступлением; наказывалось даже сочувственное выражение лица. Так погибли тысячи людей. Тогда один из полководцев римлян в Союзнической войне Метелл Пий спросил Суллу в сенате, сколько еще времени он намерен продолжать бойню. «Мы, — сказал Метелл, — просим не о милости для тех, кого ты решил умертвить, а об избавлении от неизвестности тех, кого ты хочешь оставить». Сулла ответил, что он не знает еще, кого следует пощадить, на что Метелл возразил: «Ну так объяви о тех, кого ты хочешь наказать». Сенатор Центурий Фуфиллий предложил написать имена осужденных, для всеобщего обозрения, на доске. Сулла согласился; была вывешена доска с 80 именами, через два дня новая с 220 именами, затем на третий день новая с меньшим числом имен. Но и этого оказалось мало; диктатор обратился к народу и заявил, что пока предает опале лишь тех, кого помнит; имена же тех, кто сейчас ускользнул из его памяти, будут преданы огласке в следующий раз.

Таким образом, оглашение проскрипционных списков не принесло успокоения; тем более что убийцы мало обращали внимания на списки. Кроме того, друзья и пособники Суллы вносили в эти списки всех, кого хотели, даже людей, которые вообще никогда не выступали против диктатора. Многие погибли единственно из-за своего имущества — их убийцы имели дерзость говорить, что одного погубил большой дом, другого — сад, третьего — владение банями. Богач Квинт Аврелий, державшийся в стороне от всяких общественных дел, пришел на площадь и в списке проскриптов прочел свое имя. «Горе мне, бедному, — воскликнул он, — из-за моего имения у Албанского холма попал я в список!» Тут же его убили. Некоторые вносили в список людей, убитых ими ранее. Так, близкий сподвижник Суллы — Луций Сергий Катилина просил диктатора объявить опальным сво-

его брата, которого он уже умертвил из корыстолюбия. Катилина вообще отличался особенной кровожадностью; голову убитого им Марка Мария он лично поднес Сулле, когда тот сидел на площади, и затем отправился в соседний храм Аполлона, чтобы в кропильнице вымыть руки.

Отобранное имущество опальных Сулла оставлял себе или дарил своей жене Метелле, друзьям и собутыльникам, женщинам, актерам и певцам; многое продавалось с молотка, причем превосходнейшие имения сбывались за ничтожную цену. На всем этом весьма нажился Марк Красс, будущий триумvir. Сколько людей погибло из-за проскрипций, точно определить невозможно. Аппиан говорит, что в первую волну репрессий расправам подверглись до 40 сенаторов и 1600 аристократов, а впоследствии еще другие сенаторы.

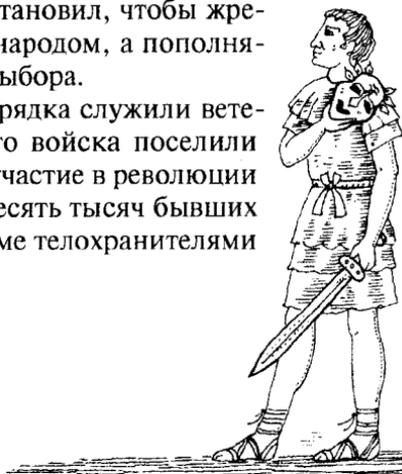
Наказав должным, как он считал, образом своих врагов, Сулла отпраздновал 29 и 30 января 81 года триумф над Митридатом; за его колесницей следовали знатные римляне, украшенные венками, — они называли диктатора спасителем и отцом, вернувшим им отечество и возвратившим жен и детей. Во время торжества Сулла обратился к народу с речью, в которой превозносил главным образом свою удачу. Он предложил называть себя отныне Феликсом, то есть счастливым, и с тех пор носил это имя, равно как и прозвище Эпафродит — любимец Афродиты. Считая себя баловнем судьбы, он рожденных ему Метеллой близнецов назвал Фаустом и Фаустой — именами, обозначающими счастливых. Посвятив затем Геркулесу десятую часть всего своего имущества, Сулла несколько дней подряд угощал народ с невероятной расточительностью, так что ежедневно приходилось бросать в реку множество кушаний; подавалось сорокалетнее вино. Среди этих пиршеств умерла его супруга Метелла. Чтобы не омрачить дома своего трауром, Сулла послал больной женщине разводную и, когда началась агония, велел перенести ее в другой дом.

Через несколько месяцев после смерти Метеллы в театре, во время представления, к диктатору подошла красивая женщина по имени Валерия, недавно разведенная с мужем, вытащила нитку из его одеяния и села на свое место. Сулла с удивлением посмотрел на нее, и она сказала: «Повелитель, у меня нет дурного намерения, я лишь хочу получить малую

долю твоего счастья». Женщина эта произвела такое впечатление на Суллу, что он вскоре на ней женился. Валерия стала его пятой женой. Впрочем, и после этой женитьбы он продолжал водиться с актрисами, лютнистками и танцовками и целыми днями пировал с ними.

Но, ведя веселую жизнь, диктатор не забывал и дел государственных. Очитив себе почву убийствами, он восстановил господство аристократии. Число сенаторов он увеличил до 500—600 человек, проведя закон, по которому не только звание эдила, но и квестора давало право на сенаторское звание; число же квесторов было доведено до двадцати. Сенат получил большую часть судебной власти, управление провинциями, руководство войсками и отнятое у трибунов право предлагать новые законы. Трибунская власть была ограничена тесными пределами. Обращаться к народу трибуны могли теперь лишь с дозволения сената; кроме того, Сулла издал закон, по которому всякий бывший трибуном терял право добиваться какой-либо высшей должности. Отныне оба консула и преторы, число которых увеличилось до восьми, могли быть, по определению сената, посланы проконсулами и преторами в провинции лишь по отбытии ими годовой службы в Риме. При выборах на должности был восстановлен возрастной ценз и обязательность последовательного прохождения должностных ступеней (квесторство, преторство, консульство); между двумя неодинаковыми должностями должно было пройти по меньшей мере два года, для занятия вторично той же должности — десять лет. Этим ставился заслон тому, чтобы один человек, бывший несколько лет подряд консулом, захватил себе всю власть. Сулла увеличил также число верховных жрецов, авгуров и смотрителей Сивиллиных книг и постановил, чтобы жреческие коллегии не избирались более народом, а пополнялись, как прежде, путем собственного выбора.

Оплотом установленного Суллой порядка служили ветераны, которых в качестве постоянного войска поселили в италийских общинах, наказанных за участие в революции лишением прав гражданства, а также десять тысяч бывших рабов опальных граждан, ставшие в Риме телохранителями олигархии.

Впрочем, законодательство Суллы, за исключением уголовных законов, просуществовало недолго. Оно было направлено исключительно на восстановление старых порядков и власти аристократии, а аристократия была слишком испорчена для того, чтобы быть основой и душой государства.

В 79 году Сулла сложил с себя звание диктатора, выразив при этом готовность дать во всех своих решениях отчет, которого, конечно, никто не отважился потребовать. Он удалился в свое имение ПUTEОЛЫ и в следующем году, не дожив до шестидесяти лет, умер от болезни, порожденной распутством и невоздержанностью. За два дня до смерти он окончил двадцать вторую книгу своих «достопримечательностей», заметив в ней, что осуществилось предсказание халдеев о том, что он умрет среди блеска счастья, после жизни, исполненной славы.

Консул Марк ЛЕПИД, человек отважный и противник Суллы, и другие враги бывшего диктатора отказывали покойному в публичном погребении. Вожди сенатской аристократии консул КАТУЛ, Луций ЛУКУЛЛ, Помпей и другие поняли, что в случае, если те настоят на своем, все учреждения Суллы подвергнутся опасности, и при помощи призванных в Рим ветеранов добились торжественных похорон на Марсовом поле. По-царски убранное тело на золотых носилках было перенесено из ПUTEОЛОВ в Рим, где было встречено сенатом, магистратами, жрецами и весталками. Сенаторы понесли носилки на Марсово поле. Здесь труп был сожжен. А Сулле воздвигли памятник, для которого он сам сочинил надгробную надпись, гласившую: «Здесь лежит человек, который более, чем кто-либо из других смертных, сделал добра своим друзьям и зла врагам».

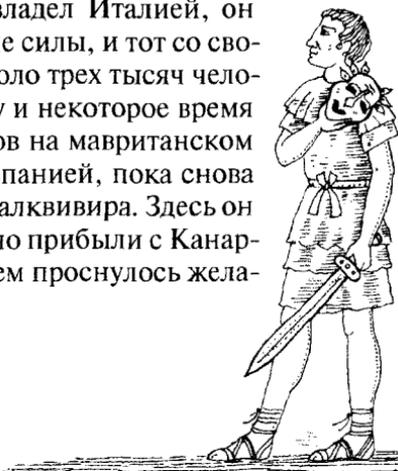
Квинт Серторий

Квинт Серторий был сторонником Гая Мария. Он родился в сабинском селении Нурсиа, рано лишился отца и воспитывался матерью, к которой всегда питал самую нежную любовь. В молодости он приобрел себе некоторую

известность в качестве оратора и адвоката в Риме, но удача на поле сражения побудила его посвятить себя военному поприщу. Его боевой путь начался с похода против кимвров, в Галлии. В роковой для римлян битве при Араузионе в 105 году он, несмотря на раны и тяжелый панцирь, сумел переплыть реку и спастись. В 102 году он служил при Марии и своим умом и отвагой снискал расположение полководца и разные отличия. В Испании он в качестве военного трибуна действовал столь успешно, что слава о нем распространилась по всей стране и он по возвращении в Рим был назначен квестором в Галлию. В Союзническую войну он сражался с великой храбростью, хотя потерял глаз. Аристократы, приверженцы Суллы, противодействовали быстрому возвышению молодого человека, который не мог похвалиться заслугами предков. Они поспособствовали тому, что на выборах народного трибуна он потерпел неудачу. Впрочем, это обстоятельство едва ли может считаться главной причиной, почему Серторий перешел на сторону народной партии.

В 87 году он примкнул к Цинне, выступившему против Суллы. Вместе они сражались против консула Гнея Октавия, подверглись изгнанию и затем снова с Марием возвратились в город. В Риме Серторий старался положить предел свирепым неистовствам Мариа. Но когда после смерти Цинны борьбу с возвратившимся из Азии Суллой возглавили Норбан, Сципион и молодой Марий, которые портили все дело своим бездарным руководством, Серторий решил, что Италия обречена, и отправился в Испанию. Он старался сохранить для своих единомышленников по крайней мере эту страну, чтобы они могли найти там убежище, если их дело будет проиграно в Риме.

Но как только Сулла полностью овладел Италией, он отправил против Сертория значительные силы, и тот со своей небольшой армией численностью около трех тысяч человек переправился из Испании в Африку и некоторое время провел в обществе киликийских пиратов на мавританском берегу и островах между Африкой и Испанией, пока снова вступил на испанский берег у устья Гвадалквивира. Здесь он встретился с матросами, которые недавно прибыли с Канарских островов, и после их рассказов в нем проснулось жела-

ние отправиться туда, чтобы вдали от суеты мира прожить дни свои в покое. Вследствие этого от него отделились киликийцы, заботившиеся не об успокоении, а о добыче; его собственные воины также не одобрили это намерение, и Серторию пришлось возвратиться на Мавританию и принять участие в войне, которую вели между собой два претендента на престол этой страны. Он завоевал город Тингис (ныне Танжер) и утвердился в нем. В то время, когда он раздумывал, куда бы ему отсюда направиться, пришло предложение от лузитанцев, одного из пиринейских племен, возглавить их армию в войне, которую они вели против Суллы. Серторий с отрядом в 2600 воинов, названных им римлянами, хотя среди них было 700 ливийцев, переправился в Лузитанию, где его ждали 4 тысячи человек пехоты и 700 всадников. Так образовалось ядро того войска, с которым ему предстояло наводить страх на своих противников.

Девять лет продолжалась война, которую Серторий вел в Испании. Со своей легкой, привычной к передвижению в горах армией, которую он то собирал в единый кулак, то разделял на небольшие отряды, он неустанно тревожил неприятельское войско: устраивал засады на дорогах, напал на обозы с продовольствием, совершал обманные маневры и ударял там, где его не ждали. С мужеством и отвагой соединял он хитрость и предусмотрительность.

Военная удача привела на сторону Сертория многие племена. Особенное впечатление он производил на грубые и наивные умы варваров, демонстрируя ручную олениху, которая повсюду за ним следовала и являлась по его зову. Он выдавал ее за существо высшего рода и утверждал, что она дар Дианы, что она открывает ему вещи сокровенные, указывает, когда вступать в бой, и т. п. Таким образом, испанцы полагали, что ими руководит не ум чужестранца, а само божество.

Римские правители обыкновенно давали испанцам почувствовать гнет римского господства, но Серторий проявил небывалую мягкость — там, куда распространилась его власть, он уменьшил налоги и освободил обывателей от бремени военного постоя. Знатных испанцев он привязал к себе учреждением школы в Оске, в которой их сыновья обучались

греческим и римским наукам; с другой стороны, эти мальчишки удерживались при нем в качестве заложников. Солдат из местных жителей он расположил к себе отчасти тем, что дал им римское вооружение, блестящие, изукрашенные золотом и серебром шлемы, красиво расписанные щиты, вышитые одеяния. У испанцев, как у кельтских племен, существовал военный обычай, по которому вокруг предводителя собирался отряд посвященных, которые не покидали своего вождя ни при жизни, ни при смерти. Такой отряд телохранителей-испанцев образовали вокруг и Сертория.

О том, как Серторий действовал на своих людей, свидетельствует следующий пример. Однажды его армия без приказа пошла в атаку на неприятеля. Не успев помешать этому, Серторий устроил так, что воины, участвовавшие в схватке, хотя и потерпели поражение, смогли с наименьшими потерями отступить в лагерь. Через несколько дней он собрал свои отряды и велел вывести на середину двух лошадей: одна от старости едва держалась на ногах, другая — рослая и сильная с великолепным и толстым хвостом. К старой лошади был приставлен крепкий мужчина, к сильной — маленький и невзрачный. По сигналу силач уперся и стал тянуть хвост умирающей клячи с явным намерением вырвать его с корнем одним махом; другой же мужчина выдергивал из хвоста своей лошади волосок за волоском. И в то время как первый, к великой потехе зрителей, потратив много напрасных усилий, вынужден был наконец прекратить свои старания, второй без труда выщипал весь хвост. Тогда Серторий сказал: «Вы видите, собравшиеся мужи, что терпение и настойчивость вернее ведут к цели, нежели сила. Многое, что с одного раза неосуществимо, может, однако, быть достигнуто малопомалу, исподволь. Упорство одолевает и превозмогает всякую силу. Для тех, которые с мудрым расчетом выжидают благоприятные моменты, время — союзник, для тех же, которые чересчур спешат и торопятся, время — весьма опасный противник».

После того как Серторий нанес нескольким полководцам Суллы значительные поражения, тот в 79 году послал в Испанию Квинта Метелла Пия, который прежде показал себя дельным полководцем. Метелл надеялся быстро

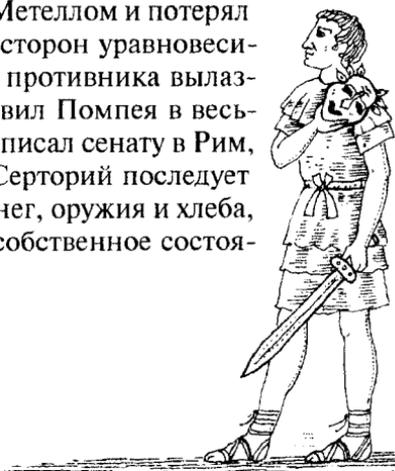
покончить с «беглым проскриптом, остатком шайки Карбона», но скоро, однако, противник поставил его в весьма затруднительное положение. Серторий делал все, чтобы лишить воинов Метелла доступа к воде, и мешал им добывать фураж. Когда Метелл намеревался вступить в битву, он уходил и исчезал, но стоило римскому войску расположиться лагерем, как отряды Сертория возникали, словно из-под земли, и заставляли его сняться с места. Ко всему прочему Серторий вызвал Метелла на поединок, а тот вызов отверг, после чего на него обрушились обвинения в трусости. Солдатам Метелла такая война вскоре наскучила, дух их упал, они в открытую насмеялись над своим военачальником. Силы Метелла были совершенно парализованы, и Серторий постепенно овладел всей Испанией. Он устроил управление страной по своему усмотрению, творил суд и расправу, принимал посольства, набирал войско и оставлял в городах гарнизоны.

В 77 году армия Сертория получила подкрепление в виде легионов Марка Перперны, бывшего легатом у Марка Лепида. Когда Лепид, изгнанный из Италии, удалился в Сардинию и там погиб, Перперна перебрался с его армией в Испанию, где довел ее численность до пяти легионов. Кичась своим знатным происхождением, он хотел получить здесь главное начальство, но войска принудили его подчиниться Серторию. Вместе с Перперной прибыли многие сенаторы и другие знатные римляне, спасавшиеся от преследований Суллы. Из них Серторий составил сенат из 300 человек, куда испанцы допущены не были, и объявил, что настоящее правительство пребывает в Испании, а не в Риме, утратившем свободу под гнетом Суллы. Соединение Перперны и Сертория привело Рим в большое беспокойство; здесь опасались, что проскрипты на этом не успокоятся и силой оружия попытаются ниспровергнуть все учреждения Суллы. Поэтому в 76 году в Испанию, на помощь Метеллу, отправили 30 тысяч пехоты и тысячу всаднику под командованием Гнея Помпея.

И Помпей, и Серторий считались до этого времени непобедимыми. Первая их встреча состоялась у города Лауро, в котором большинство жителей поддерживали римлян.

Помпей прежние удачи сделали заносчивым и самоуверенным, он счел осторожность излишней и позволил заманить себя в ловушку. Утром когорты Сертория атаковали его армию, а потом вдруг внезапно отступили, но, когда Помпей начал их преследовать, в тыл ему ударили главные силы противника. Порядки римлян рассыпались, целый легион был окружен и погиб почти целиком, а сам Помпей, поначалу отойдя в свой лагерь, затем вынужден был бросить его и отступить за реку Эбро. Лауро после этого был взят, разграблен и предан огню. Эту жестокость Серторий допустил вопреки своему обыкновению, чтобы посрамить Помпея и напугать варваров, дабы они не вздумали переходить на сторону римлян; он прямо говорил, что город сожжен из-за Помпея, чтобы тот мог погреться у огня.

В следующем, 75 году противники встретились при реке Сукро (Хукар) у города того же названия, к западу от Валенсии. Серторий начал битву только к вечеру, чтобы неприятель ночью в незнакомых местах не мог его преследовать, если бы одержал победу, и не мог уйти от него, если бы потерпел поражение. Помпей был разбит повсюду и потерял 10 тысяч человек. Утром Серторий готовился к новому бою, но, заметив появившуюся армию Метелла, отказался от своего намерения и, по своему обыкновению, отступил, оставив противника в недоумении. История сохранила сказанные им при этом слова: «Если бы не подросла сюда старая баба, я бы этого мальчика проучил хорошенько и наказанного отправил бы в Рим». Впрочем, спустя некоторое время Серторий снова появился со своими отрядами перед римскими полководцами и дал им двойное сражение. Сам он одолел Помпея, уменьшив его армию на 6 тысяч человек, но в это же время Перперна был разбит Метеллом и потерял 5 тысяч человек. Таким образом, силы сторон уравнились, но Серторий понемногу, тревожа противника вылазками и мешая подвозу припасов, поставил Помпея в весьма затруднительное положение, и тот написал сенату в Рим, что он вынужден будет возвратиться и Серторий последует за ним, если ему не пришлют войска, денег, оружия и хлеба, что он в этой войне уже истратил свое собственное состояние.

В 74 году дела Помпея и Метелла шли не лучше прежнего, хотя Помпей получил из Италии деньги и два новых легиона. Метелл назначил большую награду за голову Сертория — в глазах римлян этот шаг оправдывался тем обстоятельством, что Серторий заключил союз с врагом государства, Митридатом. Понтийский царь предложил Серторию снабдить его для дальнейшего ведения войны кораблями и деньгами и взамен просил, чтобы ему была передана Малая Азия. Серторий созвал по этому случаю свой сенат, и сенаторы решили ответить царю согласием. Серторий же объявил, что он готов предоставить Митридату Каппадокию и Вифинию, так как эти страны издавна управлялись царями и римлянам до них дела нет, но вот провинцию Азию он царю уступить не вправе, поскольку в его задачи не входит достижение победы умалением могущества отечества — его победа, напротив, должна возвысить это могущество. На этих условиях и был заключен договор с Митридатом. Серторий послал царю вспомогательный корпус под начальством Марка Вария и получил за это от Митридата 3 тысячи талантов и 40 кораблей. Метеллу и Помпею пришлось в 74 году несладко, и Помпей был даже вынужден отвести свои войска на зимовку в Галлию.

Тем не менее именно с этого времени звезда Сертория начинает клониться к закату, благодаря, впрочем, не превосходству противников, а измене в собственном лагере. Перперна давно высказывал неудовольствие, что ему приходится подчиняться Серторию, человеку незнатного рода. С какого-то времени он и его окружение везде, где только можно было, противодействовали его планам, с умыслом плохо исполняли данные им поручения. Несправедливостью и притеснениями Перперна и его сообщники возбуждали неудовольствие и ожесточение среди испанцев, а ответственность за это возлагали на Сертория. Среди испанцев все чаще отмечались случаи неповиновения. Из-за этого снисходительный характер Сертория мало-помалу ожесточился, и он все чаще стал применять крутые меры; между прочим, он велел частью казнить, частью обратить в рабство и продать сыновей испанцев, обучавшихся в Оске.

Наконец Перперна и его сообщники решились на убийство. Они послали Серторию письмо, в котором сообщалось

о вымышленной победе одного из его полководцев. Перперна пригласил его на пиршество в ознаменование счастливого события. Обыкновенно на пирах в присутствии Сертория соблюдались приличия, ибо он ничего непристойного не желал ни видеть, ни слышать и требовал от других избегать неприличных шуток и неуместных выходов. Но в этот раз собравшиеся на пир заговорщики умышленно позволили себе самые бесстыдные речи, прикидывались пьяными и задевали Сертория нахальным обращением. Когда терпение Сертория переполнилось и он с презрением отвернулся от окруживших его людей, Перперна уронил на пол чашу, наполненную вином. Это было сигналом к нападению. Заговорщики схватились за оружие, накинулись на Сертория и злодейски убили его.

Отчасти именно это убийство положило конец войне. Перперна показал себя плохим полководцем: в первом же сражении его войско было полностью уничтожено и он сам попал в плен. Надеясь спасти себя, несчастный предложил Помпею найденные в бумагах Сертория письма бывших консулов и других знатных лиц в Риме, призывавших Сертория в Италию. Но Помпей отказался видеть Перперну и велел его казнить; письма же он бросил в огонь, не читая. Сообщники Перперны были частью выданы Помпею и умерщвлены, частью бежали в Африку и погибли от рук мавританцев. Только один из них, по имени Ауфидий, уцелел; он жил до глубокой старости в испанском селении, в нищете и презрении.

Луций Лициний Лукулл

Луций Лукулл был самым выдающимся полководцем из Людей, близких Сулле, но, в отличие от Помпея, счастье не благоприятствовало ему. Лукулл принадлежал к знатному роду, дед его был в 151 году консулом и удачно воевал в Испании, а отец был женат на сестре Квинта Цецилия Метелла Нумидийского. Первым общественным делом Лукулла, которое он совершил в самой ранней молодости вместе со своим младшим братом Марком, было привлече-

ние к суду авгура Сервилия за то, что он обвинил их отца в сокрытии общественных денег. Этот процесс вызвал противостояние в обществе, и дело дошло до пролития крови. Сервилия оправдали, но братья заслужили всеобщее одобрение за желание защитить отца.

В Союзнической войне Лукулл показал себя храбрым солдатом. В качестве проквестора он сопровождал Суллу во время Первой Митридатской войны. Сулла поручил Лукуллу создание флота — задачу трудную и опасную, так как море находилось во власти понтийского флота и кораблей пиратов, состоявших в союзе с Митридатом. Лукулл собрал сильный флот и одержал на море несколько важных побед. Когда Сулла заключил с Митридатом мир при Дардане в 84 году и поспешил обратно в Италию, он оставил Лукулла в Азии с поручением собрать наложенную на тамошние города контрибуцию в 20 тысяч талантов. Лукулл показал себя в этом деле человеком справедливым и бескорыстным: он действовал по отношению к истощенным Митридатом жителям с большим снисхождением и мягкостью. Из собранного серебра он, по желанию Суллы, отчеканил в Пелопоннесе монету, которая долго оставалась в обращении под именем Лукулловой. Побороздив в восточных морях со своим флотом еще некоторое время, он возвратился в Рим.

Счастливым случай удерживал его вдали от Италии во время проскрипций и избавил от позора быть участником ограбления и умерщвления сограждан. Сулла до смерти своей высоко ценил Лукулла; он поручил ему обработать и огладить свои записки и, обойдя Помпея, возложил на него опеку над своим сыном Фаустом, что послужило, как полагают, первым поводом к раздору и несогласию между двумя честолюбивыми молодыми людьми.

После того как Лукулл в 79 году вместе с братом своим Марком занимал должность курульного эдила и в этой должности услаждал народ дорогими и блистательными зрелищами боя слонов и быков, он в 77 году был избран претором, а еще спустя три года стал консулом вместе с Марком Аврелием Коттой. В этом году вспыхнула Третья Митридатская война. Бездетный вифинский царь Никомед III завещал перед смертью свое царство римлянам, они не замедлили

принять наследство и стали непосредственными соседями Понтийского царства. Митридат увидел в этом опасность и объявил войну римлянам. Он надеялся на счастливый для себя исход дела, потому что Серторий, с которым он заключил союз, немало тревожил римлян в Испании. Но как раз в этом время в Испании все перевернулось, и римляне получили возможность направить все свои силы в Азию. Ведение этой войны было возложено на консулов: Котта был назначен начальником флота, Лукулл как наместник Киликии и Азии стал во главе сухопутного войска. В его распоряжении было пять легионов, так что он имел под своей командой приблизительно 30 тысяч пехотинцев и 1600 всадников.

В то время как Лукулл шел с юга через Фригию, чтобы вторгнуться в Понтийское царство, Котта, с флотом и частью сухопутного войска направился к занятой Митридатом Вифинии. У Халкедона в один день войска Котты были разбиты как на суше, так и на море. Победенный, он заперся в городе. При известии об этом Лукулл поспешил к Халкедону. Здесь он, по свидетельству Плутарха, уничтожил громадное, до 300 тысяч, войско царя. Затем был разбит крейсировавший в Эгейском море флот Митридата, и царь, начавший войну со столь большими надеждами, возвратился почти один, без войска и флота, в свое царство, которое теперь было открыто для вторжения неприятеля. Лукулл, за смелость и обширность своих походов прозванный римским Ксерксом, проник осенью 73 года в Понт и погнал Митридата из Синопа в Амизос, из Амизоса в Кабейру, оставляя солдат для осады городов. Солдаты его, люди закаленные и воинственные, но и не склонные к дисциплине, роптали на беспрестанное движение вперед своего полководца, который не давал им отдыха и не разрешал грабежей. Но Лукулл мало обращал внимания на их жалобы и остановился только тогда, когда его вынудила к этому зимняя непогода.

Весной 72 года он оставил два легиона под начальство Мурены у Амизоса, а сам с тремя легионами и конницей отправился к Кабейре, где царь, снова собравший войско, ожидал неприятеля. Продвигаясь ущельями и горными тропами, римское войско приблизилось к неприятелю и разбило свой лагерь прямо на удобно расположенной возвышенности.

Митридат решил отступить и приказал своим приближенным тайно, чтобы не возбудить паники, собрать свои пожитки. Но солдаты, заметившие, что приближенные царя укладывают вещи, пришли в негодование и перекрыли выходы из лагеря. Случилась свалка, в которой был заколот один из полководцев Митридата — Дорилай, а жрец Гермей попросту раздавлен. Все это как раз и вызвало панику, которой Митридат опасался, и началось повальное бегство. Сам царь, при котором не осталось никого из служителей, бежал среди толпы из лагеря пешком, пока его не заметил один из слуг и не отдал ему свою лошадь. Митридат едва не попал в плен, но его спасла алчность римских солдат, у которых был выбор: захватить царя или мула, нагруженного золотом. Солдаты бросились делить золото, завязалась драка, а Митридат тем временем спасся.

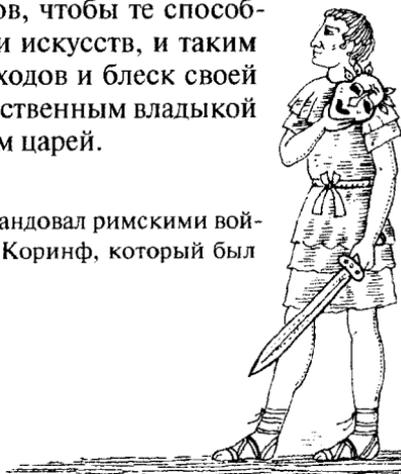
После этого Лукулл овладел Кабейрой и другими укрепленными городами и везде находил большие богатства. Повсюду он открывал темницы и выпускал на свободу людей, заключенных сюда при Митридате. Тем временем Митридат бежал через горы в Коману, затем повернул к восточной границе своего царства, чтобы искать убежища в Армении у зятя царя Тиграна. При этом он послал слугу Бакхида в Фарнакию с приказанием умертвить находящихся там своих сестер и жен, ибо для восточного деспота считалось величайшим позором, чтобы жены его попали в руки неприятеля. Среди этих жен были две ионянки, Вереника из Киоса и Монима из Милета. Бакхид предоставил им самим выбрать способа, которым они уйдут из жизни. Монима, которая никогда не чувствовала себя счастливой в браке с деспотом, сорвала с головы диадему — в те времена это была шерстяная, полотняная или шелковая повязка, носимая царями на лбу, — обвязала ее вокруг шеи и на ней повесилась. Но диадема не выдержала тяжести и оборвалась; тогда она воскликнула: «Проклятая тряпка, ты даже и на это не смогла мне пригодиться!» Монима плюнула на нее и подставила свою шею под меч Бакхида. Вереника взяла чашу с ядом и осушила ее одновременно со своей пожилой матерью. Сила яда оказалась достаточна для слабой матери, но не для Вереники, и Бакхид задушил ее. Одна сестра царя приняла яд, понося и проклиная брата; другая же, Статейра, не

проронила и худого слова о Митридате и даже благодарила его за то, что он, находясь сам в опасности, не забыл позаботиться о том, чтобы она умерла свободной и непозоренной.

Весь Понт и Малая Армения были во власти римлян, и только такие города, как Амизос и Синоп в Понте, Амастрис в Пафлагонии, Гераклея в Вифинии, некоторое время еще оказывали сопротивление. Лукулл сам осаждал Амизос, упорно обороняемый полководцем Каллимахом. Когда город был доведен до крайности, Каллимах поджег его и бежал на корабле. Ворвавшиеся в город римские солдаты думали только о грабеже. Лукулл хотел остановить пожар и спасти город, но никто его не слушал; солдаты требовали, чтобы город был отдан им на разграбление, и полководцу пришлось уступить. Когда Лукулл на другой день вступил в Амизос, он сквозь слезы сказал своим друзьям: «Часто я называл Суллу счастливым, но сегодня я особенно должен удивляться счастьем этого человека, сумевшего спасти Афины, как он того желал; мне же, который поставил его себе за образец, судьба предназначила жалкую славу Муммия*». Впоследствии Лукулл постарался отстроить несчастный город и восстановил в течение своего пребывания в нем большинство домов.

Беглый Митридат был не особенно почтительно принят Тиграном, который обращался с ним как с человеком, уже сыгравшим свою роль. Лукулл же считал свою задачу незаконченной, пока Митридат на свободе. Поэтому Лукулл послал своего зятя Аппия Клодия к Тиграну с требованием выдать Митридата. Тигран был в то время самым могущественным царем в Азии. К своему царству он присоединил значительные земельные пространства, отнятые у парфян, а также Месопотамию, Сирию и часть Малой Армении; он переселил к себе много греков и арабов, чтобы те способствовали развитию торговли, ремесел и искусств, и таким образом увеличил источники своих доходов и блеск своей державы. Он считал себя самым могущественным владыкой и в самообольщении называл себя царем царей.

* Луций Муммий, консул 146 г. до н.э. Командовал римскими войсками в войне с Ахейским союзом, захватил Коринф, который был безжалостно разрушен.

В то время, когда в его царство прибыл Клодий, Тигран был занят войной с некоторыми городами Финикии. Он принял Клодия в Антиохии, главном городе Сирии. Гордый римлянин не поддался обаянию пышной обстановки, окружавшей «великого» царя, и прямо объяснил, что он явился, чтобы или взять Митридата, которого требует Лукулл для своего триумфа, или объявить Тиграну войну. Царь, никогда еще в течение своего 25-летнего правления не слышавший столь откровенной речи, выслушал эти слова с улыбкой и отвечал, что Митридата не выдаст и что если римляне из-за этого начнут войну, то он сумеет защититься.

Ответ Тиграна вполне устраивал Лукулла. Он теперь имел повод перенести войну в Армению и пожинать лавры по ту сторону Евфрата. По собственному почину, без приказа сената, он начал войну, располагая всего лишь двумя легионами, общей численностью не более 15 тысяч человек. Весной 69 года он переправился через Евфрат и скорым маршем пошел на Тигранакерт, новую столицу царя, которую тот населил людьми, собранными со всех концов царства. Тигран в это время как раз находился в Тигранакерте и разрабатывал план нападения на римскую провинцию Азию. Сановнику, который возвестил о приближении Лукулла, царь приказал отрубить голову. После этого никто не осмеливался докладывать о римлянах, пока наконец ситуация не обострилась до предела — тогда один из приближенных, Митробарзан, отважился сказать Тиграну правду. Ему и было поручено выйти навстречу Лукуллу с 3 тысячами всадников и значительным числом пехоты, самого полководца захватить живым, а людей его уничтожить на месте. Но в первом же сражении Митробарзан и почти все его войско погибли.

Тогда Тигран счел за лучшее оставить свою столицу и направиться к лежавшему на севере от Тигранакерта Тавру, с тем чтобы там собрать свою армию. Лукулл послал вслед за ним Мурену; последний напал на царя, когда тот следовал со своим войском по дикой и узкой долине, перебил множество его воинов, а еще большее число забрал в плен. Сам Тигран спасся бегством, бросив все свои сокровища. Тогда Лукулл осадил Тигранакерт в надежде, что царь не оставит этого богатого города на произвол судьбы, а придет ему на помощь, и не

ошибся. Митридат через послов неоднократно предостерегал царя от открытого сражения, но его подозревали в том, что он удерживает Тиграна от великого подвига исключительно из зависти. Желая затмить Митридата славой, Тигран, собравший громадное войско, выступил против неприятеля; при этом он будто бы сожалел, что ему приходится иметь дело с одним Лукуллом, а не со всеми римскими полководцами сразу. Войско его состояло из 55 тысяч всадников, в числе которых было 17 тысяч в тяжелых доспехах, 20 тысяч воинов, вооруженных луками и пращами, и 150 тысяч тяжеловооруженных пехотинцев; сверх того в его армии были еще вспомогательные войска, 35 тысяч человек, в обязанности которых входило прокладывать пути, строить мосты, вырубать леса; это значительно увеличивало силу армии Тиграна, поскольку не отвлекало боевые части от выполнения их прямых задач.

Лукулл оставил Мурену с 6 тысячами воинов осаждать Тигранакерт и с остальным войском, состоявшим, кроме конницы, из 11 тысяч человек, отправился навстречу Тиграну. Когда это маленькое войско расположилось лагерем на виду у неприятеля, на широкой равнине у реки Никофорис, то льстецы царя стали потешать его своими насмешками в адрес римлян; они заранее в шутку поделили по жребию будущую добычу. Полководцы и цари, вассалы Тиграна, приходили один за другим, и каждый просил, чтобы Тигран «одному ему» поручил вести сражение, а сам спокойно любовался зрелищем. Тигран же, глядя на римлян, насмешливо заметил: «Если это послы, то их чересчур много, для войска же их слишком мало».

С рассветом следующего дня римляне оставили свой лагерь и двинулись по берегу реки. В их планах было вброд перебраться на восточный берег, но царь решил, что они отступают, велел позвать бывшего при нем полководца Митридата Таксила, который, единственный, предостерегал его от сражения, и, смеясь, сказал: «Посмотри, как бегут твои непобедимые!» Таксил возразил: «Государь, я желал бы, чтобы ты не ошибся. Но обыкновенно эти люди не наряжаются для похода в лучшие одежды, не так блестят тогда их щиты, и не обнажают они своих шлемов; теперь же они сняли со своих доспехов чехлы; этот блеск показывает их желание сражать-

ся...» Пока Таксил говорил, первый легион римлян повернул, и когорта одна за другой перешли через реку. Царь вне себя от изумления воскликнул: «Неужели эти люди идут на нас?» — и стал поспешно строить свои войска. Тигран принял начальство над центром, левое крыло он поручил царю адиабенов, а правое — мидийскому царю; справа находилась большая часть всадников в тяжелых доспехах, на которых возлагались главные надежды.

Дело было 6 октября, в несчастный для римлян день, так как именно 6 октября 105 года войско Маллия и Цепиона было истреблено кимврами. Командиры когорт обратили на это внимание Лукулла, но он им ответил: «Я хочу превратить этот день в счастливый». С этими словами он обнажил меч и двинулся во главе римского войска навстречу неприятелю, выделяясь ростом и красотой фигуры, в блестящем стальном панцире, поверх которого была пурпурная мантия с кистями. Римские всадники ударили во фланг вражеской конницы, которая обратилась в постыдное бегство и смяла ряды своей тяжеловооруженной пехоты, прежде чем та вступила в бой. Войско Тиграна пришло в смятение, отступающие топтали друг друга, а римляне не давали им ни мгновения передышки, чтобы восстановить порядки. Только ночь положила конец избиению несчастных воинов Тиграна. 100 тысяч человек потеряли армяне, у римлян же было только 5 убитых и около сотни раненых. «Никогда солнце не видало еще такого сражения», — писал философ Антиох, сопровождавший Лукулла в этом походе. Тигран был в числе первых обратившихся в бегство. Его диадема оказалась у слуги, тот попал в плен, и в результате Лукулл украсил царской диадемой свой триумф в Риме.

Митридат тем временем двигался на соединение с Тиграном. Найдя союзника в крайне расстроенном состоянии, он постарался уговорить его продолжать войну. Пока происходил набор нового войска, Лукулл взял Тигранаерт. В этом ему помогли греки и другие иностранцы, жившие в городе, которые заняли городские башни и тем облегчили римлянам штурм стен. Лукулл конфисковал в свою пользу городскую казну, а богатый город отдал на разграбление солдатам. По случаю победы римляне устроили праздник, и тут очень

кстати пришлось актеры и музыканты, которых Тигран собрал из самых разных мест, чтобы давать представление в построенном им театре. Всех иностранцев, которых Тигран принуждал селиться в городе, Лукулл отпустил на родину, снабдив их деньгами на дорогу. С той поры Тигранакерт превратился в незначительное местечко.

В середине лета 68 года Лукулл перевалил через Тавр и направился к Артаксаю, старой столице Армении. Тигран и Митридат встретили его у южного рукава Евфрата. При виде их войска Лукулл принес жертву богам, как будто уже одержал победу, переправился через реку и начал битву. Военная удача опять оказалась на его стороне; число убитых, впрочем, было меньше, чем при Тигранакерте.

Зима в 68 году началась очень рано. Уже в середине сентября пошел снег; вода замерзла; при переходах через реку лед подламывался и острыми краями ранил лошадей; солдаты испытывали непривычные для себя лишения. Людям, долгое время не знавшим отдыха, они казались чрезмерными. Солдаты возроптали и стали требовать возвращения в теплые края. Все просьбы полководца были тщетны, и он был вынужден повернуть назад и идти через Тавр в теплую и плодородную страну Мигдонию, лежащую на северо-запад от Месопотамии. Здесь находился большой город Нисибина, который защищали Гурас, брат Тиграна, и полководец Каллимах. Лукулл взял город штурмом; с Гурасом, который добровольно сдался, он обошелся дружелюбно; Каллимаха же велел заковать в цепи за то, что он сжег Амизос.

Лукулл еще не знал, что впереди у него трудные времена. Мятежные настроения в войске не стихали. Недовольных было много, и среди них оказался Аппий Клодий. «Вас принуждают, — говорил Клодий солдатам, — воевать со всякими народами и обходить всю землю, чтобы вам мало-помалу совсем пропасть; из всего этого продолжительного похода вы не вынесли ничего, что вознаграждало бы ваши труды; вам приходится только идти за верблюдами, на которых Лукулл нагрузил свои золотые чаши с драгоценными камнями. Солдаты Помпея, люди самые обыкновенные, сидят уже дома со своими женами и детьми, обладая городами и поместьями, а они не преследовали Митридатов

и Тигранов по необитаемым пустыням, не разоряли азиатских столиц и всего лишь сражались в Испании с беглецами и в Италии с вырвавшимися на волю рабами. Если уж нам суждено беспрерывно быть в походе, то не лучше ли нам сбечь оставшиеся силы для полководца, который величайшую славу свою полагает в обогащении своих солдат?» При этом он указывал на Помпея. Клодий хорошо знал о настроениях в Риме, где слышны были голоса, кричавшие, будто Лукулл намеренно затягивает войну, чтобы грабить царей, а не покорять их, и, дескать, нужно на его место послать другого — Помпея.

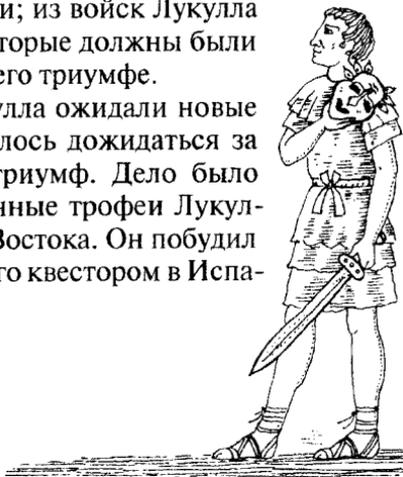
После взятия Нисибины солдаты Лукулла заставили его расположиться здесь на зимних квартирах и объявили, что не пойдут с ним дальше ни против Тиграна, ни против Митридата. Смутой в римском лагере воспользовался Тигран для того, чтобы снова утвердиться в своем царстве, а Митридат разбил в 67 году подчиненного Лукуллу полководца Триария и вернул себе свое царство. Вскоре после этого пришла весть о том, что в Риме решили, во-первых, уволить солдат, бывших еще в легионах Фимбрии, поскольку законный срок их службы истек, и, во-вторых, передать верховное командование в Вифинии и Понте консулу текущего года Манию Ацилию Глабриону, который уже высадился в Азии.

Впрочем, Глабрион, когда узнал, что против римлян опять выдвигается Митридат, а Тигран движется для соединения с ним, предпочел не принимать командование. Чтобы воспрепятствовать объединению вражеских сил, Лукулл выступил против Тиграна. Но уже на марше солдаты Фимбрия возмутились и отказались идти дальше, говоря, что, коль скоро им дана отставка, Лукулл не имеет более права им приказывать. Лукулл обращался с просьбами к каждому из них в отдельности, перебегал униженно от одной группы солдат к другой, но солдаты бросали ему под ноги пустые кошельки и говорили, что раз он один обогатился в этом походе, то пусть один и сражается с неприятелями. Единственное, на что солдаты Фимбрия дали себя уговорить, так это остаться в войске еще на лето, но с условием, если в течение этого времени не произойдет битвы с неприятелем, то их должны отпустить. Так и случилось.

Окончательный результат восьмилетнего похода на первый взгляд оказался равен нулю. Лукулл сообщал в Рим, что все царство Митридата завоевано, но, когда явились посланные от сената для устройства провинции в Понте, они заставили понтийского царя снова при власти и при этом увидели, что Лукулл даже самим собой не располагает свободно и вынужден сносить всяческие обиды со стороны своих собственных солдат. В 66 году прибыл Помпей, которому поручено было, вместо Глабриона и Лукулла, верховное начальство в войне с Митридатом, и принял в свое ведение армию. Друзья Лукулла и Помпея устроили свидание между ними в одной деревушке в Галатии. Перед обоими полководцами несли, в знак их побед, лавровые венки. Ветки в пучках Помпея от жары завяли. Когда ликторы Лукулла это заметили, они дали ликторам Помпея несколько свежих веток. Подобно тому как здесь Помпей венчался лаврами Лукулла, так он и в войне пользовался плодами трудов Лукулла; он без больших усилий пожинал там, где Лукулл долгие годы сеял и насаждал. Лукулл уничтожил лучшие войска неприятеля, истребил его флот, овладел и частью разрушил важнейшие его укрепления, отучил римского солдата от страха перед отдаленным Востоком и его полчищами; для Помпея уже немного оставалось дела.

Свидание между полководцами не привело к соглашению. Лукулл не мог подавить в себе чувство обиды по отношению к человеку, который явился затем, чтобы отнять у него заслуженные лавры. Помпей же был не такой человек, чтобы быть справедливым в отношении к сопернику своей славы. Недружелюбие между ними только усилилось. Помпей отрицал у своего предшественника всякие заслуги и отменил почти все учреждения его в Малой Азии; из войск Лукулла он оставил ему только 1600 человек, которые должны были следовать за ним в Рим и участвовать в его триумфе.

В Риме глубоко оскорбленного Лукулла ожидали новые огорчения. Почти три года ему пришлось дожидаться за городом разрешения отпраздновать триумф. Дело было в опасениях Помпея, что многочисленные трофеи Лукулла покажут, кто истинный покоритель Востока. Он побудил трибуна Гая Меммия, который был у него квестором в Испа-

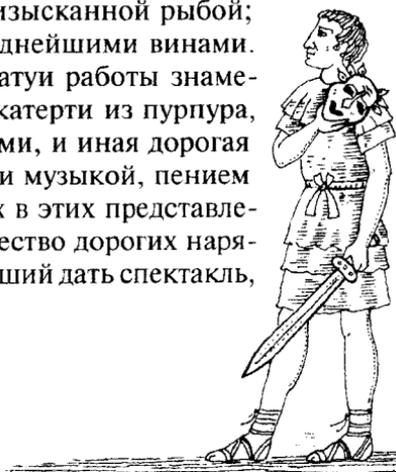
нии, обвинить Лукулла в сокрытии общественных денег и тем помешать его триумфу. Лукулл был оправдан, и триумфальный въезд его совершился, но только в 63 году. Добытого у неприятеля оружия было столько, что заняло бы в процессии слишком много места; его выставили для обозрения во фламинском цирке. В триумфальном шествии участвовали тяжеловооруженные армянские всадники, которых римляне всего более боялись и которые менее всех оказались опасны, за ними ехало десять боевых колесниц, шли полководцы и сановники побежденных царей, далее тащили поставленные на колеса сто десять захваченных кораблей с железными носами... Рабы несли золотую статую высотой почти два метра, осыпанный жемчугом щит Митридата, тридцать носилок с серебряной утварью, тридцать две — с золотыми чашами и монетами. Позади людей, несших все это, следовали мулы: восемь были навьючены постелями с золотым шитьем, пятьдесят шесть — серебряными слитками, семьдесят семь — серебряными монетами. Несли также доски, на которых были обозначены суммы, выданные Лукуллом Помпею на ведение войны с пиратами, сданные казначеям республики и розданные солдатам. После шествия Лукулл устроил для города пиршество, на котором были выпиты тысячи бочек вина. Но все равно у этого торжества был горький привкус — оно состоялось слишком поздно.

Сенатская партия хотела выставить Лукулла главным вожаком против Помпея, который возвысился после побед на Востоке, и Лукулл действительно по возвращении Помпея с Востока в 62 году выступал противником его по разным случаям. Но Лукулл не имел желания участвовать в политической борьбе и принимал в ней участие лишь постольку, поскольку его втягивал в эту борьбу сенат. Он испытал достаточно огорчений на своем веку и хотел провести остаток жизни в покое; кроме того, он не чувствовал себя настолько сильным, чтобы с успехом противостоять соединенному могуществу Помпея, Цезаря и Красса, которые в 60 году составили триумvirат с целью захватить власть в республике.

Удалившись от общественных дел, он предавался расточительности и роскоши, вошедшим в пословицу. Средствами

для подобного образа жизни служили несметные богатства, полученные им отчасти в наследство от отца и родственников, отчасти в войнах Суллы, а главным образом — во время восьмилетнего командования на Востоке; однако нельзя сказать, чтобы Лукулл обогатился несправедливым или недостойным путем. Он тратил громадные суммы на возведение грандиозных построек, искусственных садов и купален, на покупку картин, статуй и других произведений искусства. Кроме роскошного помещения в Риме, приспособленного к большим пиршествам, он обладал в окрестностях города знаменитым садом, который был задуман в таких больших размерах, что замысел этот был осуществлен окончательно только в царствование императора Клавдия. Сад этот впоследствии назывался Лукулловым.

Лукулл владел множеством вилл. Одна из них, вблизи Тускулума, имела на свежем воздухе замечательные пиршественные залы, откуда открывались прелестнейшие виды. Когда его однажды посетил там Помпей и неодобрительно заметил, что вилла эта устроена совершенно удобно для лета, но для зимы непригодна, Лукулл возразил со смехом: «Неужели ты считаешь меня глупее журавлей и аистов, которые меняют свои жилища с временами года?» Его вилла близ Мизенума принадлежала сначала Гаю Марию, а позже матери Гракхов; Лукулл отделал эту виллу с величайшей роскошью. Он строил дачи у самого моря, сооружал вокруг них плотины, прорывал каналы и прорубал скалы. В его виллах было собрано все, что самому прихотливому любителю удовольствий могло доставить наслаждение. В садах созревали редкие плоды, в том числе вишни, которые он впервые привез из Понта в Италию; зверинцы снабжали его стол самой дорогой дичью, пруды — самой изысканной рыбой; погреба его были наполнены превосходнейшими винами. В столовых красовались картины и статуи работы знаменитейших художников, драгоценные скатерти из пурпура, золотые кубки, украшенные самоцветами, и иная дорогая утварь. Во время пиров гостей увеселяли музыкой, пением и танцами. Для актеров, участвовавших в этих представлениях, было припасено несметное множество дорогих нарядов. Однажды какой-то претор, пожелавший дать спектакль,

просил у него пурпурных мантий для хора; Лукулл отвечал, что он посмотрит и, если у него таковые найдутся, одолжит их ему. На следующий день он передал претору двести пурпурных мантий.

Даже когда у Лукулла не было гостей, стол его был уставлен изысканными яствами. Когда однажды он обедал один и для него были приготовлены сравнительно простые блюда, Лукулл, рассерженный, призвал раба, на котором лежали заботы о столе. Когда раб сослался на то, что никаких гостей не ожидается, Лукулл ответил: «Как же ты не знал, что сегодня Лукулл в гостях у Лукулла?» Или вот такой случай: Цицерон и Помпей встретили однажды Лукулла на рынке. Они напросились к нему в гости, но с условием, что он ради них не сделает никаких особых распоряжений. Они даже не дали Лукуллу поговорить с рабом, чтобы он не мог приказать приготовить что-то особенное. Лукулл успел лишь сказать одному из своих людей, что они будут обедать в зале, носившем название «Аполлон». Для рабов этого было достаточно: они знали, каков должен быть обед в «Аполлоне». Обыкновенно такая трапеза стоила 50 тысяч драхм. Цицерон и Помпей не могли надивиться, как быстро были приготовлены столь редкие блюда.

Впрочем, Лукулл при всей своей роскошной жизни не ушел исключительно в чувственные наслаждения; для этого он был слишком хорошо образован. Он интересовался науками, дружил с художниками и философами. Его богатая библиотека была открыта для каждого и привлекала в его дом ученых мужей. Художники, поэты и писатели находили в нем мудрого покровителя. Лукулл сам написал в молодости историю Марсийской войны, и притом на греческом языке, на котором говорил и писал так же свободно, как и на латинском.

Его приятный покой среди наслаждений ума и тела не нарушался ничем. К друзьям Лукулл бывал снисходителен, а обиды быстро прощал. С Помпеем, который причинил ему немало огорчений, он под конец жизни состоял в дружеских отношениях; многим своим бывшим врагам он оказывал помощь и покровительство. Со своим братом Марком Лукулл всегда оставался в искренней дружбе, но семейную

жизнь свою устроить не сумел: обе жены его, Клодия и Сервилия, отличались распутным поведением и он развелся с обеими. Сервилия, сводная сестра Катона Младшего, родила ему сына, который вырос под опекой Катона и Цицерона и погиб в битве при Филиппах в 42 году.

Лукулл умер в конце 57 года; незадолго до смерти он, как рассказывают, впал в душевную болезнь, и брат Марк вынужден был принять на себя управление его имуществом. Смерть Лукулла возбудила в народе величайшее сочувствие. Люди требовали, чтобы его похоронили на Марсовом поле рядом с Суллой, но Марк настоял, чтобы Лукулла погребли в его любимом поместье близ Тускулума.

Гней Помпей Великий

Гней Помпей происходил из аристократического рода, уже около шестидесяти лет до его рождения считавшегося консульским. Отец его, Гней Помпей Страбон (Косой), прославившийся во время Союзнической войны, отличался дурным характером, жестокостью и корыстолюбием. Сын его Гней родился в 106 году — в один год с Цицероном, вместе с которым совершил свои первые походы под началом своего отца. После смерти отца он вынужден был некоторое время скрываться от господствовавших в Риме приверженцев Мария и объявился, только когда тот умер, вероятно полагаясь на уверения преемника Мария, консула Гнея Карбона. Но враги начали преследовать его, и он спасся тем, что обручился с дочерью Публия Антистия, производившего следствие. Это не укрылось от народа, и, когда Антистий объявил оправдательный приговор, присутствующие хором воскликнули «Талассио!» — как кричали, по старому обычаю, встречая новобрачных. Марианцы не простили этого Антистия — некоторое время спустя он был убит, а жена его Кальпурния в отчаянии покончила с собой.

Преследования марианцев определили место Помпея среди римских партий. Когда Сулла после войны с Митридатом возвратился в Италию, чтобы свести счеты с марианцами, Помпей собрал для него в Пиценуме, где он был самым бога-

тым землевладельцем и потому имел значительное влияние, три легиона. Марианцы окружили его, но он разбил один из их отрядов и победоносно пошел навстречу Сулле, который высадился в это время в Брундизии (83 год). Сулла отметил его, 23-летнего юношу, при первой же встрече и присвоил ему титул императора, то есть самостоятельного полководца. Неслыханное отличие сделало Помпея безусловно преданным Сулле. Чтобы еще сильнее привязать его к себе, Сулла выдал за него свою падчерицу Эмилию, хотя та уже обручена с Манием Глабрионом. Помпей также, как мы уже знаем, был женат; он послал разводное письмо своей жене Антистии. Впрочем, Эмилия вскоре умерла.

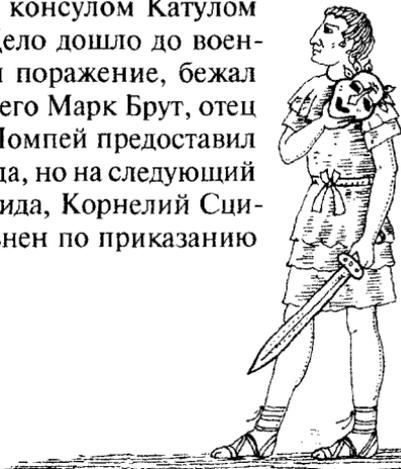
Когда война в Италии закончилась, бежавшие предводители марианцев стали готовиться к новым сражениям за морем, в Сицилии, Африке и Испании. Помпей пустился их преследовать. Сначала он захватил Гнея Карбона, который в цепях был привезен в Лилибеум. Помпей приказал умертвить его соратников, даже не взглянув на них. Карбона же, который некогда защищал его от преследований марианцев, человека, трижды бывшего консулом, он подверг формальному суду и холодно произнес смертный приговор. За этот суд современники резко порицали его, называя палачом. Затем Помпей с большим флотом переправился в Африку, где разбил союзные войска Гнея Домиция Агенобарба и Парба, царя нумидийского. Агенобарб пал в бою, Парб бежал, но был пойман и казнен; царем в Нумидии римляне посадили его родственника Гиеспала.

В сражении с Агенобарбом и Парбом Помпей показал себя храбрым воином, но не получил права на триумф, ибо триумф давался только тем, кто занимал, прежде или теперь, высшие государственные должности, а Помпей формально был только помощником полководца, легатом диктатора Суллы. Сулла присвоил ему титул Великий, перешедший впоследствии на его род, но это не удовлетворило Помпея. Против всех правил он хотел вступить в Рим триумфатором. Сулла противился его желанию, говоря, что это настроит против Помпея граждан, но в конце концов, досадуя на его безграничную дерзость, воскликнул: «Что ж, пусть будет ему триумф!» Этим закончились все споры. Таким образом,

Помпей получил триумф двадцати шести лет от роду, будучи простым всадником. Ради большей торжественности он хотел въехать в город на четверке слонов; но, к его сожалению, ворота оказались слишком узкими, и он довольствовался лошадьми.

С тех пор Сулла относился к Помпею весьма холодно. Он увидел неразумность его стремлений и понял, что Помпей руководствуется единственно честолюбием. Когда в 79 году Сулла помогал Квинту Катулу добиться консульства, Помпей употребил все усилия, чтобы эта должность досталась его сопернику Марку Эмилию Лепиду; тщеславие Помпея было польщено тем, что он, простой всадник, еще не бывший квестором, может провести кандидата в консулы против воли могущественного Суллы. И он добился того, что Лепид назначен был первым консулом, между тем как Катул получил только второе место. Когда Сулла увидел Помпея, гордо идущего по форуму в сопровождении толпы народа, он воскликнул, обращаясь к нему: «Я вижу, молодой человек, что ты радуешься своей победе. Прекрасно и достойно похвалы, что Лепид избран в консулы прежде Катула, негодяй прежде честного человека, — вот чего ты добился; но я посоветую тебе быть настороже, потому что ты дал меч в руки своему врагу».

Эти слова скоро исполнились. Лепид еще при жизни старался унижить Суллу, а когда тот умер, пытался воспрепятствовать его погребению на Марсовом поле и предложил проекты законов, имевших целью уничтожить учреждения Суллы. При этом он рассчитывал на поддержку Помпея, бывшего до сих пор его союзником, но Помпей, в действиях которого не было никакой последовательности, обратился теперь в другую сторону и вместе с консулом Католом принялся отстаивать законы Суллы. Дело дошло до военного противостояния: Лепид потерпел поражение, бежал в Сардинию, где вскоре умер. Союзник его Марк Брут, отец убийцы Цезаря, укрепился в Мутине. Помпей предоставил ему возможность свободно удалиться туда, но на следующий день подослал к нему убийцу. Сын Лепида, Корнелий Сципион Эмилиан, попал в плен и был казнен по приказанию Помпея.

В 76 году Помпей отправился в Испанию на помощь Метеллу, неудачно воюющему против Сертория. Здесь он впервые получил в противники способного полководца, и выше мы видели, какую плохую шутку сыграл Серторий с избалованным Помпеем. Серторий был побежден не Помпеем и Метеллом, а мятежом собственного войска; лишь когда он пал от кинжала убийцы и во главе войска стал мало на что способный Перперна, Испания снова подчинилась римлянам. Однако Помпей приписал это не стечению обстоятельств, а своему таланту полководца. На монетах, которые он приказал выбить легату Марку Публицию, Испания подает ему пальмовую ветку, а надпись на столбах с трофеями, поставленных им в Пиренеях, на границе между Испанией и Галлией, близ Венериных ворот, гласила, что он покорил 876 городов от Альп до самых крайних пределов Испании. Он превозносил себя и считал великим; так же думал о нем и римский народ, считавший Помпея непобедимым героем и нетерпеливо ждавший его возвращения. Ведь пока Помпей и Метелл сражались на западе, а Лукулл — на востоке, в Италии вспыхнуло восстание рабов и гладиаторов, приведшее страну на край гибели.

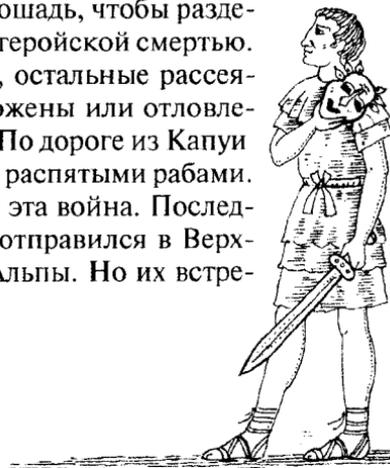
Восстания рабов на землях, подвластных Риму, происходили часто, но это выбивалось из общего ряда — римлянам была объявлена настоящая война. В 73 году в Капуе несколько рабов бежало из гладиаторской школы Лентула Батиата; во главе их были кельты Крикс и Эномай и фракиец Спартак. Обосновались они в окрестностях Везувия; поначалу их было всего 74 человека, но вскоре это число значительно увеличилось. Беглые рабы беспокоили окрестности своими набегами, и местные жители обратились в Рим с просьбой о помощи. Однако посланный против разбойников отряд в 3 тысячи человек был рассеян и бежал, побросав оружие. Затем они разбили два легиона претора Публия Вариния, после чего к ним стали стекаться рабы со всей Южной Италии. Когда численность мятежного войска достигла 40 тысяч человек, оно прошло по Кампании, и немало городов оказалось в руках рабов, разорвавших свои оковы.

Чтобы потушить пожар, грозивший распространиться по всей Италии, в следующем году посланы были против бун-

товщиков оба консула. Часть мятежников под начальством Крикса была уничтожена при Гаргане в Апулии претором Квинтом Аррием, помощником консула Луция Геллия. Но Спартак, храбрый воин и способный полководец, сражался весьма удачно: один за другим потерпели от него поражения консул Гней Лентул, консул Геллий, претор Аррий и, наконец, при Мутине наместник Ближней Галлии Гай Кассий. Спартак был предусмотрителен, знал, что не продержится долго, и хотел перейти через Альпы, чтобы возвратиться на родину, но его шайки, падкие на добычу, хотели сперва разграбить Италию.

Римляне поняли, что просто со Спартаком им не сладить. Они выставили против него восемь легионов, поручив командование ими претору Марку Крассу, который при Сулле показал себя способным полководцем. Красс установил строгую дисциплину; в назидание другим он приказал казнить десятого из того отряда, который бежал от разбойников, побросав оружие. В первом же сражении он разбил Спартака и принудил его отступить через Луканию в Рециум; оттуда Спартак рассчитывал переправиться в Сицилию на кораблях пиратов. Пираты взяли условленную сумму, но, когда часть имущества рабов была уже погружена на корабли, вероломно отплыли. Красс, в свою очередь, заградил Бруттийский полуостров, на котором стоял Спартак, валом от моря до моря и захлопнул мышеловку. Но Спартак темной зимней ночью прорвался через этот вал и снова пошел в Луканию. Здесь среди рабов начались разногласия; кельты и германцы, избрав собственного вождя, отделились от Спартака и были поодиночке уничтожены Крассом. Спартаку же пришлось идти в Апулию и вступить в решительное сражение с Крассом. Перед битвой он убил свою лошадь, чтобы разделить опасность со своим войском, и пал геройской смертью. С ним пали храбрейшие из его воинов, остальные рассеялись; отдельные шайки их были уничтожены или отловлены и умерли смертью рабов — на кресте. По дороге из Капуи в Рим поставлено было 6 тысяч крестов с распятыми рабами.

Так в 71 году была окончена Крассом эта война. Последний отряд восставших, 5 тысяч рабов, отправился в Верхнюю Италию в надежде прорваться за Альпы. Но их встре-

тил и разбил Помпей, возвращавшийся со своим войском из Испании. Это дало ему повод объявить сенату, что Красс победил рабов, а он уничтожил войну. Народ охотно стал повторять эти слова, поскольку Помпей был популярен. Но высокомерие Помпея оскорбило Красса, который справедливо считал, что Помпей, пользуясь незначительной удачей, хочет лишить его заслуженных лавров.

Между тем начались споры между Помпеем и сенатом. Помпей упрекал сенаторов в том, что ему не оказали достаточной поддержки в Испании, а представители сенатской партии вслух называли его выскочкой. Противостояние зашло так далеко, что Помпей решил не покидать войска, которое было ему глубоко предано. Он расположился перед воротами Рима и стал требовать для своих солдат земельных наделов, для себя — триумфа и консульства на следующий год. Требования, которые касались Помпея лично, были противозаконны, и сенат отказался их удовлетворить. Консулом мог сделаться только тот, кто прошел через все должности, начиная с квестуры, а Помпей не был еще и квестором; триумф, также по закону, мог быть дан только тому, кто занимал высшую должность в государстве. Чтобы достичь своей цели, Помпей, приверженец Суллы, бывший до сих пор щитом и мечом сенатской партии, вступил в союз с демократами. Точно так же поступил и Красс, который больше думал о себе, чем о государстве, и теперь считал за лучшее подавить свое недовольство Помпеем и встал на его сторону. Такому союзу сенат противиться не мог и согласился назначить обоих полководцев консулами на следующий, 70 год, дать Помпею триумф и наделить его солдат землей. Трибун Марк Лоллий Паликан устроил народное собрание перед городскими воротами, и на этом собрании Помпей открыто признал программу народной партии.

31 декабря наконец состоялся долгожданный триумф, а на следующий день, 1 января, Помпей и Красс вступили в должность консулов и отправились в Капитолий, чтобы помолиться и принести жертвы. Впоследствии оба консула, соревнуясь друг с другом, старались приобрести расположение народа: Помпей — удовлетворяя страсть толпы к зрелищам и предлагая благоприятные для народа законопроекты,

Красс — первый богач в Риме — щедро наделяя народ хлебом и съестными припасами. Но Помпей все-таки затмил своего товарища тем, что, в сущности, восстанавливал учреждения, существовавшие до Суллы, и Красс, недовольный ролью второго плана, снова стал склоняться на сторону сената.

Законом, который сам предложил, Помпей восстановил полную власть трибунов и сделал это не только для того, чтобы привлечь народ на свою сторону, но и для того, чтобы иметь в трибунах орудие своего честолюбия; при помощи претора Аврелия Котты он отнял у сената исключительное право суда, так что с тех пор только треть судей стала выбираться из сенаторов, а остальные две трети — из сословия всадников. Цензуру, отмененную Суллой, Помпей также восстановил. В цензоры были выбраны Гней Лентул и Луций Геллий, два человека, которые во время восстания рабов в 72 году отставлены были сенатом от руководства войсками за свои дурные распоряжения. Получив столь важные должности, они стали мстить сенату строгой люстрацией и вычеркнули из списка сенаторов 64 человека.

Когда цензоры производили люстрацию и всадники, ведя своих лошадей, проходили перед ними для смотра, то и консул, всадник Помпей, явился со смиренной гордостью на форуме со всеми отличиями своей консульской власти, ведя под уздцы своего коня. Толпа почтительно расступилась перед шедшими впереди ликторами и с изумлением, в глубоком молчании, смотрела, как он подвел своего коня к трибуналу озадаченных цензоров. Старший из них обратился к нему с обычным вопросом: «Я спрашиваю тебя, Помпей Великий, участвовал ли ты во всех походах, предписанных законом?» На что Помпей громким голосом отвечал: «Да, во всех, и во всех под моим собственным начальством». Площадь взорвалась громкими овациями, после чего цензоры встали со своих мест и вместе с радостной толпой проводили торжествующего консула до дома.

Помпей обещал после триумфа распустить войско, пришедшее с ним из Испании, но не сдержал слова: войско продолжало стоять лагерем перед городом. Красс последовал его примеру и также не распустил свое войско. Все шло к тому, что один из двух полководцев, Помпей в союзе с демокра-

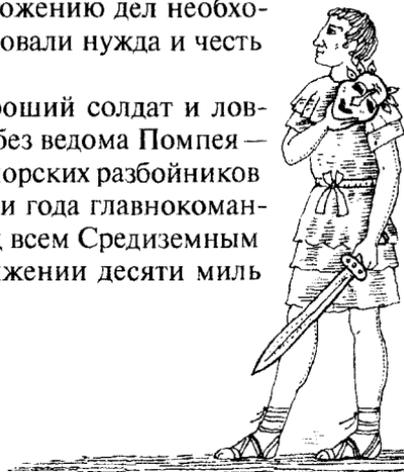
тием или Красс в союзе с сенатской партией, установит военную диктатуру; больше шансов на это имел Помпей, на которого толпа смотрела как на будущего единоличного повелителя государства. Но ни сенат, ни народная партия не хотели этого. Так как Помпей отказывался распустить свое войско, потому что не доверял Крассу, то люди народной партии, среди которых важнейшую роль играл Цезарь, уговорили Красса сделать первый шаг к примирению и таким образом обезоружить Помпея. Дело устроили хитро: некто Аврелий взошел на ораторскую трибуну в народном собрании и рассказал о том, как явился ему Юпитер и поручил передать консулам, что они должны оставить свои должности и снова сделаться друзьями. Помпей при этих словах не двинулся с места. Но Красс подошел к нему, взял за руку и сказал народу: «Сограждане, я думаю, что я не сделал ничего бесчестного и унижительного, если первый уступил Помпею, которого вы почтили титулом Великого еще в то время, когда он был безбородым юношей, и который получил два триумфа, еще не будучи членом сената». Помпей в такой ситуации не мог отказаться от примирения, а затем, незадолго до окончания своего консульства, распустил и свое войско, которое уже не имел предлога держать в боевой готовности. Он охотно взял бы на себя роль диктатора, но у него не хватило духа переступить закон. Сложив с себя консульство, он посчитал унижительным принять в управление какую-нибудь провинцию и в 69—68 годах оставался частным человеком. Он жил уединенно и лишь изредка показывался народу, всегда в сопровождении большой свиты, чем старался подчеркнуть свое значение; поговорить с ним или даже увидеть его было непросто, потому что за ним всегда шла большая толпа. Так, с гордой самоуверенностью, выжидал он нового почетного назначения, и наконец представился подходящий случай.

Пиратство на Средиземном море всегда было делом обычным, но в первые десятилетия последнего века до Р. Х. оно приняло ужасающие размеры. Уже не отдельные разбойничьи суда подстерегали в море купцов или грабили прибрежные селения — корсары сделали серьезной силой и образовали нечто вроде государства, которое претендова-

ло на то, чтобы разделить с Римом господство над миром. Пираты называли себя киликийцами, потому что многие из них принадлежали к этому племени; впрочем, все племена, жившие на берегах Средиземного моря, имели среди этого общества своих представителей. Преследуемые, притесняемые или разоренные жители римских провинций, особенно из азиатских стран, бежавшие из Рима приверженцы побежденных партий, искатели приключений всякого рода — все бросались на море, где их не могла достать рука римской республики, морские силы которой находились в упадке, и вели войну со всем миром.

Римляне неоднократно посылали флот и полководцев для уничтожения пиратов. В 79 году консул Публий Сервий Ватия в кровопролитном сражении разбил пиратский флот, разрушил города, принадлежавшие им на южном берегу Малой Азии, затем в трехлетней кампании (78—76 годы) в Исаврии, богатой заливами и горами, разорил множество разбойничьих пристанищ среди скал, за что и получил прозвание Исаврийского; но этим зло не было искоренено. Вскоре после его возвращения в Рим разбой продолжился. В 74 году против пиратов был послан Марк Антоний, отец будущего триумвира, но своим неудачным походом он заслужил только насмешки и позор. Ситуация становилась день ото дня хуже и невыносимее. Даже легионы ждали зимы, когда активность пиратов спадала, чтобы перебраться через море, не подвергаясь опасности; все государственное управление расстроилось, поскольку сношения с провинциями были затруднены. Собранные подати попадали в руки пиратов, торговый люд лишился барышей, прибрежные нивы оставались необработанными, подвоз хлеба в Италию и в Рим был отрезан. Такому положению дел необходимо было положить конец; этого требовали нужда и честь римского имени.

В 67 году трибун Авл Габиний, хороший солдат и ловкий делец, выступил — может быть, не без ведома Помпея — с предложением, чтобы для усмирения морских разбойников был выбран из бывших консулов на три года главнокомандующий с неограниченной властью над всем Средиземным морем и над всеми берегами на протяжении десяти миль

от моря внутрь страны; ему давалось право брать из государственной казны и провинциальных казначейств столько денег, сколько потребуется. Народ принял это предложение с восторгом, потому что дороговизна довела его почти до голода, и тотчас было указано на Помпея как на человека, которого следует избрать для выполнения этой задачи.

Когда началось голосование, Помпей, чтобы казаться беспристрастным, удалился из города в свою деревню Альбанум, но как только закон был принят народным собранием, в следующую же ночь возвратился в Рим и при громадном стечении народа совершил жертвоприношение. В его распоряжение предоставили 500 кораблей, 120 тысяч человек пехоты и 5 тысяч конницы.

Помпей блистательно оправдал ожидания; ни в одной из своих войн он не обнаруживал таких способностей, как в войне с морскими разбойниками. Его военный план был составлен мастерски. Вся война продолжалась не более трех месяцев и была скорее облавой, чем настоящей войной, так как пираты не решались вступать в открытое сражение. Многие сдавались вместе с женами и детьми. Помпей щадил покорившихся, обращался с ними мягко, и они указывали ему разбойничьи укрытия в горах. Таким образом, пиратство было совершенно уничтожено. Пленные пираты были поселены в разных местах: те, которые заслуживали прощения, — в городе Содой в Киликии, получившем теперь имя Помпейополиса.

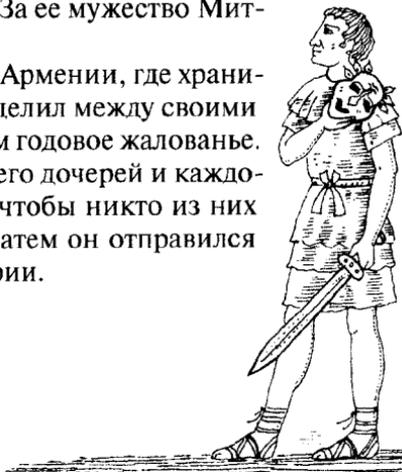
После победы над морскими разбойниками слава Помпея и расположение к нему народа чрезвычайно увеличились. Народ боготворил его, как величайшего своего благодетеля, и считал способным на всякий подвиг. В это время, как мы уже знаем, Лукулл, вследствие мятежа своих солдат, потерял все, что было им приобретено с такой славой; многочисленные враги Лукулла в Риме, друзья Помпея, унижали его и выставляли Помпея единственным человеком, который в состоянии поправить дело. В начале 66 года трибун Манилий, подстрекаемый Помпеем, предложил назначить Помпея, стоящего на зимних квартирах на южном берегу Малой Азии, главнокомандующим в войне с Митридатом и Тиграном и дать ему неограниченную власть над войском и флотом на Востоке и права наместника не только в Вифи-

нии и Киликии (вместо Лукулла, Глабриона и Марция Рекса), но и во всех других областях Азии до самой Армении.

Аристократия была убеждена в том, что с Лукуллом поступают несправедливо, но отвергала предложения Манилия главным образом не поэтому, а из страха перед властолюбием Помпея; но никто, за исключением Квинта Катутла и Квинта Гортензия, не решился открыто выступить против. При этом многие влиятельные люди — такие, как бывший консул Сервилий Исаврийский, претор Цицерон и друг народа Юлий Цезарь, — поддержали Манилия.

Когда Помпей получил известие об этом решении, он сделал вид, что такая честь ему в тягость, и с печальным лицом стал жаловаться на врагов, которые не перестают навязывать ему новые труды в надежде, что он когда-нибудь не вынесет их тяжести. Тем не менее он тотчас перешел через Тавр, чтобы пожать там, где посеял Лукулл. Митридат сначала попросил у него мира, но затем, когда ему было предложено сдаться без всяких условий и выдать перебежчиков, решился биться до последнего. Силы Митридата и Тиграна к этому времени уже были сломлены Лукуллом; у великого азиатского царя оставалось только 30 тысяч человек пехоты и 2 тысячи конницы. Поэтому он отступил без боя и сделал попытку соединиться с Тиграном. Но недалеко от Евфрата, за который он хотел уйти, царь был настигнут римлянами и потерял все свое войско: 10 тысяч было убито, 10 тысяч взято в плен, остальные разбежались. Царь с 800 всадниками в самом начале сражения пробился сквозь римские войска; но скоро все разбежались, и он остался один с тремя спутниками, в числе которых была одна из его жен, Гипсикратейя, которая в одежде персидского всадника всюду следовала за царем, заботилась о нем и утешала его. За ее мужество Митридат называл ее Гипсикратом.

Прибыв в Синору, крепость в Малой Армении, где хранилась часть его сокровищ, Митридат разделил между своими людьми драгоценные одежды и выдал им годовое жалованье. Гипсикратейе, бывшей с ним одной из его дочерей и каждому из друзей он дал смертоносный яд, чтобы никто из них не достался врагу против своей воли. Затем он отправился в Колхиду, где и перезимовал в Диоскурии.

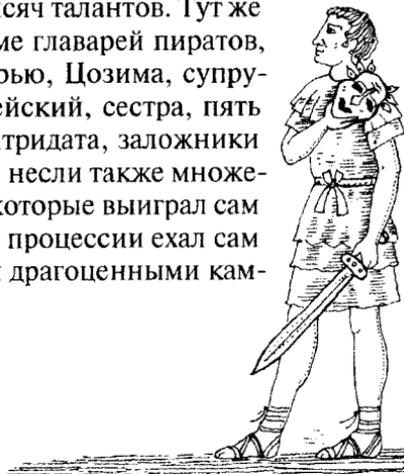
Помпей не преследовал Митридата, но вторгся в Армению, куда призвал его Тигран Младший, восставший против отца. Царь Тигран, видя, что его сыну и Помпею сдается город за городом, без войска, со своими друзьями отправился к Помпею просить мира. Когда он приблизился к римскому лагерю, все его спутники разбежались, и он въехал в лагерь один, без пурпура, только с высокой тиарой на голове и с царской повязкой. Здесь ликторы приказали ему спешиться, так как обычай никому не позволял въезжать в римский лагерь на лошади. Он повиновался и отдал ликторам свой меч. Явившись к Помпею, он, царь царей, снял с себя диадему, чтобы положить ее к его ногам и преклониться перед ним по азиатскому обычаю. Но Помпей не допустил царя до такого унижения, снова возложил на него диадему и повел его в палатку. Здесь он указал ему место рядом с собой, а по другую сторону посадил Тиграна Младшего, недовольного тем, что его отца еще признают царем. Помпей решил, что царь должен удержать за собой Армению, но отдать сыну Софену и Гордиену; все остальные страны, завоеванные Тиграном — Финикию и часть Киликии, Галатию и Каппадокию, — он должен был уступить Риму и заплатить 6 тысяч талантов контрибуции. Этим решением царь был так доволен, что кроме 6 тысяч талантов дал еще сумму для раздачи солдатам. Но молодой Тигран ожидал для себя большего; он не скрыл неудовольствия и, когда Помпей пригласил его к столу, отвечал, что для того, чтобы поесть, не нуждается в Помпее и найдет то же самое у каждого римлянина. Кончилось тем, что Помпей приказал заключить его в оковы и потом взял с собой в Рим, чтобы провести на триумфе.

Часть войск Помпей оставил под начальством легата Афрания между Евфратом и Араксом, а сам расположился на зимовку около реки Куры, а весной, проник в Колхиду, где находилась его флот под начальством Сервилия. В это время Митридат уже был в основанном им Боспорском царстве, где низложил своего сына Маха, перешедшего к римлянам, и принудил его к самоубийству. Идти вслед за царем через Кавказ Помпей не решился и вернулся к нижнему течению Куры.

Летом 64 года Помпей отправился в Сирию и превратил ее в римскую провинцию. А спустя год, когда он высту-

пил в поход на Петру, главный город набатеев в Аравийской пустыне, его догнали всадники, которые, как было видно по лавровым веткам, обвитым вокруг копий, принесли радостную весть. Они доставили письмо от Фарнака, сына Митридата; в нем сообщалось, что Митридат сам лишил себя жизни. Боспорское царство досталось теперь Фарнаку, который писал, что вступает на престол для себя и для римлян. В знак покорности он отослал труп отца к Помпею, и тот приказал похоронить его в царских гробницах Синопа. Со смертью Митридата война в Азии закончилась.

Распорядившись судьбами народов и государей Востока, Помпей осенью 62 года стал готовиться к возвращению в Италию. В Риме ожидали покрытого славой полководца во главе преданных ему войск, но каково было всеобщее удивление, когда он, высадившись в Брундизиуме, распустил своих солдат и в начале 61 года явился в Рим как частный человек. Триумф он отпраздновал 29 и 30 сентября, в 46-й год своего рождения, и без войска. В третий раз он входил в Капитолий как триумфатор, как завоеватель — на этот раз Азии, между тем как раньше он праздновал победы над Африкой и Испанией, или, как ему приятно было слышать, над Европой. Большое количество привезенных для показа сокровищ пришлось оставить, хотя процессия шла два дня. На досках, которые несли впереди, были написаны имена покоренных народов и стран: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, албанцы, Сирия, Киликия, Месопотамия, Финикия, Палестина, Иудея, Аравия, наконец — морские разбойники. Там же было написано, что Помпей взял тысячу крепостей и около девяти сот городов, захватил восемь сот кораблей, основал 39 городов и обогатил казну на 20 тысяч талантов. Тут же вели пленников, в числе которых, кроме главарей пиратов, были молодой Тигран с женой и дочерью, Цозима, супруга царя Тиграна, Аристокбул, царь иудейский, сестра, пять детей и несколько скифянок — жен Митридата, заложники от иберов, албанцев и царя Коммагены; несли также множество трофеев в память обо всех битвах, которые выиграл сам Помпей или его подчиненные. В конце процессии ехал сам триумфатор на колеснице, украшенной драгоценными кам-

нями, в одежде Александра Великого, с которым он благо-склонно позволял себя сравнивать.

Блеск триумфа очень льстил его тщеславию, но не принес никакой реальной выгоды. Он желал, чтобы сенат утвердил его распоряжения в Малой Азии, назначил его вторично консулом и согласился на раздачу земель, обещанных его солдатам. Но сенатская партия, и прежде всего Катул, Катон, Лукулл, Метелл Критский, на это не согласилась. Помпей неожиданно обнаружил, что пока он сражался, его влияние куда-то подевалось. В это время с ним сблизился Гай Юлий Цезарь, ловкий и энергичный предводитель народной партии, который прежде оказал ему несколько услуг, хотя всегда имел в виду свои собственные интересы; теперь Цезарь предложил Помпею союз. Он только что возвратился из Испании и хлопотал о консульстве на 59 год. Цезарь обещал в обмен на помощь в достижении этой цели, что, сделавшись консулом, добьется утверждения распоряжений Помпея в Азии и раздачи земельных наделов его ветеранам.

После того как Цезарь огромным большинством голосов был избран консулом, он постарался примирить между собой Помпея и Красса, которые только и делали, что противоречили один другому. Красс, человек обыкновенного ума и образования, благодаря своему упорству приобрел огромное богатство и важное значение в государстве. С самых юных лет все его мысли были направлены на обретение богатства, и не всегда честным способом. Он сумел воспользоваться временем проскрипций Суллы и, таким образом, стал первым богачом в Риме. Позже он говаривал, что никто не может называться богатым, если не в состоянии содержать войско на проценты со своего капитала. Его богатство сделало его важным человеком, расположило к нему народ и поставило в зависимость от него множество влиятельных людей всех партий. Рано или поздно ему не могла не прийти мысль начать борьбу за первое место в государстве. Поэтому он принял сторону сената и помог ему низвергнуть слишком высоко поднявшегося Помпея. Цезарь нуждался в Крассе и его деньгах и, опасаясь из-за дружбы с ним сделаться врагом Помпея, сделал все, чтобы их помирить. В конце концов они тайне заключили тройственный союз с целью не

допускать, чтобы в государстве произошло что-либо неприятное для кого-либо из них. Это был так называемый первый триумвират, при основании которого каждый надеялся с помощью двух других достичь единовластного господства, но который, в сущности, сделал Помпей и Красса орудиями в руках далеко превосходившего их умом Цезаря.

Цезарь, сделавшись консулом, исполнил обещание, данное Помпею: он добился утверждения распоряжений Помпея в Азии и аграрного закона в пользу его ветеранов. Благодаря этому они мало-помалу подружились и закрепили дружбу родственным союзом. Помпей женился на любимой дочери Цезаря Юлии, которой тогда было 23 года, и до самой ее смерти жил с ней счастливо. Когда Цезарь в 58 году отправился в качестве наместника в Галлию, Помпей остался в Риме, чтобы охранять интересы союза; но оба они еще прежде позаботились, при помощи трибуна Клодия, удалить из города своих опаснейших противников — Цицерона и Катона. Катона отправили завоевывать Кипр, а Цицерон был удален в изгнание, обвиненный в незаконных действиях при подавлении заговора Катилины.

С тех пор как Цезарь удалился в Галлию, Помпей ушел на второй план. Трибун Клодий, которого мы видели уже в лагере Лукулла, человек дерзкий и бессовестный, своей распушенностью произвел в Риме всеобщий беспорядок и наводнил город вооруженными толпами. Видя в Помпее соперника, он стал бранить его по любому поводу, угрожал разрушить его дом, затем силой освободил молодого Тиграна, пленника Помпея; при этом погиб друг Помпея Марк Папирий. Униженный и оскорбленный, Помпей, по сути, оказался на осадном положении в своей усадьбе Альбанум. Дошло до того, что он стал хлопотать о возвращении из ссылки Цицерона — злейшего врага Клодия. Возвратившийся Цицерон оказался человеком благодарным и взялся помогать Помпею, но это не возымело действия.

Между тем влияние Цезаря благодаря победам в Галлии росло с каждым месяцем. Когда он в 56 году стоял на зимних квартирах в Луке, в Верхней Италии, множество знатных римлян отправилось туда засвидетельствовать ему свое почтение; одних сенаторов явилось 200 человек. Среди про-

чих прибыли к Цезарю Помпей и Красс. Очередные переговоры привели к соглашению, согласно которому приехавшие должны были сделаться консулами на следующий год и получить в свое управление провинции и войско. Цезарь обещал даже послать в Рим своих солдат, дабы выборы прошли, как было задумано; интерес самого Цезаря состоял в том, чтобы продлить срок своего наместничества еще на пять лет и обеспечить выдачу жалованья своим войскам.

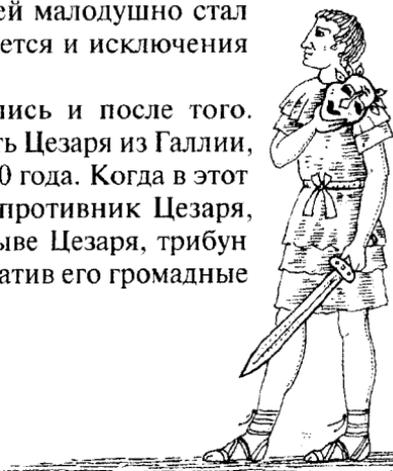
Договор, заключенный в Луке, был исполнен. Когда Помпей и Красс заявили о своем желании сделаться консулами, все другие соискатели уступили им, кроме одного Луция Домиция Агенобарба, которого поддерживал Катон, говоря, что здесь дело касается не столько состязания за консульство, сколько борьбы за свободу от тирании. Но Помпей не допустил Домиция на форум — он послал вооруженный отряд, который перебил шедших перед ним факелоносцев и рассеял его сторонников. Катон, защищая Домиция, был ранен в правую руку и последним оставил место стычки. Таким образом, Красс и Помпей стали консулами. Катон стал хлопотать о преторстве, чтобы иметь возможность противостоять консулам, но и здесь его ждала неудача — усилиями триумвиров должность досталась их стороннику Гаю Требонию. А тот представил проект закона, который и был принят: консулы получили в управление Сирию и обе Испании, с полномочиями по собственному соображению вести войну и набирать войско. По другому закону Требония наместничество Цезаря было, как и решили триумвиры в Луке, продлено на пять лет.

Во время своего консульства Помпей открыл построенный им на Марсовом поле — первый в Риме — роскошный театр, где могло поместиться 40 тысяч человек. Торжества, посвященные открытию, продолжались несколько дней и дали Помпею случай блеснуть своим богатством. Представления поражали разнообразием и количеством действующих лиц: в одной пьесе являлась бесконечная вереница мулов, в другой — на арене происходили сражения отрядов пехоты и конницы; были устроены бои гладиаторов и, наконец, цирк, в котором в продолжение пяти дней происходила охота на зверей — при этом затравили 500 африканских

львов, 18 слонов, 410 пантер; восторженной публике продемонстрировали носорога и других экзотических животных...

По окончании своего консульства Красс удалился в свою провинцию Сирию, где в надежде на приобретение еще больших богатств начал войну с парфянами, но в 53 году был разбит наголову при Каррах и во время бегства убит. Помпей, закончив консульство, предоставил свою провинцию Испанию в управление легатам и, под предлогом надзора за подвозом хлеба в столицу, остался вблизи от Рима. Смерть жены Юлии летом 54 года разорвала личную связь между Помпеем и Цезарем, а со смертью Красса распался триумvirат, и столкновение между ними сделалось вполне возможным, так как оба уже не опасались, что противника поддержит кто-то третий. Со стороны еще казалось, что они в хороших отношениях, но каждый из них уже обдумывал способы сокрушить другого. Помпей снова сблизился с сенатской партией, которая видела в нем защитника против Цезаря. В 52 году ему удалось добиться избрания в консулы, причем он был избран один, и только на последние пять месяцев года вторым консулом был избран его тесть Метелл Сципион. Во время этого консульства Помпей провел законы, направленные против Цезаря: отсутствующие в Риме отныне не могли заочно хлопотать о консульстве, и никто не мог получать наместничества ранее пяти лет со времени выхода из государственной службы; но перед этим он устроил так, что его собственное наместничество в Испании было продолжено еще на пять лет, а ему даны полномочия усилить испанское войско двумя легионами и брать из государственной казны для раздачи жалованья по одной тысяче талантов ежегодно. Впрочем, когда Цезарь воспротивился принятию первого из этих законов, Помпей малодушно стал утверждать, будто Цезаря закон не касается и исключения для него не сделали по забывчивости.

Интриги против Цезаря продолжились и после того. В сенате еще в 51 году предлагали отозвать Цезаря из Галлии, но затем отложили это дело до 1 марта 50 года. Когда в этот день консул Клавдий Марцелл, ярый противник Цезаря, поставил на голосование вопрос об отзыве Цезаря, трибун Курион, которого Цезарь подкупил, уплатив его громадные

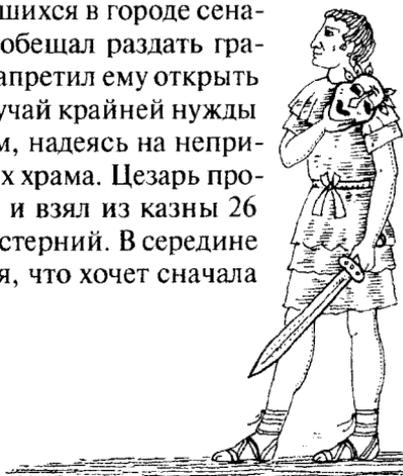
долги, потребовал, чтобы и Помпей отказался от Испании и своего войска. Между тем Помпей удалился в Кампанию и делал вид, что мало заботится об этом важном споре; он даже писал в сенат, что готов сложить с себя должность, возложенную на него без его согласия, и впоследствии сказал то же самое в Риме, прибавив, что его друг и родственник Цезарь, вероятно, также охотно уйдет на покой после продолжительных и трудных походов. Курион разгадал его хитрость и потребовал, чтобы он оставил должность раньше Цезаря. Тогда Помпей придумал план ослабить Цезаря. По его совету консул Марцелл предложил, чтобы Цезарь и Помпей отдали по одному легиону на войну с парфянами. Когда сенат согласился на это предложение, Помпей потребовал у Цезаря свой легион, который он дал ему раньше, так что Цезарю пришлось отдать два легиона. Он не стал спорить и отпустил легионы. Вскоре после этого в сенате снова был поставлен вопрос об отзыве Цезаря, и в это же время появился слух, что Цезарь с десятью легионами идет на Рим. Марцелл вместе с консулами, избранными на следующий год, поспешил к Помпею и вручил ему меч как знак, что отныне он является защитником города от посягательств узурпатора. Помпей меч принял и обещал начать набор войска. Между тем Курион отправился к Цезарю, который стоял с 5 тысячами пехоты и 300 всадниками в Равенне, ближайшем к итальянской границе городе своей провинции.

В последние дни декабря Цезарь послал Куриона в Рим с письмом к сенату и консулам следующего года; в этом письме он обещал распустить свое войско, если Помпей сделает то же самое; в противном случае он советовал Помпею позаботиться о своей безопасности. Трибуны Марк Антоний и Кассий Лонгин, близкие к Цезарю, едва смогли добиться прочтения этого письма в сенате, но содержание его не было принято во внимание. Тесть Помпея, Сципион, потребовал, чтобы Цезарь распустил свое войско, — в противном случае ему грозило быть объявленным врагом государства. 6 января 49 года Антоний и Кассий были изгнаны из сената и, спасая свою жизнь, вместе с Курионом и еще одним сторонником Цезаря — Целием Руфом бежали, одевшись рабами, в лагерь Цезаря.

Цезарь все время демонстрировал миролюбие, но, когда разрыв сделался неизбежным, быстро перешел в наступление, не давая неприятелю собраться с силами, хотя у него самого был только один легион. Он стоял на реке Рубикон, отделявшей его провинцию от Италии. Переходом через эту реку он начинал войну против своего отечества, делался государственным изменником. Хотя он уже давно освоился с этой мыслью, но теперь, когда ему предстояло окончательно решиться на смелый и опасный шаг, он еще раз должен был взвесить всю важность такого поступка. «Жребий брошен!» — сказал он и перешел через реку.

Весть об этом произвела в Риме величайшее смятение. Сенаторы отправились к Помпею; туда же явились и другие чиновные лица. И тут выяснилось, что самоуверенный Помпей не позаботился о самых необходимых приготовлениях к обороне; тем, кто прежде выражал по этому поводу беспокойство, он с усмешкой отвечал, что, дескать, ему стоит только топнуть ногой и явятся отряды пехоты и конницы по всей Италии. Теперь претор Фавоний с горькой насмешкой просил его топнуть, чтобы вызвать обещанные войска. После долгих колебаний Помпей решил покинуть Рим; за ним последовало большинство сенаторов и все те, кто считал нужным бояться Цезаря. Помпей подумывал о том, чтобы перебраться в восточные провинции, где он надеялся найти средства для ведения войны. Цезарь между тем действовал с ужасающей быстротой; город за городом без сопротивления сдавались ему, а войско быстро увеличивалось за счет наборов, громадного числа перебежчиков и подкреплений из Галлии.

За шестьдесят дней Цезарь завладел всей Италией. В Риме он успокоил народное собрание и оставшихся в городе сенаторов, позаботился о подвозе хлеба и обещал раздать гражданам деньги. Трибун Луций Метелл запретил ему открыть священную казну, сберегавшуюся на случай крайней нужды и оставленную консулами в Риме, и сам, надеясь на неприкосновенность своего сана, стал в дверях храма. Цезарь просто прогнал его, велел выломать двери и взял из казны 26 тысяч слитков золота и 40 миллионов сестерний. В середине апреля он поспешил в Испанию, говоря, что хочет сначала

разбить войско без полководца, а затем пойти на полководца без войска. Здесь он принудил к сдаче пять легионов и овладел Испанией. Затем, в начале зимы, переправился через Адриатическое море и несколько раз сходил с Помпеем в окрестностях Диррахиума, где, однако, успеха не добился и двинулся в Фессалию.

Друзья Помпея советовали ему возвратиться в оставленную Цезарем Италию, но Помпей отверг этот план. Он пошел в Фессалию вслед за Цезарем, чего, собственно, Цезарь и хотел, и там 9 августа 48 года в Фарсальской долине произошла решающая битва за господство в государстве.

Цезарь имел 82 когорты — несколько более 22 тысяч человек и около 1 тысячи галльских и германских всадников; у Помпея было в два раза с лишком больше войска. Сторонники Помпея были так уверены в победе, что заранее спорили об имуществе неприятеля и решали, как наказать его; они уже делили между собой консульство и другие почетные должности на год вперед. Помпей принял начальство над правым крылом, где против него стоял Антоний. Слева поставил свою конницу, 7 тысяч человек, в числе которых было много знатных юношей; им назначено было рассеять десятый легион противника, при котором в сражениях находился обыкновенно сам Цезарь. Когда Цезарь понял намерение Помпея, он выставил за десятым легионом шесть резервных когорт таким образом, что неприятель не мог их заметить, и приказал своим при приближении всадников бить их дротиками. «Эти нежные и красивые оруженосцы, — сказал он, — слишком заботятся о своих физиономиях, они не устоят и дрогнут при виде железа, направленного им прямо в глаза».

Когда Помпей осматривал стоявшие в боевом порядке войска, он заметил, что бывалые солдаты Цезаря спокойно ожидают начала атаки, между тем как большая часть его собственного войска, неопытного в военном деле, двигалась туда и сюда в постоянном беспокойстве. Опасаясь, что боевые порядки могут быть разорваны, он приказал, чтобы передовая линия, сомкнувшись в тесные ряды, ожидала неприятеля на месте — мера, которую Цезарь порицает в своем сочинении о гражданской войне, говоря, что быстрое нападение, как звук трубы, придает солдатам храбрость,

а стояние на месте при приближении неприятеля уменьшает ее.

Цезарь повел свои легионы в атаку, и вскоре битва сделалась всеобщей. Всадники Помпея атаковали пехоту Цезаря на правом крыле, желая окружить ее, но тут в дело вступили шесть когорт, бывшие в засаде, и конница Помпея отступила, оставив на растерзание когортам Цезаря своих пехотинцев. В этот момент Цезарь ввел в дело приберегавшиеся дотоле свежие войска, которые смяли левое крыло Помпея. Этим решилось все сражение.

Когда Помпей узнал, что его атака конницы, на которую он так рассчитывал, отбита, он с тяжелым, горестным чувством повернул свою лошадь к лагерю. Без слов, как окаменелый, сидел он в своей палатке, когда в полдень солдаты Цезаря, довершая избиение его армии, начали штурмовать лагерь. Тогда Помпей словно пробудился от оцепенения, поспешно переменял платье и, сев на лошадь, бежал с небольшим числом воинов по направлению к Лариссе. Солдаты Цезаря с удивлением увидели, что в лагере Помпея все палатки увенчаны миртовыми ветвями и украшены разноцветными коврами; кругом стояли сосуды, полные вина, на столах — кубки; неприятель, готовился к победе и собирался пировать. Цезарь в этой битве, как он сам утверждает, потерял только 200 солдат и 30 центурионов; другие определяли его потери в 1200 человек. Из воинов Помпея пало около 15 тысяч и более 24 тысяч сдались в плен. Победитель обошелся с ними весьма мягко. Еще на поле битвы Цезарь приказывал воинам щадить неприятельских солдат; после битвы он отпустил попавших в его руки сенаторов и всадников, не причинив им никакого вреда, а всех пленных включил в свое войско.

Звезда Помпея потухла. Оставив свое рассеянное войско, он бежал через Лариссу в Темпейскую долину. Здесь, умирая от жажды, поверженный полководец бросился на землю и напился из реки Пеней; затем снова встал и отправился через долину к морскому берегу. Затем на торговом судне он переправился на остров Лесбос. Его сопровождали только немногие, в том числе бывший в союзниках царь Галатии Дейотар. Фавоний, бывший претор, прислуживал

ему во время этого переезда, как раб своему господину, так как Помпей, прежде чем взойти на корабль, отпустил своих рабов. На Лесбосе находилась жена Помпея — Корнелия с младшим сыном; он отослал ее сюда раньше, заботясь о ее безопасности. Несчастливая женщина грезила о победах своего мужа, а теперь он являлся к ней беглецом, неуверенным даже в своей жизни.

С Лесбоса, уже вместе с женой, Помпей поплыл к азиатскому берегу. В Аттаде, в Памфилии, вокруг него стали собираться солдаты, и появилась надежда собрать войско для продолжения борьбы. В Египте царствовал тогда молодой царь Дионис, отец которого Птолемей Авдет был обязан своим престолом Помпею, и Помпей со своими сторонниками отправился к нему. Это было большой ошибкой. Молодой царь в это время, по сути, не управлял страной. Вместо него все дела вершили сановники Потин, Теодот и Ахилл, и они решили убить Помпея. «В таком случае, — заключил Теодот, — будет доставлено удовольствие Цезарю, да и Помпея нечего уже будет бояться, потому что мертвый не укусит», — прибавил он с усмешкой.

Ахилл принял на себя исполнение этого вероломного решения. Вместе с неким Септимием, бывшим прежде у Помпея военным трибуном, центурионом Сальвием и тремя или четырьмя слугами он отправился в рыбацкой лодке в открытое море, к стоявшему на якоре кораблю Помпея. Ахилл приветствовал Помпея на греческом языке и пригласил его войти в лодку, говоря, что море в этом месте слишком мелко для триремы. Помпей почувствовал ловушку, но в это время показалось несколько царских трирем, а на берегу появились тяжеловооруженные воины, так что бежать было немислимо. И Помпей скрыл свое недоверие, чтобы не дать повода к насилию. Он простился с женой и приказал двум центурионам, вольноотпущеннику Филиппу и рабу Скифу войти в лодку прежде него; в ту минуту когда Ахилл протянул ему из лодки свою руку, Помпей еще раз обернулся к жене и сыну и произнес стихи Софокла:

Кто переступит через порог тирана,
Тот раб его, хотя бы и свободным пришел.

Пока они плыли к берегу, никто не сказал и слова. Помпей посмотрел на Септимия и, желая нарушить тяжелое молчание, сказал: «Я думаю, что не ошибусь, если узнаю в тебе старого боевого товарища?» Септимий молча кивнул, и снова наступила тишина. Когда наконец они подплыли к берегу и Помпей оперся на руку Филиппа, чтобы легче было выйти из лодки, Септимий нанес ему сзади удар мечом, а за ним сделали то же Сальвий и Ахилл. Помпей обеими руками натянул тогу себе на голову и лицо и со стонами, но в спокойной позе, не говоря и не делая ничего недостойного, переносил удары убийц. Его жена, сын и друзья с жалобно кричали, глядя издали, как он погибает.

Помпей умер в 58 лет, за день до дня своего рождения, 29 сентября 48 года. В этот самый день в 61 году он праздновал свой третий триумф.

В то время, когда остававшиеся на судах римляне поспешили обратиться в бегство, убийцы отрубили Помпею голову, а туловище вытащили из лодки на берег. Филипп оставался возле него до тех пор, пока собравшаяся толпа вдоволь не насладились зрелищем обезглавленного трупа, затем обмыл его морской водой, обернул в одну из своих одежд и устроил погребальный костер из остатков рыбачьей лодки. Пока он делал все это, к нему подошел пожилой римлянин, который в молодости участвовал в походах под начальством Помпея, и попросил позволить ему отдать последний долг полководцу. Так был погребен Помпей.

Луций Лентул, консул предыдущего года, товарищ Помпея в борьбе против Цезаря, явился день спустя с Кипра на египетский берег, не зная о случившемся. Его схватили и тоже убили.

Когда в Египет прибыл Цезарь, ему принесли голову Помпея. Он отвернулся с ужасом, а увидев перстень Помпея с печатью, на которой был изображен лев, вооруженный мечом, не мог удержаться от слез. Ахилла и Потина он велел казнить. Теодот бежал из Египта и долгое время блуждал, презираемый всеми, в тяжелой нужде. Марк Брут, будущий убийца Цезаря, встретил его позже в Азии и велел убить. Царь Птолемей, начав войну с Цезарем, нашел свою смерть в Ниле. Прах Помпея был передан Корнелии, которая приказала хранить его в имении в Альбе.

Помпей был красивый человек, с благородной осанкой; черты его лица, полные серьезности и величественности, но не суровые, внушали уважение и доверие. Его живой взгляд свидетельствовал о чувстве собственного достоинства. По мягкости выражения глаз его сравнивали с Александром Великим, хотя наружность Помпея в целом не оправдывала такого сравнения. Как человек Помпей имел много почтенных качеств: он отличался от большинства людей высокого положения необычной для тогдашнего времени нравственной чистотой, был умерен, прост и воздержан. Но это была натура гордая, холодная, самолюбивая; он равнодушно относился к желаниям других людей и не был склонен соблюдать их права.

Гай Юлий Цезарь

Гай Юлий Цезарь родился в 100 году до Р.Х., 12 числа месяца квинтилия, который впоследствии по имени его назвали июлем; стало быть, он был на шесть лет моложе Помпея и Цицерона. Его отец, того же имени, дослужившийся только до претуры, умер, когда сыну шел шестнадцатый год. Мать его Аврелия, происходившая, как и муж ее, из весьма знатного рода, уделяла большое внимание воспитанию сына, который относился к ней с любовью до самой ее смерти в 54 году. Под наблюдением этой прекрасной женщины богатые способности мальчика получили превосходное развитие; при необыкновенной восприимчивости и сильном прилежании, он быстро усвоил многие знания. Одним из его учителей был грамматик Марк Антоний Гнифон, под руководством которого сформировалась та красота слога, которая проявляется в речах и сочинениях Цезаря. Его юношеские годы пришлось на Марсийскую войну и начало борьбы между Марием и Суллой. Марий, женатый на сестре отца Цезаря, сделал его, еще тринадцатилетнего мальчика, в 87 году, после своей победы над Суллой, жрецом Юпитера. Таким образом, Цезарь вступил в общественную жизнь; но расположение, оказываемое ему Марием, не побудило стать

на его сторону. Так же мало сочувствовал он и противоположной партии, к которой принадлежали знатнейшие из его родственников.

После того как Сулла сделался властителем Рима (82 год), молодой Цезарь оказался в опасном положении уже потому, что был родственником Мария, но он еще более раздражил всемогущего диктатора, дерзнув нарушить его волю. Марк Пизон, по воле властителя, развелся с вдовой Цинны — Аннией, Помпей — с Антистией. Сулла потребовал, чтобы и Цезарь развелся с Корнелией, дочерью Цинны, на которой он женился год тому назад по любви. Но Цезарь отказался исполнить это требование; он был готов подвергнуться преследованиям, чем совершить недостойный поступок. Его объявили вне закона, лишили должности жреца Юпитера и имений. Большой лихорадкой, в чужой одежде, изгнанник был вынужден блуждать по сабинской земле и в конце концов попался в руки соглядатаев, но выкупил свою жизнь за два таланта. По просьбе весталок и родственников Сулла его все-таки помиловал, но при этом заметил, что в Цезаре сидит не один Марий и его следует остерегаться.

Цезарь поступил на военную службу и отправился в Азию, где отличился при осаде Митилены, отошедшей от Рима во время войны с Митридатом. Затем он поступил во флот, чтобы сражаться с пиратами, но тут пришло известие о смерти Суллы, и он поспешил возвратиться в Рим. Здесь консул Марк Лепид предложил ему участвовать в свержении правительства, учрежденного Суллой, но Цезарь ответил отказом, предвидев, что удача окажется не на стороне Лепида. Зимой 76 года Цезарь отправился на остров Родос, где собирался совершенствоваться в ораторском искусстве под руководством знаменитого ратора Молона, но по пути попал в плен к киликийским пиратам. Рассказывают, что в продолжение тридцати восьми или сорока дней, проведенных на пиратском корабле, он вел себя не как пленник, а как господин пиратов; когда ему хотелось спать, он приказывал им соблюдать тишину; когда они недостаточно хвалили его стихи, которые он читал для препровождения времени, он шутя бранил их, называя грубыми варварами, и грозил, что велит всех их распять. Пираты потребовали с него двадцать

талантов выкупа, а он, говорят, обещал им пятьдесят, потому что за такого человека, как он, двадцать талантов слишком мало. Когда жители Милета доставили выкуп и Цезарь был высажен на берег, он в следующую же ночь собрал корабли, захватил пиратов и велел распять их в Пергаме, как и обещал.

В последующие годы Цезарь мало участвовал в общественных делах, но поддерживал расположение народа к себе щедрой раздачей денег и хлеба. Его враги утешались надеждой, что он в конце концов растратит свое имущество. Но Цезарь, несколько не беспокоясь, делал долги за долгами, в твердой уверенности, что расположение народа поможет ему достигнуть должностей, на которых он поправит свои расстроженные дела. Когда Помпей возвратился из Испании после войны с Серторием, Цезарь был уже влиятельнейшим главой народной партии. Но когда во время своего консульства в 70 году Помпей уничтожил конституцию Суллы, Цезарь, душа всего этого дела, скромно стоял на заднем плане.

В 68 году Цезарь стал квестором — должность, открывавшая путь к высшим постам. В этом году умерли сестра его отца, старая Юлия, вдова Мария, и его собственная супруга Корнелия, дочь Цинны. Потеря жены была для него прискорбна, но он воспользовался смертью ее и Юлии, чтобы воззвать к теньям Мария и Цинны. Он сказал обеим женщинам надгробные речи на форуме, которые были скорее похвальными речами Марию и Цинне. Партия аристократов впала в раздражение, но тем больше было одобрение народа.

Постепенно он ближе сошелся с Помпеем, женился на его родственнице Помпее, дочери Квинта Помпея Руфа и внучке Суллы, и поддержал законопроекты Габиния и Манилия, которыми Помпею поручалось начальство в войне с морскими разбойниками и с Митрилатом. Должность эдила, принятая им в 65 году, предоставила ему удобный случай укрепить популярность в народе. Обремененный долгами Цезарь устраивал очень дорогие игры, во время которых форум, базилика, Капитолий были украшены с неумеренной роскошью. Сенат пытался заставить его ограничить число гладиаторов, но Цезарь все-таки вывел на арену 320 пар в серебряных доспехах.

Его противники еще не продолжали пересуды, когда произошло событие, вызвавшее у них бурю возмущения. В свое время Сулла приказал разрушить находившиеся в Капитолии статую Мария и трофеи, взятые им в Югуртинской и Кимврской войнах. Но однажды утром статуя и трофеи снова оказались на прежнем месте. Народ с радостными криками повалил в Капитолий, и все прославляли Цезаря, ибо все это было сделано по его приказу. Испуганный сенат поспешил собраться и горячо обсуждал происшедшее; впрочем, из страха перед народом статую и трофеи решили не трогать.

Не обращая внимания на выпады сенатской партии, Цезарь продолжил борьбу с законами Суллы. По одному из этих законов были освобождены от наказания все те, кто во время проскрипций принимали участие в убийствах. Но Цезарь, председательствуя в суде, разбиравшем дела об убийствах, привлек к ответственности и осудил Луция Лусция и Луция Беллиена, которые во времена Суллы убивали людей, попавших в опалу. Затем, в 63 году, он возбудил преследование против Гая Рабирия, убившего 36 лет тому назад народного трибуна Луция Апулея Сатурнина. Он не испытывал к престарелому Рабирию личной вражды; осуждением его он хотел возвысить значение трибуната и напугать сенат.

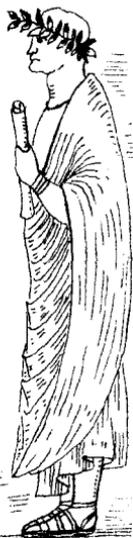
В том же году, после смерти Квинта Метелла Пия, освободилась должность верховного жреца, и Цезарь объявил себя соискателем. Другими двумя претендентами были вожди сенаторской партии Квинт Лутаций Катул и Публий Сервий Исаврйский. Обе партии не жалели денег, чтобы завербовать побольше сторонников. Цезарь потратил так много, что, отправляясь на выборы и вспоминая о своих долгах, сказал матери: «Ты увидишь меня или верховным жрецом, или беглецом!» Впрочем, его избрали огромным большинством голосов. Гордый Катул, считавший себя по заслугам гораздо выше Цезаря, принял это за большое оскорбление и огорчился тем более, что имел слабость обещать накануне выборов Цезарю денег, чтобы тот отказался от соискания должности.

Вскоре после этого Цезаря выбрали городским претором на 62 год. Его успехи возбудили против него ожесточенную

ненависть врагов; самыми непримиримыми из них были Катул и Гай Пизон; первый ненавидел его за свою неудачу на выборах в верховные жрецы, второй — за то, что Цезарь привлек его к суду. Когда вскрылся заговор Катилины, о котором еще пойдет речь, эти два человека приложили немало усилий, чтобы доказать, будто Цезарь в него замешан. Они просили консула Цицерона, имевшего в руках улики против заговорщиков, чтобы он при помощи какого-нибудь свидетеля обвинил и Цезаря, но Цицерон ответил отказом. Тем не менее враги Цезаря стали распространять слухи, что свидетели дали против Цезаря важные показания. Когда на заседании сената 5 декабря, где решалась судьба заговорщиков, Цезарь выступил против смертной казни и предложил приговорить виновных к пожизненному заключению, это сочли за заступничество. Когда Цезарь вышел из сената, всадники, которых Цицерон поставил на Капитолийском холме, бросились, подстрекаемые Пизоном и Катуллом, на него с обнаженными мечами. Но друзья прикрыли Цезаря, а Цицерон дал всадникам знак остановиться.

1 января 62 года Цезарь, вступив в должность претора, не стал, по старинному обычаю, провожать новых консулов в Капитолий, но созвал народное собрание, на котором предложил, чтобы достройка храма Юпитера Капитолийского, сгоревшего в 83 году, была отнята у Катула, которого он обвинил в сокрытии денег, и передана Помпею и чтобы в надписи, которая будет сделана на здании, содержалось имя не Катула, а Помпея. Осуществить задуманное Цезарю не удалось. Впрочем, хитроумный Цезарь и здесь извлек для себя пользу. Помпей с этого момента на долгое время уверился в его дружбе и еще больше разошелся с сенаторской партией, которая воспротивилась предложению Цезаря.

Во время этих событий Помпей был в Азии, но уже готовился к отъезду в Рим. Когда его посланец Метелл Непот в качестве трибуна предложил, чтобы Помпею позволили возвратиться в Италию со своим войском, он нашел в Цезаре сильную поддержку. На форуме произошла замечательная сцена. Метелл приказал публичному писцу прочесть это предложение, но этому воспротивился Катон, бывший в то время также трибуном. Метелл хотел читать сам, но Катон

вырвал у него бумагу; когда он хотел пересказать содержание своего предложения на память, трибун Минуций зажал ему рот.

Сенат одобрил поведение Катона и даже лишил Метелла и Цезаря занимаемых ими должностей. Метелл объявил, что он уступает силе и возвращается к Помпею, который сумеет отомстить за него и за себя и отстоять законы, но Цезарь как ни в чем не бывало продолжал отправлять свою преторскую должность, пока его силой не прогнали с судейского кресла. Раздраженная происходящим, толпа бросилась к жилищу своего любимца и умоляла его принять ее содействие. Но Цезарь попросил людей разойтись. Перепуганный сенат тем временем отправил к Цезарю делегацию, и в конце концов он был снова назначен на прежнюю должность.

Еще более раздраженные этим поражением, враги Цезаря опять заговорили об его участии в заговоре Катилины. Они подкупили бывших свидетелями по делу о заговоре Квинта Курия и Луция Веттия, и первый заявил в сенате, что от самого Катилины слышал о том, что Цезарь находится в числе заговорщиков, а второй обязался представить судье Новию Нигру письмо Цезаря к Катилине. Но и эта попытка обвинения провалилась.

В конце этого года в семье Цезаря произошло прискорбное событие. Когда римские матроны справляли в его доме женский праздник, на котором никто из мужчин не имел права присутствовать, Клодий, уже известный нам как человек развратный, пробрался туда в женском платье и встретился с женой Цезаря Помпеей. Он был признан и привлечен к суду, но Цезарь отказался выступить против него в качестве обвинителя. С женой же он развелся, объявив, что хотя не подозревает ее в неверности, но все-таки не может с ней жить, потому что целомудренная женщина не должна подать повода к подозрению.

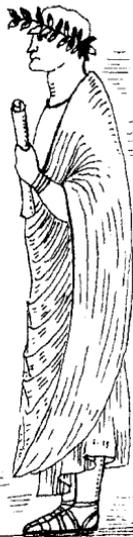
В 61 году Цезарь в качестве пропретора отправился в дальнюю Испанию. Кредиторы не хотели его отпускать, но с их докучливыми требованиями ему помог разделаться Красс. Предоставленные им 830 талантов вряд ли составили и десятую часть того, что нужно было для покрытия всех долгов, но их хватило, чтобы заткнуть рот самым рьяным кредиторам.

В Испании Цезарь впервые выступил в качестве самостоятельного полководца и стал претендовать на триумф.

Летом 60 года он возвратился в Рим и, расположившись перед городскими воротами, стал требовать триумфа и должности консула. Но так как хлопотать о консульстве, находясь вне города, возбранялось законом, он при приближении консульских выборов отказался от триумфа и явился в город, чтобы не потерять более важной цели. Аристократы делали все возможное, чтобы не допустить его до должности, однако он был избран огромным большинством голосов. Денег Цезарь не жалел, но и другая партия употребила на подкупы огромные суммы и добилась того, что аристократа Бибула, который уже был вместе с Цезарем эдилом и претором и смертельно его ненавидел, избрали ему в товарищи.

Еще до своего вступления в должность Цезарь заключил с Помпеем и Крассом триумвират и в знак этого союза выдал за Помпея дочь Юлию, а став консулом, выказал бурную деятельность. Прежде всего он сделал распоряжение, чтобы дела, рассматриваемые в сенате и в народных собраниях, записывались и публиковались ко всеобщему сведению. До тех пор записывались только постановления. Так Цезарь готовился к выдвиганию нового аграрного закона, по которому предлагалось разделить кампанскую и стеллатскую землю между наиболее бедными гражданами, имеющими троих или более детей. Во всех своих пунктах закон отличался большой умеренностью, но, как и ожидал Цезарь, сенат отказался его принять. Тогда Цезарь решил обратиться непосредственно к народу на форуме.

Явившийся на форум консул Бибул выступил против закона и гордо удалился. Тогда Цезарь, минуя всех других чиновников, обратился к Помпею, прося его высказать свое мнение; на вопрос, одобряет ли он этот закон, Помпей громко отвечал «Да» и добавил, что поддержит его щитом и мечом. Когда и Красс заявил то же самое, никто уже не осмелился противоречить. При приближении даты голосования Бибул, желая помешать утверждению закона, заявил, что он будет наблюдать небо; а в такие дни запрещалось обращаться к народу. Но Цезарь не обратил внимания на заявление Бибула и в назначенный день созвал народное собрание.

Ночью вооруженные ветераны Помпея и горожане заняли форум. Но лишь только Цезарь, стоя на ступенях храма Диоскуров, обратился к народу, явился Бибул с несколькими трибунами и бывшими консулами, в сопровождении видных членов сенаторской партии, подошел к Цезарю и прервал его. Тотчас же Бибул был сброшен со ступеней в грязь. Началась свалка, в которой были ранены два трибуна, пришедшие с Бибулом, и только случайность помогла избежать более серьезного кровопролития. Когда друзья силой увели Бибула, который даже обнажил шею, показывая, что готов тут же умереть, обсуждение закона возобновилось, и он был принят. Но насколько в этот день Бибул показал себя упорным, настолько же мало мужества выказал он в следующие дни. До самого конца года он уже не выходил из дома и обращал против Цезаря послания, полные ругательств. С тех пор остряки стали говорить, что в Риме два консула — Юлий и Цезарь, так как теперь Цезарь вел один все консульские дела, не обращая внимания на гнев аристократов, которые, будучи оставлены своим предводителем, вынуждены были подтвердить принятый на форуме аграрный закон в сенате. Вследствие этого более 20 тысяч бедных граждан сделались землевладельцами.

Аграрным законом Цезарь привязал к себе беднейший класс населения; другим законом он приобрел расположение сословий всадников. Всадники, бывшие откупщиками податей в Азии, вследствие войны с Митридатом понесли значительные убытки и до сих пор тщетно просили сенат о снятии с них откупных платежей. Цезарь выхлопотал для них постановление, по которому эта сумма была уменьшена на треть. Помпея Цезарь расположил к себе тем, что убедил народ одобрить его распоряжения в Азии; когда Лукулл воспротивился этому, Цезарь остановил его угрозой, что обвинит его в дурном управлении Азией, и так напугал его, что тот умолял о пощаде. К сенату Цезарь обращался редко, и когда однажды созвал его, то в собрание явились немногие. Когда он выразил по этому поводу удивление старому сенатору Конфидию Галлу, тот сказал, что многие не идут в сенат потому, что не уверены в своей безопасности, а сам он является, потому что уже слишком стар для того, чтобы бояться смерти.

Сенаторская партия предоставила Цезарю свободу, надеясь впоследствии спросить с него за все. Сенат постановил, что оба консула 59 года по окончании консульства не получат провинции. Цезарю вместо управления богатой провинцией должно было достаться место надзирающего за лесами и дорогами. Цезарь сделал вид, что всем доволен: ведь он говорил, что для себя лично ни в чем не нуждается. При этом он попросил трибуна Публия Ватиния устроить при помощи народа то, чего не дал ему сенат. По закону, получившему имя Ватиния, Цезарь получил от народа Цизальпинскую Галлию* и Иллирию с тремя легионами на пять лет; а когда его друзья стали говорить еще и о третьей провинции, то испуганный сенат, чтобы избавиться от худшего, прибавил ему и Трансальпийскую Галлию** и четвертый легион. Цизальпинская Галлия, или Верхняя Италия, была, по выражению Катона, акрополем Италии; отсюда человек, подобный Цезарю, мог господствовать над Римом; провинция же, лежащая по ту сторону Альп, давала ему случай к завоеваниям и военной славе, к образованию способного к бою, преданного ему войска, к приобретению богатств, в которых он так нуждался.

В конце марта 58 года Цезарь отправился в свою провинцию с твердым намерением покорить всю Галлию. Многочисленные галльские племена, враждовавшие между собой и находившиеся в состоянии упадка, были уже отчасти подвластны германскому вождю Ариовисту, и новые полчища германцев стремились от Рейна на юго-запад, к границам римских владений, и могли сделаться опасными соседями для римлян. Ближайшей задачей Цезаря было уничтожение германского владычества в Галлии. В то же лето 58 года он начал войну с Ариовистом, разбил его недалеко от Везонциона (Безансон) и оттеснил за Рейн. Таким образом, галлы переменили господина, но до полного подчинения Галлии было еще далеко.

* Цизальпинская Галлия называлась Галлией, «одетой в тогу», то есть «замиренной».

** Трансальпийская Галлия называлась «дикой», «носящей штаны». Она охватывала современную Францию, Бельгию, часть Голландии, большую часть Швейцарии и левый берег Рейна.

Здесь нельзя было закончить дело несколькими битвами, как на Востоке; приходилось покорять племена, которые при первом удобном случае восставали. Однако Цезарь, утвердившись в Средней Галлии, одолел почти всех — сначала белгов и аквитанов, затем переправившиеся через Альпы германские племена узипетов и тенктеров. В 52 году вождю племени арвернов Верцингеториксу удалось объединить для войны против Рима почти все галльские племена; он мог достичь успеха, если бы, продолжая партизанскую войну, продержался до удаления Цезаря из провинции, но Верцингеторикс сделал большую ошибку, собрав все свои силы в укрепленном пункте Алезии (к западу от Дижона в Бургундии), где его и принудили к сдаче.

В Риме в это время назревали серьезные события: вот должна была начаться война с Помпеем и сенатом. Зимой 51/50 годов Цезарь собрал свое войско, все десять легионов, на большой смотр в земле тревиров — впервые после окончания Галльской войны. Сердца легионеров принадлежали ему, он был всемогущей душой этого скопища людей, оторванных от родины долголетней разлукой и совершенно преданных ему. Только легат Лабием, который прежде не раз отличался Цезарем, теперь казался полководцу подозрительным. Цезарь сделал его командующим в Цизальпинской Галлии, чтобы дать ему возможность перейти на сторону Помпея и сената, так как он знал, что изменник может вредить, находясь только рядом с ним, а не в числе его противников. Лабием так и сделал, и Цезарь был настолько великодушен, что переслал ему его деньги и вещи.

В 49 году началась война с Помпеем. Выше, в биографии последнего, мы уже рассказали, как он, после смерти Красса и Юлии, все более и более отдалялся от Цезаря и в союзе с правительственной партией пытался ослабить его, пока наконец Цезарь, вынужденный защищаться, не перешел через Рубикон и не овладел за шестьдесят дней всей Италией. В конце концов Цезарь разбил Помпея при Фарсале 9 августа 48 года и, преследуя его, высадился в Египте, где убийцы принесли ему голову Помпея. Слезы, выступившие у Цезаря при взгляде на эту голову, были непритворны.

Царь Птолемей и его сестра Клеопатра вели друг с другом войну за власть. Цезарь, пленившись прелестями Клеопатры, уладил этот спор. Евнух Потин, опекун царя и соучастник убийства Помпея, поняв, что теряет власть, хотел отравить Цезаря на пиру, устроенном в честь примирения, но раб выдал его, и Потина казнили. Но это не остановило начавшегося в Александрии антиримского восстания. Одновременно к Александрии подступило войско, 20 тысяч пехоты и 2 тысячи конницы, под началом Ахилла, союзника Потина. Цезарь был осажден во дворце, и, казалось, ничто уже не могло его спасти. Однако ему удалось продержаться до подхода легиона из Азии, присланного тамошним наместником Домицием Кальвином. После этого произошло несколько сражений, и был момент, когда жизнь Цезаря опять висела на волоске: он едва не утонул.

Между тем в Египет явилась армия союзника Цезаря — Митридата Пергамского, и соотношение сил сразу изменилось. В решающей битве египетское войско было разбито, тринадцатилетний Птолемей во время бегства утонул в Ниле. Цезарь возвратился в Александрию, которая теперь умоляла о пощаде, и он проявил милосердие. Правление Цезарь передал Клеопатре и ее младшему брату, совсем мальчику, тоже Птолемею, которые заключили формальный брак. Пробыв в Египте девять месяцев, в июле 47 года он отправился в Сирию, а оттуда в Малую Азию, чтобы наказать Фарнака, сына Митридата Великого. Фарнак, как мы уже видели, овладел Боспорским царством своего отца; затем он воспользовался междоусобицей в Риме, чтобы снова покорить Понтийское царство.

Цезарь двинулся через Каппадокию в Понт, где с четырьмя легионами в четырехчасовом сражении при Целе одержал решительную победу над войском Фарнака. Это было 2 августа; в этот же день два года назад легаты Помпея сдались Цезарю в Испании. Фарнак с немногими всадниками бежал и затем был умерщвлен своим вельможей Азандером. Битва при Целе была ожесточенная, но вся война закончилась в пять дней. В порыве радости Цезарь написал в Рим известные слова: «Veni, vidi, vici» — пришел, увидел, победил.

Сделав в Азии необходимые распоряжения, Цезарь возвратился в Рим, где его присутствие было в высшей степени необходимо. После битвы при Фарсале он поручил управление Римом и Италией Марку Антонию, но тот предался чувственным удовольствиям и мало заботился о порядке и спокойствии. Дошло до бунта стоявших в Кампании легионов, которые отказались идти в Сицилию и Африку, пока им не будут выданы обещанные деньги и земли. Бесчинствуя, солдаты двинулись на Рим, расположились на Марсовом поле и объявили, что переговоры будут вести только с самим Цезарем.

Появившись среди них, Цезарь сказал коротко: «Вы распущены, квириты». Называя солдат квиритами, он обращался к ним как к гражданам, уже не состоящим в войске. Этого они не ожидали, поскольку вовсе не хотели обрабатывать землю. Пораженные, они стояли некоторое время молча, затем стали упрашивать диктатора, чтобы он не прогонял их. Цезарь повернулся, желая уйти; тогда к нему подошли ветераны десятого легиона, который был зачинщиком беспорядков, и униженно попросили, чтобы он наказал каждого десятого из них, и... хитроумный Цезарь простил их.

Многие влиятельные люди, принадлежавшие к сенаторской партии, вышли навстречу Цезарю, ехавшему из Брундизиума в Рим, желая получить его благосклонность. Цезарь отнесся к ним снисходительно и старался расположить к себе дружественным обращением. С особенным расположением отнесся он к Цицерону, высказав желание, чтобы тот не удалялся от общественных дел, — для него было важно, чтобы такой влиятельный человек, как Цицерон, объявил себя приверженцем нового порядка. Цицерон переехал из деревни в Рим; при этом, однако, он опасался, как бы не повторились проскрипции времен Суллы. Мало кто из противников Цезаря был готов оценить благородный образ его мыслей.

Цезарь получил диктатуру на один год, стал консулом следующего года, пожизненным трибуном и почти сразу отправился на войну в Африку, где предводители партии Помпея — Метелл Сципион, Катон, Лабиен и другие, бежавшие после битвы при Фарсале, — снова собрали, при содействии нумидийского царя Юбы и пропретора Аттия Вара, значитель-

ное войско, руководство которым принял на себя Сципион. У них было 10 легионов римских и 4 нумидийских, много легковооруженных воинов, бесчисленное множество конницы, 120 слонов и, кроме того, значительный флот. В конце декабря 47 года Цезарь отправился на Сицилию с 6 легионами и 2 тысячами всадников, но буря разметала его флот, и при высадке он имел только 3 тысячи пехоты и 150 всадников. Сходя с корабля, он споткнулся и упал. Сделав вид, что поступил так намеренно, он в ту же минуту воскликнул: «Ты в моих руках, Африка!», таким образом, обратив дурное предзнаменование в хорошее и успокоив солдат.

С небольшим войском ему долгое время пришлось бороться с гораздо более многочисленным противником. Наконец 6 апреля 46 года, когда неприятель считал его положение почти безнадежным, Цезарь произвел стремительную атаку и уничтожил все вражеское войско. Так как сторонники Помпея прежде убивали всякого цезарианца, попадавшего в плен, то Цезарь ни просьбами, ни угрозами не мог усмирить ярости своих солдат: даже те, кто бросил оружие, были перебиты в дикой схватке. Противник потерял до 50 тысяч человек, Цезарь — только 50 убитыми и несколько ранеными. Юба, Петрей, прежде начальствовавший над войсками Помпея в Испании, и Сципион вскоре после битвы, отчаявшись спастись, покончили жизнь самоубийством. Лабиен и некоторые другие отправились в Испанию.

Катон с самого начала войны занял Утику. При приближении Цезаря он решил умереть, чтобы не пережить падения республики, за которую всегда столь мужественно сражался. Он позаботился о судах, чтобы люди, находившиеся вместе с ним, могли спастись, а сам приготовился к смерти. После ужина, во время которого Катон живо рассуждал с друзьями о философских предметах, он лег в постель и стал читать сочинение Платона о бессмертии. Заметив, что сын унес его меч, он с бранью стал требовать оружие назад и в гневе наказал раба, медлившего исполнить приказ. Сын и друзья вошли к нему в комнату и стали умолять, чтобы он пощадил себя. Катон был непреклонен. Когда они удалились, он продолжил чтение, а затем, получив от своего отпущенника Бута уведомление, что корабли отплыли, запер двери и пронзил

себя мечом. Рана была не смертельна, ему перевязали рану, но он сорвал повязку и истек кровью. Катон умер 49 лет от роду; это был благородный человек, отличавшийся твердостью воли. Друзья Катона похоронили его на берегу моря близ Утики, где впоследствии ему была поставлена статуя. Его обыкновенно называют, чтобы отличать от предка Катона Старшего, Катонем Утическим.

В конце июля 46 года Цезарь возвратился в Рим. Победа его казалась теперь полной, и сенат с услужливой преданностью поспешил встретить неограниченного властелина, все еще опасаясь, что Цезарь начнет мстить. Сенат устроил в честь его сорокадневное празднество и дал ему четыре триумфа — над Галлией, Египтом, Фарнаком и Юбой, назначил его диктатором на десять лет и блюстителем нравов на три года, причем Цезарю дано было право менять по своему усмотрению состав сената, исключать людей из сословия всадников и пополнять это сословие. В августе Цезарь с большим великолепием отпраздновал в разные дни свои четыре триумфа. Народу было устроено роскошное угощение, розданы подарки, организованы многочисленные увеселения; солдаты получили награды и земельные наделы. Еще во время этих праздников Цезарь издал различные законы для обеспечения спокойствия и восстановления порядка. В числе прочего был установлен новый календарь, поскольку прежний находился в весьма запутанном состоянии. Большая часть работы по составлению календаря, названного по имени диктатора юлианским, была исполнена александрийским математиком Созигеном и писцом Флавием, но Цезарь и сам принял в этом деле активное участие, так как обладал довольно значительными познаниями в математике и астрономии.

Осенью 46 года Цезарю снова пришлось отправиться на войну. Остатки сторонников Помпея под начальством Лабиена, Вара и двух сыновей Помпея, Гнея и Секста, укрепились на юге Испании и угрожали расширением своих владений. Несколько месяцев после прибытия Цезаря прошли в незначительных стычках, пока наконец 17 марта 45 года по новому, юлианскому, календарю две армии не сошлись при Мунде, к северу от Гранады. Взаимное ожесточение не

знало границ. В какой-то момент Цезарь усомнился в счастливом исходе дела. Тогда он оставил свою лошадь и с обнаженной головой, желая быть узанным, бросился в передние ряды. Смерть грозила ему со всех сторон, его щит был пробит дротиками. И тут мавританский царь Богуд, сражавшийся в войске Цезаря, без приказа и в общем-то несвоевременно повел своих всадников в тыл Гнея Помпея. Лабием, увидев это, отвел свои пять когорт назад. Цезарь воскликнул: «Они бегут!» Его победный клич разнесся по всему войску. Воодушевленные цезарианцы ударили по всему фронту, и враг побежал. Погибли 33 тысячи сторонников Помпея, в том числе военачальники Лабием и Аттий Вар. Гней, старший сын Помпея, раненый оставил поле сражения и несколько недель спустя был убит. Цезарь потерял только 1 тысячу убитыми и 500 ранеными. Это было самое упорное сражение гражданской войны. Цезарь говорил, что во всех других битвах он бился за победу, а здесь — за свою жизнь.

В сентябре 45 года Цезарь снова в Риме, где его осыпали новыми, неслыханными почестями. Сенат постановил устроить в его честь пятидесятидневное празднество; было решено, что впредь на игры в цирке вместе со статуями будет доставляться статуя Цезаря, сделанная из слоновой кости, и что другая статуя диктатора, с надписью: «Непобедимому богу», будет поставлена в храм Квирина (Ромула), чтобы таким образом почтить Цезаря как второго основателя Рима. Неограниченная власть, которой он пользовался фактически, была закономерно утверждена за ним: Цезарь был назначен пожизненным диктатором и судьей нравственности, консулом на десять лет, получил право титуловаться императором и передавать этот титул потомкам, а также право распоряжаться всеми вооруженными силами и государственной казной Рима. Особа его была объявлена неприкосновенной; всякий сенатор принес клятву, что будет защищать его ценой собственной жизни. Все его распоряжения отныне получали силу закона, и чиновники при вступлении в должность должны были давать клятву в том, что не будут действовать против какого бы то ни было из его постановлений. В знак своей высокой должности Цезарь носил, по распоряжению

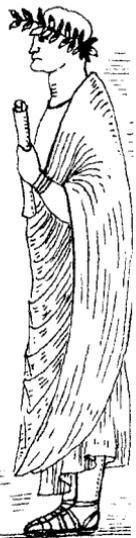

сената, при всех торжественных случаях одежду триумфатора, а лавровый венок постоянно, что должно было быть особенно приятно для него, так как он был плешив. Он восседал в сенате и в суде на высоком золотом кресле, одетый в царскую пурпурную одежду. Ему дано было прозвание «Освободитель» и титул «Отец отечества». Он мог выбивать свое изображение на монетах, что прежде не дозволялось ни одному смертному; в честь его было воздвигнуто множество статуй. День его рождения стал общим праздником, месяц его рождения называли июлем. Дом его украсили фронтоном, как храм. В его честь каждые пять лет должны были происходить игры, на которых жрецы и весталки молились за него. Ему и богине Клеменции (Милости) был посвящен храм, жрецом в котором стал Марк Антоний.

Цезарь стал единовластным правителем, республика обратилась в ничто, в пустое слово. Республиканские должности сделались пустыми титулами. Цезарь увеличил число этих должностей, чтобы, раздавая их своим друзьям и бывшим противникам, привязать к себе этих людей. По этой же причине, а равно и для того, чтобы уничтожить значение сената, число членов этого учреждения постепенно было увеличено до 900; среди них были и простые солдаты, и дети отпущенников, и даже иностранцы. Ветеранов и безземельный народ Цезарь привлек к себе раздачей земель и основанием колоний; между прочим, он решил заново построить Карфаген и Коринф. По всему государству шло строительство — возводились огромные здания, проводились дороги; были высушены Понтинские болота. Цезарь приказал собрать и привести в порядок существующее законы, он задумал основать большую библиотеку под руководством ученого Теренция Варрона. Одновременно шли приготовления к войне с парфянами. Этой войне предстояло стать возмездием за поражение войска Красса. После победы над парфянами Цезарь хотел завоевать страны, лежащие по берегам Каспийского и Черного морей до пределов Германии и Галлии. Но смерть поразила его среди этих грандиозных планов. Уже ушли в Азию 16 легионов и 10 тысяч конницы, и сам император намеревался ехать через четыре дня вслед за войском, но в мартовские иды, 15 марта 44 года, он пал под кинжалами заговорщиков.

Победив своих врагов, он позволил поставить свое избрание в ряду царских; друзья в узком кругу называли его царем и даже делали попытки превратить этот титул в официальный. Когда 26 января 44 года, в день латинского праздника, он торжественно входил в Рим, возвращаясь с Албанской горы, они приветствовали его как царя, но народ их не поддержал. В праздник Луперкалий, 15 февраля, когда Цезарь в триумфальной одежде сидел на ораторской трибуне, к нему подошел консул Марк Антоний, наиболее ревностный из его приверженцев, и хотел возложить на него диадему. Народ при виде этой картины возроптал, и Цезарь отклонил подарок — тогда раздался всеобщий крик одобрения. Следуя за мнением толпы, диктатор объявил, что только Юпитер может называться царем в Риме, и отослал диадему в Капитолий. Впрочем, он не оставил попыток обрести царский титул и пустил в ход религиозные средства. В Сивиллиных книгах нашли предсказание, что римляне только тогда победят парфян, когда будут иметь царя; приверженцы Цезаря потребовали в сенате, чтобы ему дано было право называться царем за пределами Италии. Если бы это произошло, то вряд ли победитель парфян, возвратившись в Рим, встретил отказ в царском титуле. Но на заседании сената 15 марта, где этот вопрос должен был решиться, Цезарь был убит.

Тем не менее не следует думать, что причиной смерти Цезаря было стремление к царской власти. Хотя убийцы и говорили, что действуют ради спасения свободы и республики, к преступлению побуждали их более простые, своекорыстные мотивы. Недовольные находились и среди самых цезарианцев, и среди пощаженных, но униженных и оскорбленных врагов. Главным виновником заговора следует считать Гая Кассия Лонгина. Это был худой, истощенный страстями человек, с бледным лицом и мрачным, решительным характером. Он принадлежал к партии Помпея, был прощен Цезарем, но думал, что Цезарь недостаточно внимательно отнесся к заслугам в войне с парфянами; он был возмущен тем, что других послали наместниками в провинции, а он получил только должность младшего претора в Риме, между тем как старшим претором стал его родственник, брат жены, Марк Юний Брут.

Кассий завидовал Бруту и считал его любимчиком Цезаря: прежде Брут был сторонником Помпея, однако получил от Цезаря много отличий. Но именно его Кассий решил сделать главным своим орудием. Нужно было внушить ему мысль, что он призван для спасения свободы отечества. Брут был, может быть, единственным человеком среди заговорщиков, в действиях которого можно предполагать такую благородную цель. И Брут позволил себя одурачить: он дал заговору свое имя, и это помогло привлечь к этому делу многих других. Набралось более 60 человек; большинство из них были сенаторы, в том числе цезарианцы Децим Брут, Минуций Базил, Гай Требоний, два брата Сервилии Каски, Тиллий Цимбер...

Заговорщики долго не могли выбрать время и место для покушения на Цезаря и наконец решили исполнить свой план на заседании сената 15 марта. Они спешили, так как среди них легко мог найтись изменник; к тому же Цезарь вот-вот должен был отбыть на войну с парфянами. В назначенный день утром заговорщики собрались на Марсовом поле и ждали Цезаря. Но Цезарь не являлся, и они стали уже боязливо переглядываться, думая, не выдал ли кто-нибудь их плана. Оказалось, однако, что Цезарь остался дома только вследствие опасений своей жены Кальпурнии, которой снились ночью беспокойные сны, и он уже поручил своему товарищу Марку Антонию отложить заседание сената. Тогда заговорщики отправили к Цезарю Децима Брута, и тот стал уговаривать не оскорблять сената, собравшегося по его приказанию, и не откладывал заседания из-за женских снов. Цезарь колебался, но Брут почти насильно увлек его с собой.

Цезарь был не совсем здоров и поэтому отправился на заседание в носилках; его сопровождала многочисленная свита и большая толпа народа. Говорят, что по дороге ему представлено было письменное разоблачение заговора, но при множестве просьб, которые подавались, он не обратил на это внимания. Когда Цезарь, прибыв в сенат, вышел из носилок, к нему подошел сенатор Попиллий Лэна и стал говорить весьма настойчиво; заговорщики подумали, что сенатор выдал их, и уже собрались самоубийством избавить-

ся от ареста, но затем, по выражению лица Попиллия, поняли, что речь идет о чем-то другом, и успокоились.

В то время как другие пошли вслед за диктатором в курию, Требоний остался, чтобы разговором задержать на улице Марка Антония, которого заговорщики опасались. Цезарь сел на золотое кресло, и заговорщики окружили его. Тиллий Цимбер выступил вперед и стал просить за своего изгнанного брата; все поддержали его просьбу, схватили Цезаря за руки, стали целовать его в голову и в грудь, чтобы убедить, что на нем нет панциря или какого-нибудь спрятанного оружия. Когда он, недовольный их навязчивостью, сделал усилие, чтобы встать, Тиллий обеими руками сорвал у него с плеч тогу. Это был условный знак для нападения. Каска, стоявший позади Цезаря, первый обнажил кинжал и дрожащей рукой нанес ему легкую рану в шею. Цезарь обернулся к нему и, схватившись за рукоятку кинжала, воскликнул: «Каска, что ты делаешь?» Но тут все заговорщики бросились на свою жертву и стали наносить ей удар за ударом так поспешно, что даже поранили друг друга. Цезарь пытался защищаться; но, увидев, что Марк Брут также поднял на него кинжал, горестно воскликнул: «И ты, сын мой?» После этого он закрыл голову тогой и, пораженный двадцатью тремя ударами, упал мертвым к подножию статуи Помпея. Еще накануне вечером, ужиная у Марка Лепида, на вопрос о лучшем роде смерти он ответил, что самая лучшая смерть — неожиданная.

Заговорщики хотели бросить труп Цезаря в Тибр, но забыли о теле, когда, совершив убийство, увидели, что сенаторы, вместо того чтобы одобрить их, в смущении побежали из курии; испугавшись содеянного и не зная, что предпринять, убийцы отправились в Капитолий. После этого трое слуг Цезаря вошли в опустевшую курию и отнесли к Кальпурнии окровавленный труп своего господина. Пораженная страхом, она побежала искать спасения в дом консула Марка Антония, верного друга ее мужа. Антонию от Кальпурнии досталось и личное состояние Цезаря — 25 миллионов динариев, которое он присвоил без зазрения совести.

Антоний мечтал занять место Цезаря, и он поступил хитро: с одной стороны, способствовал амнистии убийцам,

а с другой, утверждению законов Цезаря. Когда же сенат и аристократия решили прибрать к рукам управление республикой, Антоний начал действовать. Он приказал обнародовать завешание убитого диктатора, которым главным наследником назначался приемный сын Цезаря — Гай Октавий, внук его младшей сестры, а народу делались также значительные подарки. Этим Антоний настроил толпу против убийц.

По распоряжению Антония тело Цезаря должно было быть предано сожжению, а прах погребен на Марсовом поле, рядом с могилой его дочери Юлии. Но погребальная процессия остановилась на форуме, тело было опущено на помост, над которым возвышался позолоченный балдахин. Антоний начал говорить речь — он изобразил заслуги и подвиги великого человека, отца отечества, благодетеля народа, сказал о преступной неблагодарности убийц, потворстве сената, поклявшегося защищать Цезаря жизнью, и наконец показал окровавленную, разорванную одежду диктатора...

Гроб, стоявший на форуме, был подожжен факелами; толпа стала бросать все, что смогла найти, — хворост, столы и скамьи, и так был устроен костер; мимы, участвовавшие в похоронных играх, бросили в пылающий огонь свои нарядные одежды; ветераны — оружие, женщины и дети — украшения. Затем возбужденный народ, схватив пылающие головни, бросился к домам заговорщиков и спалил дом одного из них, Луция Беллиена; впрочем, Антоний сумел удержать людей от погрома. Тем временем отпущенники Цезаря взяли его прах и похоронили в заранее приготовленной могиле на Марсовом поле.

Заговорщики убили Цезаря в ту минуту, когда благодаря богатым его талантам после продолжительных раздоров в Риме наконец появилась надежда на мир и порядок. Они хотели восстановить республику, но ситуация была такова, что республика более не могла существовать. Тотчас же вслед за убийством Цезаря начались новые распри, в которых решалось, кому достанется власть над Римом, и в этих распрях прежде всего погибли сами заговорщики.

Цезарь был высок и строен, имел прекрасную, мужественную наружность; его живые черные глаза всегда были весе-

лы; губы его были несколько толсты. С течением времени он худел и становился бледнее; однако падучая болезнь, от которой он страдал в молодости, не оказала существенного влияния на его здоровье. Тело его было крепко и сильно, он мог переносить любые лишения и делил со своими войсками все труды. Он мог помериться с кем угодно в верховой езде, фехтовании и плавании и часто храбро сражался впереди своих войск. Жизнь он вел умеренную, ибо невоздержность и неутомимая деятельность не мирятся между собой. Самой сильной страстью его было честолюбие, он хотел и умел быть первым. Если его честолюбие встречало препятствие, то он мог быть суровым и беспощадным. Но жестокость и мстительность были ему чужды; это была мягкая, открытая, добрая натура, благородная и великодушная, охотно прощавшая там, где это было возможно, ибо умственное превосходство побуждало скорее прощать, чем наказывать.

Это был человек с выдающейся, неистощимой силой ума, одаренный многосторонними талантами; труднейшие задачи были для него забавой. Он отличался как оратор, как исторический писатель, как ученый, занимавшийся различными отраслями знания — грамматикой, математикой, астрономией. Дошедшие до нас семь книг о Галльской войне и три книги о гражданской войне представляют в простом, естественном изложении произведение ясного, пронзительного, образованного ума. Человек, одаренный такими способностями, должен был иметь сильную власть над умами людей, затмевать всякого, кто бы ни осмелился соперничать с ним.

Очень точно сказал о нем Нибур: «Если бы Цезарь родился на троне... он достиг бы цели своей жизни с величайшей славой; если бы он жил в век республиканский, он никогда не подумал бы стать выше закона; но он жил в такой период, что ему уже не было возможности сделать выбор — он должен был сделаться молотом, чтобы не быть наковальней. Натура Цезаря была не похожа на натуру Цицерона: он не мог поворачиваться по направлению ветра; он чувствовал, что должен управлять событиями, и не мог оставаться на месте или идти назад: поток событий неудержимо увлекал его за собой».

Гай Юлий Цезарь Октавиан Август

Октавиан родился 23 сентября 63 года до Р.Х. и звался первоначально, как и отец его, Гаем Октавием, но затем, сделавшись приемным сыном Цезаря, принял имя Гая Юлия Цезаря Октавиана. Его мать Аттия была дочерью младшей сестры диктатора Юлии и Марка Аттия Бальба. В четыре года он лишился отца и воспитывался некоторое время в доме своей бабки Юлии, пока мать снова не вышла замуж за Луция Марция Филиппа. Его бездетный двоюродный дед, диктатор Цезарь, деятельно участвовал в воспитании мальчика. В шестнадцать лет, после битвы при Фарсале, он надел мужскую тогу и вскоре сделался понтифексом.

Октавий был слаб здоровьем, что не позволило ему принять участие ни в африканском, ни в испанском походе Цезаря. Но тем не менее осенью 45 года он, по воле деда, отправился со своими друзьями, Марком Агриппой и Квинтом Сальвидиеном Руфом, в Иллирию, чтобы среди воинов, посланных на войну с парфянами, получить необходимый для полководца опыт. Он жил большей частью в Аполлонии. На шестой месяц пребывания здесь Октавий получил известие об убийстве своего деда.

Он тотчас поспешил в Италию и в начале апреля высадился в Лупиях, неподалеку от Брундизиума, — но не в самом Брундизиуме, обычном месте высадки, где, может быть, его ожидал кинжал заговорщика. Здесь он узнал, что Цезарь назвал его в завещании сыном и наследником, и сам принял имя Юлий Цезарь. Затем отправился в Брундизиум и принял от войск, верных Цезарю, приветствие, как его сын.

Чуть ли не в одночасье этот юноша, еще не достигший и девятнадцати лет, стал значительным человеком. Со всех сторон стали стекаться к нему сторонники, ветераны, отпущенники и рабы Цезаря, и многие предлагали ему выступить мстителем за своего названного отца. Но он с хитрой осторожностью выступил сначала лишь частным наследником, чтобы впоследствии, воспользовавшись обстоятельствами, сделаться преемником власти. На другой день по прибытии в Рим он заявил городскому претору, что принимает усынов-

ление и наследство Цезаря. При этом он пообещал по завещанию Цезаря одарить народ деньгами и дать игры, но консул Антоний, завладевший всеми средствами Цезаря, и не думал с ними расставаться. Когда Октавиан потребовал вернуть деньги, чтобы заплатить по завещанию Цезаря, Антоний стал уверять, что ему достались только долги. Октавиану ничего не оставалось, как расплатиться по завещанию Цезаря собственными деньгами, для чего ему пришлось продать свое имение. Впрочем, Антонию он ничего не простил и, дабы противостоять ему, соединился с сенатской партией, хотя она и потворствовала убийцам Цезаря, а также вступил в особенно тесные отношения с Цицероном, который теперь играл значительную роль в сенате.

Антоний, однако, не считал его серьезным противником в борьбе за власть, которая развернулась в Риме. Он выступил против Децима Брута, который в качестве претора удалился в назначенную ему Цизальпинскую Галлию и начал набирать там войско. На приказ сената сдать дела Марку Антонию Брут ответил отказом, и Марк Антоний получил законное право начать против него военные действия. Тогда сенат, который никак не мог окончательно решить, на чьей он находится стороне, послал против Антония консулов Авла Гирция и Гая Вибия Пансу и, по предложению Цицерона, постановил, чтобы Октавиан сопровождал их в качестве пропретора со своим собственным войском. В так называемой Мутинской войне 43 года Антоний был разбит; при этом оба консула погибли. Таким образом, Октавиан остался единственным начальником над войсками, но сенат, не желавший возвышения опасного наследника Цезаря, неожиданно поручил командование Бруту, приказав ему преследовать разбитого Антония, который направился в Трансальпийскую Галлию и там заключил союз с наместниками Галлии и Испании Марком Лепидом, Мунацием Планком и Азинием Поллионом.

Это привело Октавиана к необходимости втайне помириться с опальным Антонием, в чем ему помог Лепид. Обезопасив себя с этой стороны, он отправил в Рим четыреста человек и через них потребовал консульства. Сенат его притязания отверг, и тогда Октавиан изобразил дело так, буд-

то оскорбленные ветераны Цезаря требуют, чтобы он шел в Рим. Он осадил город, завладел государственной казной и 19 августа 43 года, не достигши еще двадцати лет, заставил избрать себя консулом. Товарищем его сделался преданный ему Гай Педий, который тут же предложил сенату снять опалу с Антония и Лепида, что и было сделано.

После этого Октавиан отправился в Верхнюю Италию, где встретился Антонием и Лепидом на речном острове недалеко от Бононии (Болонья). Обе стороны во время этой встречи вели себя настороженно. Октавиан, равно как и Антоний, выставил на берегах реки пять легионов; 300 человек сопровождали каждого из них к мостам. Говорят, что они даже обыскали друг друга, не спрятали ли у кого-нибудь оружие. Переговоры, в которых главную роль играли Антоний и Октавиан, продолжались два дня; на третий день результаты переговоров были сообщены войскам. Полководцы заключили союз на пять лет с целью восстановления спокойствия и порядка в государстве и объявили себя чрезвычайными чиновниками с консульской властью, распоряжения которых должны были иметь силу закона без утверждения сената и народа. Должности и чины они распределили заранее на пять лет между людьми, пользовавшимися их доверием. Лепид должен был на следующий год остаться в Риме в качестве консула, а Антоний и Октавиан отправиться на войну с Марком Брутом и Кассием Лонгином, которые собрали значительные военные силы на востоке, один в качестве наместника Македонии, другой — Сирии. Лепид уступил для этой войны большую часть своих легионов.

Самым худшим в этих условиях были проскрипции. Для предстоящей войны триумвиры нуждались в деньгах, и добыть эти деньги предполагалось у политических противников в Риме, чье имущество решили конфисковать и употребить на военные издержки. При этом каждый из триумвиров находил в проскрипциях удобное средство для сведения счетов со своими врагами. Они торговались в продолжение целого дня, принося в жертву ненависти других жизнь своих друзей и родственников, чтобы погубить врага, которого другой хотел спасти. Октавиан принес в жертву Антонию Цицерона, помогшего ему стать на ноги при первом появ-

лении в Риме. Антоний пожертвовал своим дядей Луцием Цезарем, Лепид — братом Луцием Эмилием Павлом.

Письменный договор триумвиры утвердили клятвой, а клятву скрепили браком: Антоний отдал за Октавиана падчерицу Клодию, дочь своей жены Фульвии от брака ее с Публием Клодием. Октавиан прочел договор перед соединенными войсками, пропустив, однако, статью о проскрипциях. Потом триумвиры стали готовиться к отъезду в Рим, но наперед послали консулу Педию приказ казнить семнадцать наиболее значительных лиц, в том числе и Цицерона. Педий велел напасть ночью на дома указанных ему людей; некоторые из них были найдены и убиты, других искали. В городе распространилась паника, все бежали, слышались вопли, как в осажденном городе. Педий, пораженный этим смятением, стал бегать по улицам, уверяя, что бояться нечего, а с наступлением дня граждане увидели на улицах объявление с именами семнадцати осужденных на смерть.

Триумвиры, вступив с войсками в город, 27 ноября вступили в присвоенные должности. Тотчас же начались ужасы проскрипций. Триумвиры объявили, что намерены покарать бесчестных убийц Цезаря, и никто не должен укрывать их или помогать им под страхом опалы. Свободному гражданину за голову убитого заговорщика было обещано 25 тысяч динариев, а рабу, кроме свободы и права гражданства, 10 тысяч динариев. Такая же награда назначена и доносчикам. Проскрипционные списки были вывешены по всему Риму; на одной доске стояли имена сенаторов, на другой — имена всадников. Сначала выставлены были имена 130 сенаторов, затем еще 150; всадников в списках было около 2 тысяч.

После объявления проскрипционных списков ворота города заперли, в порту поставили стражу, во все стороны были разосланы центурионы на розыски несчастных жертв. Началась ужасная резня, в которой обнаружили самые дикие страсти. Родители не были уверены в своих детях, муж в жене, брат выдавал брата, раб — господина. Гай Тораний просил отсрочки, чтобы сын его мог ходатайствовать за него перед Антонием, и узнал, что именно сын требовал его смерти. Сын претора Луция Виллия Анналия привел солдат к месту, где скрывался его отец, и в награду получил его

имения и должность эдила. Жена Септимия спрятала его, когда он стал искать убежища, и затем выдала убийцам, чтобы получить возможность выйти за другого. Рядом с таким вероломством было много примеров привязанности и верности. Анция Рестиона спас раб. Многие рабы выносили пытку, не выдавая своих господ, надевали их платье и погибали вместо них или убивали пришедших убийц и затем сами себя. Братья жертвовали собой ради братьев, сыновья ради отцов, жены с опасностью для жизни спасали своих опальных мужей. Многие бежали за море, в лагерь Брута и Кассия; большинство же бежало в Сицилию, к Сексту Помпею, сыну Помпея Великого, который после поражения при Мунде собрал значительный флот и господствовал над большей частью Средиземного моря.

Террор продолжался до 1 января нового года, когда с объявлением новых консулов действие проскрипций было прекращено и всем было приказано, под страхом опалы, праздновать Новый год, как всегда, торжественно. Униженный сенат постановил дать триумвирам «гражданские венки» — за то, что они своими заботами спасли государство и обезопасили жизнь многих граждан.

Так как от продажи конфискованных имений было выручено меньше, чем рассчитывали, триумвиры самым бессовестным образом взяли недостававшие 200 миллионов у жен и детей опальных. Эти деньги требовались на войну с Марком Брутом и Кассием, которые собрали многочисленное войско и готовились встретить неприятеля в Македонии. Здесь, при Филиппах, осенью 42 года состоялась решающая битва. И те и другие имели по девятнадцать легионов; легионы Брута и Кассия были не в полном составе, но в их распоряжении было более 20 тысяч конницы, тогда как у Антония и Октавиана ее было только 13 тысяч. Октавиан поставил свои войска против Брута, Антоний — против Кассия. Войска Брута, отбросили легионы Октавиана и, обойдя его левый фланг, оттеснили их в лагерь, откуда Октавиан спасся едва ли не чудом. Но вследствие этого движения позиция Кассия осталась с одной стороны открытой. Октавиан воспользовался этим и ударил ему во фланг; в это же время Антоний оттеснил левый фланг Кассия. Кассий отступил на

холм, и туда направились всадники, посланные Брутом, чтобы возвестить о победе. Но Кассий принял их за неприятелей; правда, на всякий случай, чтобы выяснить, кто это, он выслал им навстречу Титиния, одного из своих приближенных. Всадники при виде Титиния с радостными криками соскочили с лошадей, стали обнимать и целовать его. Но Кассий, наблюдая эту картину с большого расстояния, решил, что Титиний попал в плен. Он отозвал в сторону своего отпущенника Пиндара и, обнажив шею, приказал обезглавить себя. Когда Титиний возвратился и узнал о несчастной ошибке полководца, он вонзил меч себе в грудь. Брут оплакал своего товарища, «последнего римлянина», как он назвал Кассия, и приказал тайно похоронить его в Фазосе. Так поплатился главный виновник гибели Цезаря, своим преступлением вовлекший римское государство в новую междоусобицу. Он умер в день своего рождения и, как говорят, от того же кинжала, которым он поразил Цезаря.

Брут и Кассий потеряли 8 тысяч человек, их неприятели — в два раза больше. Но смерть Кассия перепутала все карты. На следующий день с рассветом Антоний снова повел войска в бой, но Брут не решился дать сражение и отступил.

Новая битва состоялась лишь спустя двадцать дней. Октавиан снова сдал позиции на левом крыле, но решительность Антония привела к противоположному для триумвиоров результату на правом фланге, вследствие чего все войско Брута пришло в страшное смятение. Часть его была перебита в отдельных стычках на поле сражения, многие же, вместе с Брутом, обратились в бегство к берегу, но были окружены. Когда Брут понял, что ему не спастись, он бросился на свой меч. После этого четыре легиона, еще оставшихся при нем, сложили оружие. Антоний приказал покрыть тело Брута пурпуром и предать торжественному сожжению, а прах отослал к матери его Сервилии. Голову заговорщика хотели положить к подножию статуи Цезаря — в знак того, что он понес заслуженное наказание, но, когда ее везли в Рим, во время бури на Ионическом море голова скатилась за борт.

После победы триумвиры разделились. Антоний отправился на Восток, в области, отнятые им у заговорщиков, в надежде добыть там денег для расчета с войсками. Путь

Октавиана лежал в Италию. При новом разделе провинций на незначительную особу Лепида обращали мало внимания; Октавиан взял себе Испанию и новую провинцию Африку (Нумидию), Антоний — обе Галлии и старую Африку (Карфаген). В Италии Октавиан с самого начала встретил большие затруднения; ветераны были недовольны земельными наделами, которые им дали, а прежние землевладельцы требовали вознаграждения за отобранную землю. Фульвия, жена Антония, воспользовалась этим, чтобы вызвать беспорядки; у нее был свой интерес: она хотела, чтобы муж ее, попавший в сети египетской царицы Клеопатры, возвратился в Италию. Разразилась так называемая Перузинская война. Луций Антоний, брат триумвира, подстрекаемый Фульвией, стал во главе недовольных и возмущил Перузию, но Октавиан запер его там и принудил сдаться. Антония помиловали, но перузинцы были большей частью истреблены, а сам город разграблен и сожжен. В мартовские иды 40 года Октавиан приказал казнить на алтаре Цезаря 300 знатнейших граждан как искупительную жертву за умерщвление названного отца. Это было последнее жестокое дело в жизни Октавиана.

Эти события привели к расколу между Октавианом и Антонием, который вступил в союз с Секстом Помпеем и во главе своего флота явился в Италию. Это привело к перераспределению провинций: Антоний получил все провинции к востоку от Скодры в Иллирии, Октавиан — все западные провинции, тогда как Италия осталась в общем владении; Лепид получил провинцию Африку. Для укрепления этого договора Антоний обручился с Октавией, сестрой Октавиана. Секст Помпей оказался вне этого союза, но так как он, владея Сицилией и Сардинией, продолжал препятствовать, благодаря своему сильному флоту, подвозу хлеба в Рим и в Италию и этим вызывал в Риме сильное недовольство, то триумвиры вынуждены были договариваться и с ним. В Мизенуме в начале 39 года с Секстом Помпеем заключили договор, по которому он получил Сицилию, Сардинию, Корсику и Пелопонес, а кроме того, ему пообещали компенсировать имущество его отца; за это он обязался снабжать Италию хлебом.

Впрочем, договор не создал между сторонами атмосферу доверия. Вскоре начались взаимные обвинения, и Помпей, пользуясь преимуществом на море, вторгся в Италию. Единственным способом совладать с ним было построить флот, чем Октавиан и занялся при содействии своего друга Марка Випсания Агриппы. Затея оказалась удачной, и в 36 году Агриппа дважды разбил Помпея у берегов Сицилии и вынудил бежать в Малую Азию, где он в сражении с легатами Антония был взят в плен и убит в Милете.

Разделавшись с Помпеем, Октавиан распустил часть своих слишком требовательных ветеранов и избавился от навязчивости остальных богатыми подарками; римские граждане, которых он освободил победой над Помпеем от нужды и голода, прониклись к нему добрыми чувствами. Сенат за эту победу оказал ему много почестей, но он решительно отклонил большую часть из них. К Антонию, воевавшему на Востоке, он демонстрировал дружелюбие; когда Антоний в войне с парфянами понес значительные потери, Октавиан послал ему денег и солдат. Чтобы занять делом свои беспокойные легионы и пополнить казну, он начал войну с горными племенами, жившими по берегам Адриатического моря и в Иллирии, которые отказывались платить дань, и без особого труда покорил их.

По мере того как Октавиан приобретал благосклонность римлян, возрастало их раздражение против Антония, который предавался в Александрии любви с Клеопатрой. С большим неудовольствием узнали римские граждане о том, как он в угоду своей любовнице праздновал в Александрии триумф в честь победы над армянским царем Артаваздом — такое торжество могло праздноваться только в Риме. И сродни предательству было то, что Антоний начал раздаривать римские провинции варварам и детям Клеопатры. При этом, уверовав в свою вседозволенность, он объявил сына Клеопатры, Цезариона, законным сыном Цезаря и тем нарушил права приемного сына, Октавиана.

С этого момента война между Антонием и Октавианом была предрешена; договор между ними, продленный после истечения срока первого триумvirата еще на пять лет, должен был окончиться в 33 году, но, в сущности, он прекра-

тил действовать гораздо раньше. Антоний начал действовать первым, приказав своим легатам собрать морские и сухопутные силы для войны с Октавианом. Клеопатра была руководительницей этого предприятия; она замышляла при помощи Антония, беззаветно ей преданного, явиться в Капитолий царицей Рима. Она заставила Антония дать развод Октавии, которая после этого покинула вместе с детьми дом Антония в Риме. В 32 году Антоний и Клеопатра отправились в Эфес, где собрались его войска, а оттуда на Самос и в Афины. Они проводили время в роскошных празднествах и оргиях — Клеопатра пускала в ход все средства, чтобы не дать своему любовнику одуматься. Дело дошло до того, что Антоний потребовал от сената утвердить те земельные подарки, которые он сделал Клеопатре и ее детям; в ответ сенат объявил египетской царице войну. Антоний же был объявлен неспособным занимать какую бы то ни было государственную должность по причине потери умственных способностей. Таким образом, все обернулось так, что он превратился в предателя, начавшего войну против собственного отечества, в то время как Октавиан явился защитником республики.

Наступил 31 год. У Антония было гораздо больше войска, чем у Октавиана: его сухопутные силы состояли из 100 тысяч человек пехоты и 12 тысяч конницы; на его 500 кораблях находилось 20 тысяч легионеров и 2 тысячи человек легковооруженных воинов; цари и народы от Евфрата до Иллирии, от Армении до Кирены находились в его распоряжении. Одна Клеопатра вооружила 200 кораблей, дала на войну 2 тысячи талантов и предоставила большое количество хлеба. Октавиан же испытывал большие затруднения в сборе средств: ему пришлось выжимать деньги из Италии, что вызвало сильное неудовольствие. Его флот состоял только из 250 кораблей, сухопутное войско — из 80 тысяч пехоты и около 12 тысяч конницы. Правда, его воины были хорошо обучены, а корабли превосходили громадные, но плохо вооруженные корабли Антония подвижностью и быстротой; флотом Октавиана командовал Агриппа, способнейший моряк своего времени.

Весной 31 года Октавиан отправился из Брундизиума в Эпир, а затем двинулся на юг, к Амбракийскому зали-

ву, вход в который был занят флотом Антония. Лето прошло в небольших стычках. Но войско Антония испытывало нехватку припасов, и он решил, пока это не изменило соотношение сил, дать Октавиану большое сражение. Клеопатра, чье желание было для Антония законом, потребовала морской битвы, и тогда он оставил из двухсот египетских кораблей только шестьдесят, а остальные сжег, так как не имел возможности вооружить их. Все корабли он расположил при входе в Амбракийский залив в виде тесно сомкнутой линии, причем египетские корабли стояли позади других, так как Антоний не хотел подвергать Клеопатру опасности. Штормовая погода не давала начать сражение в продолжение четырех дней; оно началось на пятый день, 2 сентября 31 года.

Крупные корабли Антония, находясь в узком месте залива, не имели возможности атаковать сами, и в конце концов легкие суда Агриппы окружили их со всех сторон и стали брать на бордаж. Клеопатра, увидев, что линия, защищавшая ее, прорвана, повернула свой корабль и во главе своих 60 судов удалилась на всех парусах в открытое море. Антоний, боясь потерять Клеопатру, последовал за ней на быстром судне, был принят на ее корабль и отправился вместе с ней в Египет. Воины, покинутые своим полководцем, продолжали храбро сражаться в дикой схватке до тех пор, пока Агриппа не приказал поджечь их корабли. Почти все они погибли от мечей и копий, сгорели в огне или утонули в море.

Сухопутные войска той и другой стороны смотрели на битву с берега. Войско Антония, ожидая возвращения своего полководца, в продолжение семи дней отказывалось сложить оружие и сдалось только тогда, когда бежал его начальник Канидий. В честь своей победы Октавиан основал при Амбракийском заливе, против Аквиума, на месте, где стоял его лагерь, город Никополь. На том месте, где стояла его палатка, он поставил храм Аполлона с медными статуями Счастья и Победы. Знатные римляне, находившиеся в лагере Антония, были большей частью помилованы, так как здравый смысл требовал снисходительности, и лишь некоторые были казнены. Два Аквиллия Флора, отец и сын, должны

были бросить жребий, кому умирать; но отец добровольно пошел на смерть, чтобы спасти сына, а сын после этого убил сам себя. Цари и народы, служившие Антонию, заплатились денежной контрибуцией.

Октавиан перезимовал на острове Самос и только в следующем году двинулся через Азию в Египет. Солдаты Антония вскоре начали в массовом порядке переходить на сторону Октавиана. Антоний и Клеопатра сделали попытку войти с ним в переговоры; они соглашались отказаться от царства с тем условием, что Египет достанется их детям. Антоний не получил ответа, а Клеопатре Октавиан послал открытое письмо, в котором предлагал сложить оружие и отказаться от власти; тайно же он обещал помилование и сохранение власти при условии, что она выдаст Антония или умертвит его. И Клеопатра решилась на это. Она никогда не любила Антония, а только хотела с помощью его получить господство над Римом; теперь, когда звезда Антония померкла, он стал ей не нужен.

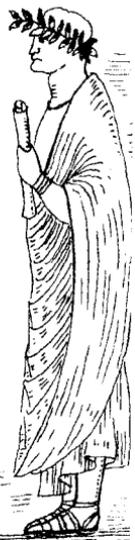
Когда Антоний распознал ее измену, Клеопатра спряталась в выстроенном ею купленном доме и велела передать ему, что она покончила с собой. Услышав об этом, Антоний пронзил себя мечом. Он истекал кровью, когда получил известие, что Клеопатра все-таки жива, и пожелал ее видеть. Двери дома, где скрывалась Клеопатра, будто бы нельзя было открыть, и она вместе со служанками с большим трудом втащила его на веревках на второй этаж. При последнем издыхании Антоний благословил виновницу всех своих зол и умер у ее ног.

После этого Клеопатра попыталась завлечь в свои сети Октавиана, но он остался холоден. Тогда, чтобы не войти в Рим в качестве пленницы, она решила умереть. Клеопатра сделала все приготовления так, что окружающие не заметили ее замысла. Когда Октавиан получил от нее письмо с просьбой похоронить ее рядом с Антонием и послал к ней своих людей, они нашли Клеопатру уже бездыханной, в царской одежде, на ее постели. Верная служанка Ирада лежала мертвая у ее ног; другая, Хармиона, умирая, еще поправляла диадему на голове своей повелительницы. Царица умертвила себя с помощью яда, но каким именно способом — не извест-

но. На руке ее нашли следы раны и поэтому сначала подумали, что она дала укусить себя змее, которую пронесли в корзине с цветами и плодами, но после, так как змеи нигде не нашли, решили, что она убила себя отравленной шпилькой. Первое мнение, однако, распространилось, и Октавиан в своем триумфе провез статую Клеопатры со змеей на руке. Клеопатра умерла на сороковом году от роду. Цезариона, которого она выдавала за сына Цезаря, Октавиан приказал казнить, как и некоторых приверженцев Антония, в числе которых был и Кассий Пармский, последний из оставшихся в живых убийц Цезаря. Египет был превращен в римскую провинцию.

Со смертью Антония кончились печальные времена гражданской междоусобицы, и единовластию Октавиана не было уже препятствий. 1 января 29 года сенат включил имя Октавиана, наряду с именами богов, в религиозные гимны, а день его возвращения в Рим был утвержден праздником. В месяц секстилий, названный впоследствии в честь его августом, Октавиан возвратился в Рим и праздновал тройной триумф — над Далмацией, Акциумом и Египтом. Он порадовал солдат и народ богатыми денежными подарками: каждый солдат получил тысячу сестерций, офицеры еще больше, все граждане мужского пола, до одиннадцатилетних мальчиков, получили по 400 сестерций. Он заплатил все свои долги и не стал требовать уплаты от своих должников: египетская добыча сделала его богачом. После блестящих игр и празднеств он затворил храм Януса в знак того, что мир восстановлен в государстве. Народ после долгих кровопролитных войн и тяжелой нужды радовался спокойствию и принял единовластие Октавиана тем легче, что он, наученный опытом Цезаря, избегал внешних знаков власти и довольствовался ее сущностью.

Октавиан не отличался ни гениальностью Цезаря, ни его страстной жадой славы и честолюбием. Это была натура холодная и расчетливая. Он заботился о сохранении формальной законности, стараясь действовать в согласии с сенатом и народом, хотя иногда и заставлял утверждать свои распоряжения. Вместе с властью он получил по наследству от Цезаря титул императора; этот титул давал ему право на выс-

шую военную власть, которой он в действительности давно уже пользовался. Впоследствии он позаботился о том, чтобы и остальные функции государственной власти были возложены на него. Сначала он добился цензорской власти, вследствие чего получил возможность очистить сенат от враждебных себе людей; затем, по предложению Агриппы, получил пожизненное достоинство принцепса, первого сенатора, и под этим скромным титулом стал править римским государством; титул диктатора он отклонил от себя с неудовольствием. В начале 27 года Октавиан сделал вид, что намерен сделаться частным человеком, и объявил в сенате, что хочет сложить с себя высшую военную власть. Но сенат и особенно его друзья, с которыми эта комедия была заранее условлена, стали упрашивать его остаться, и он, словно против воли, согласился и дальше нести это тяжкое бремя, но только не более десяти лет. В благодарность за это сенат дал ему титул Августа (Высочайшего).

Впоследствии власть Октавиана была продлена еще на десять лет. Вместе с тем он сделался высшим начальником над провинциями, управление которыми разделил между собой и сенатом. 27 июля 23 года он стал пожизненным трибуном, и это сделало его высшим судьей во всем государстве; в качестве трибуна особа Октавиана обрела неприкосновенность; оскорбление, нанесенное ему, расценивалось теперь как государственное преступление. Эта должность имела столь важное значение, что сам Август считал начало своего правления именно с 27 июля 23 года. Вслед за тем он получил право издавать законы и пожизненное консульство, то есть ему в руки упала высшая гражданская власть. После смерти Лепида в 12 году до Р.Х. единовластие Октавиана окончательно оформилось, так как он занял освобожденную должность верховного жреца и к нему перешло руководство всеми религиозными делами и наблюдение за жреческими коллегиями.

Таким образом, установилась монархия, хотя пока еще с республиканской внешностью. Сенат, число членов которого Октавиан ограничил шестьюстами, был ему совершенно предан и ничего не делал против его воли; народ довольствовался раздачами хлеба и играми, которые устраивались

постоянно. Октавиан сохранил форму республиканских должностей, отобрав у них содержание, которое перешло к нему самому; блеском этих должностей он доставлял удовольствие своим друзьям. Внешне он соблюдал скромность: ходил без ликторов, в простой сенаторской одежде, не позволял сенату приветствовать себя вставанием. Дом его не отличался от домов других сановников. В народном собрании он подавал свой голос как простой гражданин, а на выборах ходил среди народа и просил голосовать за своих кандидатов.

Октавиан часто советовался в делах правительственных с близкими своими друзьями; таков был Агриппа, оказавший ему весьма значительные услуги в качестве полководца, и весьма умный человек Мecenат; Агриппа умер в 12-м, а Мecenат — в 8 году до Р. Х. Позже Октавиан учредил тайный совет, состоявший из двадцати избранных сенаторов.

В военном деле Август ввел новшество, создав постоянное войско, в котором каждый солдат обязывался прослужить известное число лет. Это войско было расположено преимущественно в пограничных провинциях, чтобы защищать государство от внешних врагов. Для защиты Италии и Рима он сформировал десять когорт преторианцев, по тысяче человек в каждой; из этих когорт три стояли в Риме. Войны, происходившие в его правление, имели целью не столько расширение пределов государства, сколько обеспечение безопасности его границ или были довершением начатого раньше. Для успокоения Испании Агриппа покорил кантабров и астурийцев на северо-западе полуострова (25—19 годы). На востоке государства велись стычки с парфянами. В 15 году пасынки Августа, Тиберий и Друз покорили альпийские племена, вследствие чего были надежно защищены Галлия и северные границы Италии, а Дунай вместе с Рейном стал границей, которую не смели переходить германские племена. В то же время завоевательные походы Друза и Тиберия в Германию закончились жестоким поражением Публия Квинктилия Вара в Тевтобургском лесу (9 год по Р. Х.).

Превращение республики в монархию было для римского государства благодеянием. Свирепая борьба партий в Риме и кровопролитные гражданские войны прекратились, а в провинциях был положен конец произволу республикан-

ских чиновников. Император в своих интересах не допускал, чтобы римские вельможи эксплуатировали своих подчиненных. Римляне и провинциалы уравнились между собой, так как и те и другие были подданными одного государя; это содействовало выравниванию прав всех подданных государства и более справедливому распределению благ. Последствия мира благотворно сказались во всех сферах человеческой деятельности. Науки и искусства нашли себе особенное покровительство в лице Октавиана, который основывал публичные библиотеки и вместе со своим другом Меценатом покровительствовал литературе, особенно же поэзии, достигшей при нем высшей степени процветания. Поэты Гораций и Вергилий находились с ним и с Меценатом в дружеских отношениях, так же как и историк Тит Ливий.

Октавиан имел прекрасную, благородную наружность, которая и в старости не утратила своей привлекательности; он был хорошо сложен, среднего роста. Бледное лицо, несколько загоревшее в походах, указывало на физические страдания; с молодых лет он часто болел, и это сделало его мнительным. В его ясных голубых глазах был виден пронзительный ум. Брови срастались над изогнутым и острым носом, что древние считали некрасивым; волосы его были белокурые и несколько вьющиеся. В своем доме и в кругу друзей он проводил время с веселым добродушием, нежно любил и сам наставлял внуков. Впрочем, в семейной жизни ему пришлось пережить много неприятностей.

Первая его жена Клодия упомянута нами раньше. Со второй женой, Скрибонией, он развелся в тот же самый день, как она родила ему дочь Юлию. Эта дочь, красавица и умница, однако же, была склонна к разврату и этим причинила отцу много горя. В 25 году она вышла замуж за восемнадцатилетнего Марка Марцелла, а затем, когда он через два года умер, — за Агриппу, от которого имела трех сыновей и двух дочерей. После смерти Агриппы Август выдал ее за Тиберия, но она не питала к новому мужу ни малейшего расположения и предалась распутству. Август, строгий относительно внешних приличий, сослал ее наконец после одного скандала на остров Пандатарии и запретил показываться в Риме. Она умерла вскоре после смерти своего отца.

На несчастную судьбу Юлии, вероятно, имела немалое влияние третья супруга Октавиана, Ливия. В 38 году Октавиан увез ее от мужа, Тиберия Клавдия Нерона, впрочем, не без его согласия на это. Ливия сумела привязать к себе Октавиана приятным обращением, верностью и послушанием; как женщина почти одинакового с ним характера, опытная в деле притворства, она была для него верной и полезной помощницей в исполнении властолюбивых планов. Тем не менее она сделалась злым демоном в семействе императора. От Октавиана она не имела детей, но оба ее сына от первого брака, Тиберий и Друз, воспитывались в его доме, и честолюбивая женщина стремилась оставить монархию в наследство своему старшему сыну Тиберию. Но претендентами на престол были сыновья Юлии. Поэтому Ливия постаралась по возможности усилить разногласия между отцом и дочерью, и ссылка Юлии произошла, вероятно, не без содействия мачехи.

Но на Ливии лежит и еще более тяжкое подозрение: ее обвиняют в том, что она погубила сыновей Юлии. Два старших сына Юлии, Гай и Луций Цезарь, скоропостижно и очень подозрительным образом умерли один за другим, — Луций от загадочной болезни, по дороге в Испанию, в Марселе, в августе 2 года по Р. Х., а старший его брат восемнадцать месяцев спустя в Ликий от раны, которая считалась несмертельной. В обоих случаях подозревали действие яда. Третий сын Юлии, Агриппа Постум, был устранен коварством Ливии; она сумела выставить этого грубого, необразованного юношу в столь неблагоприятном свете, что дед сослал его на остров Планазию. После того как дом Августа опустел, ему для упрочения династии не оставалось другого средства, как усыновить пасынка Тиберия, к которому он не чувствовал никакого расположения, но заслуг которого по отношению к империи нельзя было отрицать.

Еще в смерти Марцелла, первого мужа Юлии, римляне подозревали вину Ливии; когда же в 14 году по Р. Х. умер Октавиан Август, разговоры о том, что она — отравительница, вспыхнули с новой силой. Считалось, что Ливия ускорила смерть мужа, чтобы вручить власть своему сыну.

Летом 14 года Август провожал до Бенсвента отправлявшегося в Идлирик Тиберия. На обратном пути, в Неаполе,

он заболел, слег в постель в Ноле, где и умер 19 августа. Говорят, что на смертном одре император спросил у окружающих, хорошо ли он сыграл свою роль, и, получив утвердительный ответ, сказал: «Ну так рукоплещите мне!» Он умер на 76-м году жизни, на 44-м году своего правления. Ливия сообщила народу о его смерти только тогда, когда в Рим прибыл поспешно вызванный ею Тиберий, который и принял правление. Августа похоронили с большим блеском. Сенат причислил умершего императора к числу богов и учредил в честь его особую жреческую коллегию, верховной жрицей которой стала Ливия.

Римляне искренно сожалели о смерти императора. Жестокости триумвира давно уже были забыты, и в памяти народа остались только благие дела Октавиана Августа. И позже годы его правления считались в основанной им империи золотым веком.

Марк Туллий Цицерон

Мы заканчиваем ряд римских героев величайшим и последним оратором Римской республики — Цицероном, жизнь которого охватывает время от доблестных дней Гая Мария до второго триумvirата. Этот оратор играл весьма важную роль в величественной драме падения Римской республики.

Цицерон родился 3 января 106 года до Р.Х. в поместье своего отца, недалеко от Арпинума — родины Мария, тетка которого была его бабушкой; он был старше Помпея на девять месяцев, Цезаря — на шесть лет, Катона Утического — на одиннадцать лет. Отец его, принадлежавший к сословию всадников и вследствие слабости здоровья предпочитавший сельское уединение жизни в Риме, любил науки и весьма заботился о воспитании своих сыновей — Марка и родившегося несколько лет спустя Квинта. Еще детьми привез он их обоих для образования в Рим. Тут, под руководством знаменитого оратора Красса, обучались они у греческих учителей, в том числе у поэта Архия, которого впоследствии Цицерон защищал перед судом речью, сохранившейся до сих пор.

Молодой Марк скоро привлек общее внимание любознательностью и необыкновенными дарованиями. Уже в очень раннем возрасте начал он заниматься поэзией под руководством Архия, юношей пятнадцати-шестнадцати лет сочинил стихотворение «Главк Понтий», а немного позже — написал эпическую поэму в честь подвигов Мария и перевел «Явления» Арата латинскими стихами. Но при этом не пренебрегал он и более серьезными занятиями. Особенную склонность обнаруживал юноша к ораторскому искусству, и они поддерживались в нем посещениями площади и театра, знакомством с такими выдающимися ораторами, как Красс и Антоний, с актерами Эзоном и Росцием и другими образованными людьми. После наступления совершеннолетия отец отдал его на попечение авгура Квинта Муция Сцеволы, первого правоведа того времени, чтобы юноша познакомился с римским правом. Цицерон постоянно находился при нем, а после смерти его вступил в такие же близкие отношения с другим знаменитым юристом из той же фамилии — верховным жрецом Квинтом Муцием Сцеволой. Одновременно с правом Цицерон изучал очень усердно и философию.

Короткий перерыв в этих научных занятиях был вызван походом, который Марк совершил в 89 году под начальством Помпея Страбона и вместе с его сыном Гнеем Помпеем. Годы междоусобий, порожденных Марием и Суллой, Цицерон провел вдалеке от света, занимаясь только науками и ораторскими упражнениями; юношеский возраст его давал ему право держаться в стороне от всяких партий. С особенным рвением углублялся он в изучение философии под руководством Филона Ларисского и стоика Диодота, который жил у него в доме. С Диодотом Марк занимался преимущественно диалектикой; не проходило ни одного дня без ораторских упражнений на греческом или латинском языке. К этому времени относится также его знакомство с приехавшим два раза в Рим знаменитым ритором Молоном Родосским.

Развив, таким образом, природные дарования и усовершенствовавшись в риторском искусстве и знании права, Цицерон в эпоху диктатуры Суллы впервые выступил с ораторской трибуны. Славу оратора он приобрел в 80 году, когда явился защитником Секста Росция Америкского. Отец Рос-

ция, богатый землевладелец, был убит родственниками, желавшими присвоить его состояние; они действовали сообща с Хризогоном, вольноотпущенником и любимцем Суллы. Цицерон принял на себя защиту Секста, обвиненного в отцеубийстве, и добился для юноши оправдательного приговора. После этого Цицерон поднялся в мнении сограждан так высоко, что они считали возможным поручать ему самые трудные дела.

В 79 году Цицерон отправился путешествовать. Он посетил Афины, Малую Азию, Родос и повсюду знакомился с ораторами, философами и учеными. В Афинах он учился вместе со своим братом Квинтом и Помпонием Аттиком, оставшимся до старости его вернейшим и задушевнейшим другом; в Родосе он слушал лекции стоика Посидония и уже прежде знакомого ему ритора Молона, благодаря указаниям которого его стиль освободился от юношеского многословия и излишних риторических украшений. Через два года он вернулся домой. Вероятно, вскоре после возвращения из Греции он женился на Теренции.

По достижении определенного законом возраста Цицерон был единогласно избран квестором на 75 год. Год этот замечателен тем, что в нем значительные государственные должности занимались тремя лучшими ораторами Рима: консульская — Коттой, эдильская — Гортензием и квесторская — Цицероном. Квестором Цицерон служил на Сицилии под начальством претора Секста Педуция; справедливость и бескорыстие приобрели ему такое уважение местных жителей, что на прощание они удостоили его неслыханных почестей. Риму Цицерон также оказал большие услуги, когда, по случаю обнаружившейся нехватки съестных припасов, отправил туда за свой счет большое количество хлеба. Молодой человек, еще мало знакомый с жизнью, воображал, что теперь он на устах у римских граждан, но как же он был разочарован, когда выяснилось, что многие римские знакомые даже не знают о его квесторстве! Впрочем, по собственным словам Цицерона, это принесло ему такую пользу, какой не извлек бы он из благодарственных заявлений целого света. «Я перестал, — говорит он, — заботиться о том, что будут люди слышать на мой счет, и решил постоянно жить на

виду у города и впредь уже не расставаться с римским населением». Потому-то позже у него не было желания ехать в провинцию в качестве претора и консула.

После сложения квесторских полномочий Цицерон стал членом сената. Он понимал, что аристократия вряд ли встретит его с распростертыми объятиями, и потому усилия его были направлены на то, чтобы найти себе опору в простых гражданах. Он ежедневно являлся на форум и был доступен каждому и в любое время. Старания его не остались напрасными: он получил должность курульного эдила на 69 год. В 70 году сицилийцы, чье доверие он сохранил со времени квесторства, поручили ему судебное преследование Верреса, который в течение трех лет, проведенных в Сицилии в качестве пропретора, грабил и притеснял эту провинцию с неслыханной жестокостью. Несмотря на то что многие влиятельные люди, преимущественно из фамилий Метеллов и Корнелиев, покровительствовали Верресу, Цицерон принял на себя эту миссию. Он сделал это тем охотнее, что предстоявший процесс возбуждал общее внимание, а защитником Верреса намеревался выступить знаменитый Гортензий, победить которого значило приобрести себе славу величайшего юриста и оратора.

Процесс Верреса был направлен против аристократии. Цицерон хотел обуздать ее, заставить себя бояться, чтобы в будущем она не чинила ему никаких препятствий; при этом он надеялся на поддержку народа. Веррес и его покровители употребили все усилия, чтобы замаять это дело, вырвать его из рук Цицерона или отложить на следующий год, когда при таких консулах, как Гортензий и Метелл, их шансы на успех должны были повыситься, но Цицерон с презрением отверг их подкуп и уничтожил все интриги. За пятьдесят дней он объехал всю Сицилию, собрал доказательства и свидетелей и повел все дело так, чтобы процесс нельзя было затянуть. Каждое обвинение он подтверждал показаниями свидетелей и чтением подлинных документов. Обвинительных пунктов оказалось так много, улики и весь образ действий оратора производили такое подавляющее действие, что с третьего дня процесса Веррес перестал являться в суд и даже уехал из города, а Гортензий отказался вести его дело. Суд пригово-

рил Верреса к изгнанию и уплате 40 миллионов сестерций для возмещения причиненных им убытков.

Победа над Верресом и Гортензием доставила Цицерону большое торжество. С этих пор он считался уже первым оратором и юристом Рима. По достижении им определенного законом возраста граждане избрали его претором на 66 год. На этом посту он сделал много хорошего; это была отправная точка для борьбы за консульство, на которое он имел по закону право после трехлетнего исполнения должности претора. Римская знать не хотела видеть его в консульском звании; ситуацию мог изменить подкуп, но прибегать к этому средству, широко применявшемуся его конкурентами, Цицерону не позволяло сознание собственного достоинства. Но тут ему помогло, что одним из главных его соперников был Катилина, от которого знать имела основание ожидать еще худшего, нежели от Цицерона. В результате Цицерон, в пользу которого и без того было большинство граждан, был провозглашен первым консулом без обычной подачи голосов по центуриям.

В новую должность Цицерон вступил 1 января 63 года. С этого дня он решительно стал на сторону сенатской партии и, сообразно своей консервативной натуре, начал повсюду ратовать за сохранение существующего порядка. Демократическая партия, во главе которой стоял Цезарь, имела в нем самого ревностного противника. Он воспрепятствовал принятию закона о разделении полей, предложенного трибуном Публием Сервилием Руллом, чем заслужил благодарность сената и сословия всадников. Товарища своего Антония, находившегося в опасной связи с Катилиной, Цицерон умел привлечь на сторону свою и сената тем, что предоставил в его распоряжение доставшуюся ему самому по жребию на следующий год провинцию Македонию и удовольствовался Цизальпинской Галлией, которую, однако, потом уступил Гаю Метеллу. Цицерона, впрочем, упрекали в том, что при обмене провинций с Антонием он выторговал в свою пользу часть доходов от провинции. Величайшую славу Цицерону принесло раскрытие заговора Катилины.

Луций Сергий Катилина, из древнего рода Сергиев, обладал замечательными умственными способностями и необык-

новенной физической силой, но был заражен всевозможными пороками. Молодость свою он провел в кутежах и бесчинствах и расстроил свое состояние. В эпоху казней Суллы Катилина, из жадности к деньгам и врожденных наклонностей, служил диктатору палачом; он умертвил даже своего брата и тестя, а впоследствии — и жену с сыном. Ужасная репутация не помешала ему, однако, сделаться квестором (77 год), претором (69 год) и управлять в качестве пропретора Африкой (68—66 годы). Взятничество привело его на скамью подсудимых, но дело кончилось оправданием. Тем не менее Катилина, по решению сената, был исключен из списка кандидатов на консульское звание. Тогда он решил захватить власть силой и сговорился с Публием Автронием Петом и Публием Корнелием Суллой, которые были избраны консулами, но затем осуждены до вступления в должности и приговорены к денежным штрафам, и с некоторыми другими недовольными. Цель заговора состояла в том, чтобы убить на форуме 1 января 65 года новоизбранных консулов и многих сенаторов, после чего Катилина и его привереженец Гай Антоний должны были стать консулами.

Но слух о заговоре дошел до консулов, и они приняли меры предосторожности. Из-за недостатка доказательств сенат отказался от следствия по этому делу, однако Катилина продолжил идти по однажды выбранной дороге. В товарищи себе он выбрал отчаянных людей всякого состояния и возраста, которым за помощь в добыче консульства обещал прощение долгов, проскрипцию богачей, доходные государственные и жреческие должности. Государственный переворот показался им делом нетрудным, так как главные военные силы государства стояли с Помпеем в Азии и Италия была почти беззащитна. Но и на этот раз планы заговорщиков не осуществились.

Катилина попытался заручиться поддержкой влиятельных людей, чтобы стать консулом на 62 год, но понял, что видов на законное избрание у него немного. Все смотрели на него с недоверием. Катон выступил против него с упреками в сенате; на это Катилина дерзко ответил, что если будут разводить огонь, чтобы погубить его, то он станет тушить пожар не водой, а развалинами.

Душой всех мер, направленных против Катилины, был консул Цицерон. Он склонил на свою сторону Фульвию, любовницу Курия, одного из заговорщиков, а через нее и самого Курия, который стал информировать консула обо всех намерениях Катилины. Благодаря этому Цицерон узнал, что заговорщики приняли решение убить его и силой провести в консулы Катилину. Он собрал сенаторов и потребовал от Катилины объяснений, но тот и не думал оправдываться: «В чем же состоит мое преступление? Я вижу в государстве два тела, одно отжившее и со слабой головой, а другое полное жизни, но без головы. Клянусь жизнью, она будет ему доставлена!»

Теперь Катилине ничего более не оставалось, как открыто перейти к насилию. Он отправил доверенных лиц по всей Италии в надежде поднять восстание, а сам в ночь с 6 на 7 ноября 63 года собрал важнейших заговорщиков на Серпной улице, в доме М. Порция Лекаса, сообщил, что вскоре отправляется к войскам, и назначил, кому остаться в Риме и какие дела исполнять. Своим наместником в Риме он назначил Лентула, Цетег должен был умертвить враждебных сенаторов, Габиний — заняться убийствами противников среди граждан, а Кассий — зажечь город. Двое заговорщиков, Корнелий и Варгунтей, взялись убить Цицерона, но консул этой же ночью был предупрежден Фульвией и предпринял меры предосторожности.

На следующий день Цицерон собрал сенат в храме Юпитера Статора, который охраняли вооруженные всадники. Катилина явился на заседание с обычной дерзостью; он кланялся, но ему не отвечали, он сел, и тотчас все места около него были оставлены. Обвинительную речь Цицерона он выслушал молча, а когда тот закончил, с опущенным взором поклялся в своей невинности. Когда же сенаторы прервали его, он поспешно оставил собрание. Следующей же ночью Катилина оставил Рим, говоря, что оскорблен и отправляется в добровольное изгнание в Массилию; в действительности же он отправился к легионам, стоящим в Этрурии.

Это было на руку Цицерону, который желал удаления Катилины, чтобы было легче разделаться с заговорщиками, которые останутся в городе без предводителя. Ему донес-

ли, что медлительный Лентул, по настоянию нетерпеливого Цетега, назначил наконец избиение сенаторов на ночь Сатурналий (19—20 декабря). Однако он все еще не имел в руках убедительных доказательств, чтобы начать против них судебное преследование. Но тут случилось, что заговорщики сами предоставили веские улики. Именно в это время в Риме были послы от кельтского народа аллоброгов, которых заговорщики попытались склонить на сторону Катилины, но аллоброги сообщили о происшедшем своему патрону Квинту Фабию Санге, а тот, в свою очередь, известил об этом Цицерона. Устроено было так, что послы потребовали от заговорщиков письма к своим высшим властям. Лентул, Цетег, Статилий и Габиний попались на эту удочку и по распоряжению сената были арестованы. 5 декабря Цицерон созвал сенат в храме Конкордии, чтобы решить вопрос о наказании. Цезарь выступил за пожизненное заключение; против этого мнения восстали Катон и Цицерон — и они добились того, что четыре упомянутых заговорщика и еще один, Цепарий, были приговорены к смерти. Еще до наступления ночи Цицерон велел колесовать их и сам присутствовал при казни.

Восстания приверженцев Катилины в разных местах Италии были подавлены без труда. Сам Катилина с верными ему войсками хотел уйти через Апеннины в Галлию, но проходя в горах занял Метелл Цедер. 6 января 62 года он нашел смерть в бою, и его голова была отослана в Рим. Многие из приверженцев Катилины были приговорены к изгнанию и денежному штрафу, но никто больше не был казнен.

Цицерон гордился своим участием в раскрытии заговора Катилины, и он имел на это право. Но многие порицают его за то, что он говорил о своих деяниях слишком часто и слишком восторженно: он написал историю своего консульства на греческом и латинском языках, воспел ее в латинском стихотворении, послал к Посидонию Родосскому, чтобы тот описал ее с еще большим искусством. Во время своего консульства и в следующие несколько лет Цицерон чувствовал себя первым лицом в государстве, наряду с Помпеем, который в это время, после покорения азиатских народов и царей, находился в высшем блеске своей славы; в союзе с ним он

надеялся стать опорой расшатавшегося государства, и сам Помпей по возвращении из Азии признал его заслуги, сказав: «Я напрасно стремился бы к третьему триумфу, если бы ты не спас места, где этот триумф должен праздноваться».

Но уже в тот самый день, когда Цицерон оставил консульство, он мог предположить, какие горькие разочарования ожидают его в будущем. Он, по старому обычаю, хотел сложить свою должность речью перед народом, но трибун Метелл Непот воспрепятствовал этому, говоря, что тот, кто осуждал на смерть римских граждан без суда, не имеет права говорить с народом. И впоследствии эти упреки неоднократно повторялись. Обиженный на Цицерона Клодий специально перешел из патрицианского сословия к плебеям, чтобы стать трибуном и преследовать Цицерона за незаконные казни. За Клодием стоял Цезарь, которому не удалось склонить Цицерона на свою сторону и сделать союзником триумvirата. В начале 58 года Клодий предложил закон, по которому казнь римского гражданина без суда наказывалась изгнанием. Цицерон легко мог видеть, что этот закон направлен против него, надел траурное платье и оставил город. В тот же день закон Клодия был принят и Цицерон подвергнут опале. Клодий приказал сжечь дом Цицерона на Палатинском холме и посвятил это место богине Свободы, статую которой он поставил в выстроенной там галерее; виллы Цицерона в окрестностях города также были разрушены.

Цицерон направился в Нижнюю Италию и после колебаний — куда бежать — двинулся из Брундизиума в Диррахиум. Из боязни столкновения с приверженцами Катилины он миновал Грецию и Эпир и поспешил в Македонию, где один из друзей, квестор Гней Планций, приютил его в своем доме в Фессалониках. Цицерон оставался там до весны следующего года, когда узнал, что наместником в Македонию назначен его враг Пизон. Тогда он отправился в Диррахиум и стал ждать разрешения на возвращение в Рим. Всегда столь храбро говоривший, Цицерон не умел с должным достоинством переносить изгнание. Безутешный плач в письмах, глубокое отчаяние, нетерпение в ожидании лучшего оборота дел производят весьма неприятное впечатление и представляют

нам его человеком слабым, колеблющимся, готовым уступить обстоятельствам.

Лишь после шестнадцати месяцев, полных горя и печали, Цицерону позволили вернуться в Италию. Сенат к этому времени потерял значение, и в Риме господствовали триумвиры. Тут он обнаружил, что Клодий по-прежнему опасен для него и даже угрожает его жизни. Ища спасения, он тесно примкнул к Помпею и стал искать расположения Цезаря. В 52 году он наконец освободился от Клодия, которого убили слуги трибуна Милона. Цицерон защищал Милона перед судом, но не смог спасти его от изгнания.

В 51 году он отправился наместником в Киликию и, вернувшись через год в Рим, попал в разгар борьбы между Помпеем и сенатской партией, с одной стороны, и Цезарем — с другой. В Киликии Цицерону, кроме исполнения гражданских обязанностей, пришлось повоевать, и не без успеха; он питал надежду на триумф и поэтому остался за городом с ликторами, носившими пучки, перевитые лаврами, но среди римских бурь никому не было дела до его киликийских побед. Надежды рушились, хотя ликторов он водил за собой целый год. Когда вспыхнула междоусобная война, он после некоторого колебания примкнул к Помпею, так как видел в нем приверженца республики, которую Цезарь, судя по всему, намеревался сокрушить.

Цицерон последовал за Помпеем в Грецию; во время битвы при Ферсале он лежал больной в Диррахиуме. После поражения в этом сражении он считал борьбу конченной. Он отклонил предложение Катона принять руководство войском, и в то время как большинство сторонников Помпея двинулось в Африку, вернулся в Италию, где дождался в Брундизиуме возвращения Цезаря из Египта. Цезарь отнесся к нему дружески. И с тех пор, говорит Плутарх, Цицерон всегда пользовался его уважением.

Но Цицерон не мог свыкнуться с новым порядком вещей. Сердце его было привязано к республике, спасение которой оставалось самым славным делом его жизни; владычество одного человека — пусть даже этот один и был наилучшим — было противно его внутреннему чувству. Огорчало его и то, что после блестящего поприща он был обречен на

бездействие. К тому же несчастные семейные обстоятельства — развод с женой Теренцией, разлад с братом и всего более смерть любимой дочери Тулии — причинили Цицерону немало горя и печали. Поэтому он удалился от общественной жизни и проживал большей частью на своих виллах, где в тихом общении с природой и в занятиях науками искал развлечения и покоя. В особенности он занимался философией; к этому времени относятся сочинения «О крайних пределах добра и зла», «Академические исследования», «Тускуланские рассуждения», «О природе богов», «О нравственных обязанностях» и другие.

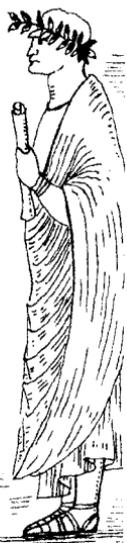
Когда 15 марта 44 года Юлий Цезарь пал под кинжалами, Цицерон возрадовался заре новой свободы. Его несправедливо обвиняют в том, будто тайна заговорщиков была ему известна. Правда, однако, в том, что он открыто стал на сторону «освободителей» и был в числе тех, кто в тот же вечер прибыл к ним в Капитолий. 17 марта он горячо требовал в сенате, чтобы убийцам дарована была амнистия. Надежды на восстановление республики Цицерон возлагал на Брута и Кассия; но уже совсем скоро он начал сетовать на неумелость тех, кто именовал себя спасителями отечества, и с тоской предвидел новую междоусобную войну. Когда Антоний захватил власть, Цицерон, боявшийся мести сторонников Цезаря, оставил Рим и в течение пяти месяцев в нерешительности, с мыслью бежать в Грецию, странствовал по Италии и Сицилии, но потом все-таки решил вернуться.

В Риме он стал во главе сената и с необычайной энергией выступил против Антония. На короткое время он опять обрел могущественное влияние, не меньшее, чем во время своего консульства. Он настоял на том, чтобы Антоний, желавший отобрать у Децима Брута Цизальпинскую Галлию, был предан опале. Но он сделал промах, когда молодого Октавиана, льстившего ему и звавшего его отцом, отправил в качестве пропретора с консулами в поход против Антония, предполагая иметь в нем опору свободы и поборника республики. Он вскоре после того, как Октавиан заключил с Антонием и Лепидом триумвират, убедился в своей ошибке. Имя Цицерона было в числе первых попавших в прокрипционный список.

Цицерон находился в Риме, когда в конце ноября 43 года консул Педий получил от триумвиров приказание умертвить семнадцать известнейших мужей. В ночь убийства Цицерон бежал в Тускулум: он хотел вместе с братом Квинтом и его сыном добраться до Македонии, где в лагере Брута находился сын Цицерона — Марк. Но так как Квинт второпях не озаботился никакими средствами для путешествия, он с сыном отправился в Рим, чтобы захватить необходимое, и Цицерон продолжил путь один. Они расстались с тревожными предчувствиями, и эти предчувствия оправдались. В Риме Квинт был выдан одним из своих вольноотпущенников. Первым схватили сына, и даже пытки не смогли заставить его открыть отцовское убежище. Но отец, чтобы прекратить мучения сына, покинул свое убежище. Оба, отец и сын, желали умереть один раньше другого, и палачи увели каждого в отдельную комнату и умертвили обоих одновременно.

Тем временем Цицерон делал бессмысленные перемещения: сел на корабль у Астуры, но вскоре высадился у Цирцеи, и несколько часов шел он пешком в направлении Рима, затем повернул назад и провел ночь в Цирцее. Ночью он вообразил, что должен вернуться в Рим, явиться в дом Октавиана и у его домашнего жертвенника вонзить себе кинжал в грудь. Утром, по увещанию своих рабов, он снова сел на корабль, но беспокойное море сделало его больным. Он опять сошел на берег и отправился в свое близлежащее имение Формианум. Между тем в Формианум прибыла толпа сыщиков, и во главе их центурион Геренний и военный трибун Попилий Лэна, которого Цицерон когда-то защищал и спас от обвинения в отцеубийстве. Завидев приближавшегося Геренния, Цицерон велел своим носильщикам остановиться, запретил защищать себя, наклонил, не сходя с носилок, голову и обратился к Гереннию со словами: «Сюда, ветеран, и если ты хоть это хорошо умеешь, руби!» Геренний взмахнул мечом, но лишь после третьего удара голова упала на землю.

Цицерон погиб 7 декабря 43 года почти 64 лет от роду. Убийцы принесли его голову и отрубленную руку Антонию прямо на народное собрание. Антоний принял трофей с громкой радостью; убийцам было заплачено 250 тысяч динариев, что в десять раз превышало обычную награду за

голову опального. После того как Фульвия, супруга Антония, вдоволь натешилась, исколов язык ненавистного оратора булавкой, голова и рука, по приказу Антония, были выставлены напоказ на ораторской трибуне, с которой так часто выступал Цицерон.

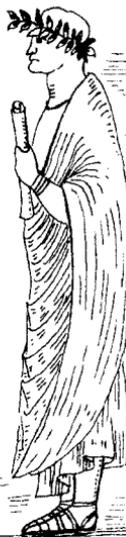
Так нашел свой конец величайший оратор Рима. Он любил свое отечество, но ему не доставало политической прозорливости и силы воли. Опасность внушала ему мужество, но ненадолго — вскоре он начинал колебаться и слишком заботиться о собственной безопасности. Его не без основания укоряют в изменчивости политической окраски. В начале своего поприща он примкнул к Помпею, но, став консулом, перешел на сторону аристократии. Затем его прибило к триумвирам Помпею и Цезарю, а когда они рассорились, он сохранил связи с обоими и сначала обратился нерешительно на сторону Помпея, а затем стал искать расположения победителя Цезаря. После смерти Цезаря он возликовал и сделался активнейшим деятелем сената. Во всем этом, конечно, много непостоянства. Цицерон вообще был натура мягкая и подвижная, легко поддававшаяся напору противоположных настроений и ощущений; несамостоятельный и нетвердый в себе, он охотно соглашался с чужими суждениями. При этом он был тщеславен и хвастлив.

Впрочем, в характере Цицерона было немало и привлекательных сторон. Живя в испорченное время, он считался образцом нравственности, сохранял умеренность в удовольствиях, нежно любил свое семейство; он неустанно трудился на пользу государства. Как оратор, ученый и писатель он оказал своему народу величайшие услуги. Смолоду он разнообразными учеными занятиями приобрел богатый запас познаний, но это не помешало ему в течение всей жизни работать над своим образованием. Он достиг высшего совершенства в ораторском искусстве, создал многочисленные сочинения риторического и философского содержания и открыл своим искусством новые возможности латинского языка.

Цицерон был человек высокий, стройный, с длинной, тонкой шеей. Даже в старости он имел красивую фигуру. На губах его всегда играла насмешливая улыбка. Он был остроумный собеседник. От отца Цицерон наследовал небольшое

состояние, но позже разбогател — первые большие деньги ему принесла женитьба, затем доходы резко возросли благодаря адвокатской деятельности; обмен провинций с Антонием и наместничество в Киликии упрочили его положение как человека весьма состоятельного. Свои средства он тратил на покупку поместий, сооружение и отделку вилл. В год после своего консульства он купил на Палатине великолепный дворец, который позже был сожжен Клодием, но затем был опять восстановлен, причем на полученное от государства пособие. Вообще у Цицерона была страсть покупать и строиться, и потому он нередко впадал в долги. Этим неприятностям немало, по-видимому, способствовала его жена Теренция, тратившая деньги сверх меры. В 46 году Цицерон развелся с ней и, чтобы поправить свои денежные дела, женился, будучи 62 лет от роду, на молодой, красивой и богатой девушке Публии, опекуном которой числился; этот брак, однако, был вскоре расторгнут.

От первой жены Цицерон имел двоих детей, дочь Туллию и сына Марка. Он был привязан к ним самой искренней любовью — в особенности к Туллии. Дочь умерла в 45 году, и ее смерть повергла отца в беспредельную скорбь и заставила на полгода удалиться от всякого общества. Сын его Марк Туллий получил самое тщательное воспитание. Он служил с отличием в войске Помпея во время Фарсальской битвы, учился затем в Афинах, где, к немалому огорчению отца, предавался пьянству и распутству. Когда в 45 году Марк Брут явился в Афины, он назначил молодого Цицерона начальником своей конницы, и в этой должности тот оказал Бруту важные услуги. После смерти Брута Марк Туллий служил некоторое время под начальством Секста Помпея и впоследствии примкнул к Октавиану, сделавшему его в 30 году консулом. Когда во время его консульства в Рим пришла весть о смерти Антония, он велел прибить об этом объявление к ораторской трибуне, где прежде Антоний выставил голову старика Цицерона. После своего консульства Марк Туллий Цицерон был проконсулом в Азии, затем легатом в Сирии. Его страсть к опьяняющим напиткам была, вероятно, причиной его преждевременной смерти. Он был последним представителем рода Цицеронов.

Содержание

Рим во времена царей.	5
Ранняя республика.	13
Луций Юний Брут	13
Публий Валерий Попликола	19
Спурий Кассий Висцеллин	22
Гней Марций Кориолан	24
Луций Квинкций Цинциннат	28
Аппий Клавдий и децемвиры	33
Марк Фурий Камилл	38
Марк Валерий Корв	52
Тит Манлий Торкват	56
Луций Папирий Курсор	60
Квинт Фабий Максим Руллиан	66
Пирр, царь Эпирский	72

Классическая республика	82
Гай Фабриций Лусцин	82
Гай Марк Дуилий	85
Марк Атилий Регул	87
Квинт Фабий Максим Кунктатор	92
Марк Клавдий Марцелл	96
Публий Корнелий Сципион Африканский Старший	101
Марк Порций Катон Старший	107
Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший	110
Тиберий Семпроний Гракх	119
Гай Семпроний Гракх	123
 Поздняя республика	 128
Гай Марий	128
Луций Корнелий Сулла	141
Квинт Серторий	154
Луций Лициний Лукулл	161
Гней Помпей Великий	175
 Начало империи.	 199
Гай Юлий Цезарь	199
Гай Юлий Цезарь Октавиан Август	220
Марк Туллий Цицерон	236

Штоль Г. В.
Ш93 Древний Рим в биографиях/Генрих Вильгельм Штоль. — М.: Ломоносовъ, — 2013. — 256 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-140-3

Полководцы и политики, ораторы и воины, мудрецы и гордецы, покровители искусств и чревоугодники, интриганы и люди чести, бесребреники и казнокрады, а иногда и то, и другое, и третье в одном лице... Все великие римляне собраны в этой книге, охватывающей время от царского периода до начала империи. Галерея портретов-биографий, мастерски написанная выдающимся немецким историком Генрихом Вильгельмом Штолем, открывается на фоне грандиозных — реальных и мифических — событий римской истории. Мы присутствуем при основании города легендарными Ромулом и Ремом, становимся свидетелями того, как изгнанный из Рима Кориолан является под его стены во главе неприятельского войска, как Сципион Старший одолевает Ганнибала, как гибнут в борьбе за идею братья Гракхи, как сотнями уничтожает своих врагов Сулла и как идет к власти Цезарь...

Классический труд Генриха Вильгельма Штоля (1819–1890) выходит в новой редакции.

УДК 931/939
ББК 63.3 (0) 32

История. География. Этнография

Генрих Вильгельм Штоль

Древний Рим в биографиях

Редактор В. Генкин
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 25.04.2013. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 16,0. Тираж 1000 экз. Заказ 1617

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

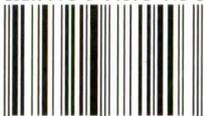
Генрих
Вильгельм
Штоль
Древний Рим
в биографиях

Полководцы и политики
и воины, мудрецы и
покровители искусств
и чревогодники, интриганы
и люди чести, бессребреники
и казнокрады, а иногда и то,
и другое, и третье в одном лице...

Все великие римляне собраны в этой книге, охватывающей время от царского периода до начала империи. Галерея портретов-биографий, мастерски написанная выдающимся немецким историком Генрихом Вильгельмом Штолем, открывается на фоне грандиозных — реальных и мифических — событий римской истории. Мы присутствуем при основании города легендарными Ромулом и Ремом, становимся свидетелями того, как изгнанный из Рима Кориолан является под его стены во главе неприятельского войска, как Сципион Старший одолевает Ганнибала, как гибнут в борьбе за идею братья Гракхи, как сотнями уничтожает своих врагов Сулла и как идет к власти Цезарь...

Классический труд Генриха Вильгельма Штоля (1819–1890) выходит в новой редакции.

ISBN 978-5-91678-140-3

9 785916 781403